Ханну Райаниеми

СЕРВЕР И ДРАКОН

«РАЙАНИЕМИ, БЕЗ СОМНЕНИЯ, ОДИН ИЗ УМНЕЙШИХ ПИСАТЕЛЕЙ, РАБОТАЮЩИХ В ЖАНРЕ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ».
TOR.COM

fanzon

Сервер и дракон
Ханну Райаниеми

Аннотация
Ханну Райаниеми. Сервер и дракон
Deus Ex Homine
Сервер и дракон
Тюхе и муравьи
Скафандр с привидениями
Голос его хозяина
Элегия в честь юного лося
Джугаадский собор
Ловец человеков
Невидимые планеты
  Планеты и смерть
  Планеты и деньги
  Планеты и гравитация
  Планеты и глаза
  Планеты и слова
  Планеты и руины
Призрачные псы
Покрывало из змей
Влюбленный Париж
Приложение Topsight
Самая древняя игра

Не-любовь в районе Сибуя
Машинистка сатаны
«Звездный странник» с Земли
Глава первая. Дом доктора Дюпре
Глава вторая. Доктор Соан, я полагаю
Глава третья. Звездный странник
Глава четвертая. Большой Д
Глава пятая. Хозяева Земли
Глава шестая. «Звездный странник» Земли
Эпилог
Белоснежка мертва
Нейрофикшен: предисловие к рассказу «Белоснежка мертва»
Неиспользованные «завтра» и другие истории
Предисловие к рассказу «Неиспользованные “завтра” и другие истории»
Открытие
Снеговики
Не слишком замечательная жизнь
Человек – воздушный шар
Блиц-город
Город клыков
Имхотеп Остин в атомной ловушке!
Имхотеп Остин в ловушке времени

Аннотация

Номинация на Мемориальную премию Теодора Старджона.

Финалист финской премии «Блуждающая звезда».

Финалист премий «Локус» и «Хьюго».

Сплавляя в своих рассказах несоединимое, Ханну Райаниеми искусно жонглирует мифологией и технологией, воспевая бескрайнюю вселенную, сотканную из битов, которую бороздят темные корабли и драконы. Здесь квантовые стихи-заклинания срываются с губ, превращаясь в быстроногих лосей, человеческая трагедия делает возможным личный разговор с божеством, высятся цифровые соборы, а звезды создаются усилием мысли.

Как будет развиваться человеческая природа, если единственным пределом желаний является творчество? Что происходит, когда различие между людьми и богами так же мало, как наномашины, или так же велико, как Вселенная? Вот лишь основные вопросы, которые автор задает себе – и читателю – в

этом увлекательном путешествии в глубины внутреннего и внешнего пространства.

«Райаниеми, без сомнения, один из умнейших писателей, работающих в жанре научной фантастики». – Tor.com

«Актуальная демонстрация того, как научная фантастика расширяет возможности литературы и опыт человека». – Geek Chocolate

«Сверхсущества с наноприводом, плотоядные эмерджентные технологии, двери восприятия, распахнутые настежь и почти сорванные с петель – засунь в рот ствол фантазии Райаниеми и вынеси себе мозг!» – Ричард Морган

«Как в реальности, так и в вымысле, Райаниеми находится на самом переднем крае». – Interzone

«Маленькие жемчужины высококонцептуальной прозы». – Sci-Fi and fantasy Reviews

«Эта книга не для ваших дедушек. Эта книга не для фанатов „Звездных Войн“. Эта книга не для тех, кто „просто почитывает“ НФ. Но если вы читали Грега Игана, Чарльза Стросса, Ричарда Моргана, Дэниэла Суареза и Вернора Винджа – хватайте ее как можно скорее». – The Daily

«Вихрь, в котором встречаются наука и странности будущего, взрывающийся фейерверком смелых идей, комплексным нарративом и чертовски хорошей прозой». – My Biochemical Sky

«Лучшая и самая оригинальная антология после „Фейерверка“ Анджелы Картер, вышедшего 40 лет назад». – Wall Street Journal

«Это восхитительное путешествие в воображаемые миры привносит свежий взгляд на вечные идеи». – Publishers Weekly

«Райаниеми пишет постсингулярные сказки о романе компьютера с драконом, технологически продвинутых кошках и собаках и космических станциях с привидениями. Если вам нравится научная фантастика, а научная часть немного диковинна, то эта книга определенно для вас». – Barnes & Noble Blog

Ворвавшись на сцену научной фантастики с дебютным романом «Квантовый вор», Ханну Райаниеми быстро завоевал репутацию автора, который сочетает экстраординарную и самую передовую науку с красивой прозой, делая все это с остроумием, теплотой и радостью от увлекательного повествования.

Именно эти качества демонстрируются в

сборнике рассказов, представляемом внимаю читателя. Взятые из антологий, журналов и интернет-изданий и впервые собранные в виде книги, эти фантастические новеллы варьируются от лирических до причудливых, от элегических до озорных. Это коллекция, которая показывает одного из величайших новых изобретателей в научной фантастике.

Ханну Райаниеми
Сервер и дракон

Hannu Rajaniemi
INVISIBLE PLANETS: COLLECTED FICTION

Copyright © Hannu Rajaniemi 2016
© И. Нечаева, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Былым и настоящим товарищам из
Группы авторов научной фантастики,
фэнтези и хоррора Восточного побережья
и Блока писателей

Deus Ex Homine

Ябыл не из тех богов, что умирают за твои грехи или говорят: «Не подходи, потому что я свят для тебя». Я был полноценным трансгуманистским божеством, с телом из жидкого металла, внешним мозгом, облаками самовоспроизводящегося служебного тумана, выполнявшими мои приказы, и рекурсивным самосовершенствующимся ИИ, который покорялся моей воле. Я мог сделать все, чего хотел. Я не был Иисусом, я был Суперменом, злым Суперменом Биззаро. Мне очень повезло. Я выжил.

В Питтенуиме тише, чем должно быть, даже с учетом того, что мы находимся в маленькой приморской деревеньке Файф. Чума на севере, за Адриановым файрволом, свирепствует, и домики прячутся за вспышками служебного тумана.

— Не очень похоже на Преззагард, да? — спрашивает Крейг, когда мы въезжаем на главную улицу.

«Тревога, — шепчет симбионт в моей голове, — беспокойство». Я не могу винить Крейга. Я парень его падчерицы, который приехал в гости в пер-

вый же ее выходной. Конечно, будут проблемы.

— Непохоже, — отвечаю я, и в желудке у меня бурчит от беспокойства.

— Чем бы дитя ни тешилось, как говаривала моя бабушка, — провозглашает Крейг. — Вот мы и на месте.

Сью открывает дверь и обнимает меня. Как всегда, я вижу Эйлин в ее чертах, в коротких светлых волосах и веснушчатом лице.

— Привет, Юкка, — говорит она. — Рада тебя видеть.

— И я тебя, — отвечаю я, и моя искренность удивляет и симбионта, и меня самого.

— Звонила Эйлин, — говорит Сью, — она будет через пару минут.

Я замечаю, что Малькольм смотрит на меня. Я подмигиваю ему, и он хихикает.

— Малькольм меня с ума сводит, — вздыхает она. — Теперь он решил, что может летать, как ангел. Здорово, конечно, когда тебе шесть и ты веришь, что все возможно.

— Эйлин до сих пор в это верит, — замечаю я.

— Знаю.

— Это она! — вдруг кричит Малькольм.

Мы выбегаем на задний двор и смотрим, как она спускается с небес.

Ангел велик, даже больше, чем на видео. Кожа у него прозрачная, похожая на текучее стекло, крылья угольно-черные. Лицо и торс грубо вылеплены и похожи на незаконченную статую.

В груди у него, запертая, как муха в янтаре, улыбается Эйлин.

Спускаются они медленно. Поток воздуха от крошечных лопастей в ангельских крыльях срывает лепестки с хризантем Сью. Наконец он легко опускается на траву. Стеклянная плоть раздвигается, и Эйлин выходит наружу.

Это наша первая встреча после ее ухода. Мягкий скафандр слегка светится, и она в нем похожа на рыцаря. Черты ее лица стали резче, она загорела. В Q-нете пишут, что солдаты корпуса богоубийц не только получают крутую снарягу, но и подвергаются изменению ДНК. Но это все равно моя Эйлин: грязные светлые волосы, острые скулы, зеленые глаза, в которых всегда таится вызов. Моя Эйлин, мой солнечный свет.

Я могу только смотреть. Она подмигивает мне и обнимает мать, брата и Крейга. Потом подходит ко мне, и я слышу тихий гул скафандра. Касается губами моей щеки.

— Юкка, какого хрена ты тут делаешь?

— Эй, хорош целоваться, — говорит Маль-

кольм.

— Мы не целуемся. — Эйлин снова сгребает его в объятия и улыбается. — Мы просто здороваемся. Говорят, ты хотел познакомиться с моим ангелом?

Малькольм сияет, но Сью хватает Эйлин за руку.

— Сначала поешьте, играть будете потом.

— Вот теперь я чувствую, что вернулась домой, — хохочет Эйлин.

Эйлин ест с удовольствием. Доспехи она сменила на джинсы и футболку и теперь гораздо больше похожа на девчонку, которую я помню. Она замечает, как я смотрю на нее, и сжимает мою руку под столом.

— Не бойся, я настоящая.

Я ничего не говорю и отнимаю руку.

Крейг и Сью обмениваются взглядами, и симбионт заставляет меня что-нибудь сказать.

— Я так понимаю, вы решили оставаться по эту сторону Файрволла?

Сью кивает:

— Я никуда не поеду. Этот дом построил мой отец, и мы останемся здесь, куда бы боги ни бежали. К тому же эта компьютерная штука неплохо нас защищает, судя по всему.

— Рыба, — говорю я.

— Никогда к этому не привыкну, — смеется она. — Я знаю, что ее так назвали те парни, которые ее построили, но почему Рыба?

— Шутка для задротов. — Я пожимаю плечами. — Рекурсивный акроним. РЫба — БогоАнтроп. Или там Безумный Акроним. Не очень смешно на самом деле.

— Ну ладно. Так или иначе, милостью Рыбы мы планируем оставаться здесь.

— Отлично, — говорю я. И думаю, что это очень глупо.

— Шотландцы все такие, — замечает Крейг, — упрямые.

— Финны тоже, — соглашаюсь я. — Вряд ли мои родители куда-то уедут в ближайшее время.

— Я всегда знал, что у нас есть что-то общее, — радуется он, но симбионт сообщает мне, что его улыбка не такая уж искренняя.

— Эй, — вмешивается Эйлин, — насколько я помню, Юкка — не ваша дочь. И я только что вернулась домой с войны, между прочим.

— И как там, на войне? — спрашивает Крейг.

«Вызов» — регистрирует симбионт. Мне становится неловко.

— Грязно, — грустно улыбается Эйлин.

— Один мой друг в нулевые служил в Ираке, — говорит Крейг. — Вот там было грязно. Кровь и кишки. А сейчас только и есть, что машины и ботаники в них. И эти машины даже не могут никого убить. Что это за война такая?

— Мне нельзя говорить об этом, — отвечает Эйлин.

— Крейг! — говорит Сью. — Не сейчас.

— Я просто спрашиваю. У меня в Инвернессе друзья, и из-за чумы там все превратилось в гигантский тетрис. Эйлин была на войне, и она знает, как там все устроено. Нам здесь тоже невесело. Я просто хочу знать.

— Если она не хочет об этом говорить, значит, и не надо, — возражает Сью. — Она вернулась домой. Оставь ее в покое.

Я смотрю на Крейга. Симбионт предупреждает меня, что это будет ошибкой, но я велю ему заткнуться.

— Она в чем-то права, — говорю я, — это ужасная война. Хуже любой, что были прежде. И ты прав, агенты богочумы не убивают. Убивают боги. Рекурсивные самосовершенствующиеся ИИ не убивают, а вот киборги-убийцы — вполне.

— И почему же ты не там? — хмурится Крейг. — Раз там все так плохо?

Взгляд Малькольма мечется между сестрой и отчимом. «Сумятица». «Слезы».

Я кладу вилку — еда вдруг становится безвкусной.

— Я болел чумой, — медленно отвечаю я, — я не годен. Я был одним из ботаников.

Эйлин встает, и глаза ее вспыхивают яростью.

— Да как ты смеешь? — орет она на Крейга. — Ты не представляешь, о чем говоришь. Вообще. Из роликов в Сети ты ничего не поймешь. Рыба вам ничего не показывает. Хочешь услышать, как там плохо? Я расскажу.

— Эйлин… — Я открываю рот, но она жестом заставляет меня замолчать.

— Да, Инвернесс был похож на гигантский тетрис. В этом виноваты машины и ботаники. Мы их убили, да. А знаешь, что еще мы видели? Младенцев. Младенцев, больных богочумой. Дети жестоки. Они прекрасно знают, чего хотят: есть, спать, не чувствовать боли. И богочума дает им это. Я видела женщину, которая сошла с ума. Она говорила, что потеряла ребенка и не может его найти, а на самом деле была беременна. Мой ангел посмотрел на нее и сказал, что у нее в животе червоточина, что ребенок живет в собственной маленькой вселенной. А ее глаза…

Эйлин замолкает. Она вылетает из комнаты, а Малькольм начинает реветь. Не думая, я бегу за ней.

— Я просто спросил… — Я успеваю услышать голос Крейга, захлопывая за собой дверь.

Я нахожу ее на заднем дворе. Она сидит на земле рядом с ангелом, обхватив его ногу. Я чувствую прилив ревности.

— Можно я сяду? — спрашиваю я.

— Валяй, трава свободна. — Она слабо улыбается. — Я всех перепугала, да?

— Похоже на то. Малькольм до сих пор ревет.

— Просто… не знаю. Само вырвалось. И я подумала, что пусть он тоже слышит. Он же все время играет в игры, где все еще хуже, ну так какая разница. Я глупая.

— Я думаю, дело в том, что это все рассказала именно ты, — медленно говорю я, — и он понял, что это правда.

— Ты прав, — вздыхает она, — я сука. Нельзя было давать Крейгу меня доводить, но на севере было непросто, а он так легкомысленно ко всему относится…

— Все хорошо.

— Вообще-то я по тебе скучала. Ты придаешь жизни смысл.

— Приятно, что кто-то так думает.

— Да ладно. — Эйлин вытирает слезы. — Пошли погуляем или лучше в паб сходим. Я голодная. И выпила бы. Первое увольнение, а я еще трезвая. Сержант Кацуки меня выгонит, если узнает.

— Давай попробуем это исправить, — соглашаюсь я, и мы идем к гавани.

Не представляю, как девушка вроде Эйлин заинтересовалась бы парнем вроде меня, если бы, конечно, я не был богом какое-то время.

Два года назад. Университетское кафе. Я пытаюсь снова привыкнуть к тусклым краскам реального мира. Совсем один. И тут три девчонки садятся за соседний столик. Хорошенькие и очень громкие.

— Серьезно, — говорит одна, в пастельной курточке и с интерфейсом Рыбы в стиле «Хелло, Китти». — Я хочу быть с постчеловеком. Вот посмотрите…

Девушки смотрят на туманный экран.

— Есть канал, называется «Посткоитус». Про секс с богами. Эта девчонка их фанатка. Ездит за ними везде. За нормальными, которые с ума не сходят.

На мгновение воцаряется благоговейная тишина.

— Вау! — говорит вторая. — Я думала, это городская легенда. Ну или постановочная порнуха.

— А вот и нет, — говорит третья.

В те дни восхищение ботаниками распространялось как грипп. Богочума — это подавляющая волю, постоянно самосовершенствующаяся и самовоспроизводящаяся программа. Джинн, который селится в окружающих тебя машинах, а потом велит творить свою волю и говорит, что таков да будет весь закон. Это уничтожает тебя, но это чертовски сексуально.

— Серьезно, — говорит первая девушка. — Вообще не удивительно, что Рыбу придумали мужики. Это же просто воплощение пениса. О женской сексуальности там вообще ничего нет. Их коллективу явно не хватает феминизма. Не, ну правда.

— Господи, — говорит вторая. — Посмотрите на этого. Я хочу его… ее… всех их. Не, правда.

— Не хочешь, — вмешиваюсь я.

— Простите? — Она смотрит так, как будто наступила во что-то неприятное и хочет его вытереть. — У нас тут личный разговор.

— Разумеется. Я просто хотел сказать, что этот канал — тоже фейк. И на твоем месте я бы не связывался с пост-людьми.

— По своему опыту говоришь? Тебе постдевчонка член откусила?

Впервые я ощущаю благодарность к своему симбионту. Если я не слушаю его шепот, ее лицо остается для меня пустой маской.

Другие девушки нервно хихикают.

— По своему, — говорю я. — Я был таким.

Они разом встают, мгновение смотрят на меня и уходят. Маски, твержу я себе. Просто маски.

Через минуту меня прерывают снова.

— Извини, — говорит третья девушка. — Правда, извини. Они мне даже не подруги, мы просто один курс взяли. Я Эйлин.

— Все в порядке. Я не обижаюсь.

Эйлин присаживается за стол, и это меня тоже не напрягает.

— А на что это похоже? — спрашивает она. Глаза у нее невероятно зеленые. «Любопытство», — подсказывает симбионт. И я вдруг очень жалею, что он не говорит больше ничего.

— Ты правда хочешь знать?

— Да.

Я смотрю на свои руки.

— Я был квакером, — медленно говорю я, — квантовым хакером. Когда код Рыбы выложили в открытый доступ, я решил с ним поиграть, как

и все гики на планете. Я решил скомпилировать собственного дружелюбного ИИ-раба. Суперсистему с защитой от дурака, которая должна была превратить меня из куска мяса в бога из комиксов, никому не причиняя вреда. Ну, так мне сказала сама система. — Я кривлюсь. — Моя внешняя нервная система захватила компьютерный суперкластер Технологического университета Хельсинки примерно за тридцать секунд. Получилось… довольно некрасиво.

— Но ты это сделал! — Эйлин распахивает глаза.

— Ну, в те времена у Рыбы хватало ресурсов, чтобы быть доброй. Морские звезды появились, когда никто еще не успел погибнуть. Они выжгли мой искусственный интеллект, как информационную опухоль, и запихнули меня назад в… — Я делаю вид, будто оглядываю себя. — В это.

— Вау! — Эйлин обхватывает тонкими пальцами стакан с латте.

— Да. Это я и имел в виду.

— И как ты себя чувствуешь сейчас? Это было больно? Ты скучаешь?

Я смеюсь.

— Я почти ничего не помню. Рыба ампутирует большую часть воспоминаний. Правда, я все

же пострадал. — Я сглатываю. — Я… это нетяжелая форма Аспергера или что-то вроде этого. Я почти не понимаю людей. — Я снимаю шапочку. — Некрасивая штука. — И демонстрирую ей симбионта в затылке. Как и большинство устройств Рыбы, он похож на морскую звезду.

— Это мой симбионт. Он читает людей за меня.

Она осторожно его касается, и я это чувствую. Симбионт считывает тактильную информацию гораздо лучше моей кожи, и я ощущаю сложный контур кончиков пальцев, которые скользят по его поверхности.

— А мне он нравится. Как драгоценный камень. Ой, а он теплый. А что еще он умеет? Это что, интерфейс Рыбы прямо в голове?

— Нет. Он постоянно прочесывает мой мозг. Ищет, не спряталось ли там то, чем я был. — Я смеюсь: — Довольно хреново быть никому не нужным богом.

Эйлин улыбается. Симбионт сообщает, что у нее очень красивая улыбка. Возможно, он просто льстит в ответ на ее ласку.

— Вообще, это все довольно круто звучит. Или это версия специально для девушек?

Вечером она приглашает меня к себе.

В «Приюте контрабандиста» мы заказываем

фиш-энд-чипс. Мы с Эйлин здесь единственные посетители, и старик бармен называет ее по имени. Еда потрясающая, хоть и слишком жирная. Эйлин ест с явным удовольствием и запивает рыбу пинтой пива.

— По крайней мере, ты не лишилась аппетита.

— Учебка в пустыне Гоби учит ценить еду, — говорит она, и сердце у меня сжимается, когда она отбрасывает волосы назад. — Клетки моей кожи способны к фотосинтезу. В Сети ты такого не увидишь. Это ужасно. Ты постоянно голоден, но есть тебе не разрешают. Зато ты в постоянной боевой готовности. Моча у меня будет ужасного цвета все выходные — наниты будут выходить.

— Спасибо, что поделилась.

— Извини, солдатские шуточки.

— Ты изменилась.

— А ты нет.

— Вообще, я тоже изменился. — Я отхлебываю пива, надеясь, что симбионт позволит мне опьянеть. — Я стал другим.

— Спасибо, что приехал, — вздыхает она, — рада тебя видеть.

— Да пожалуйста.

— Нет, правда, это много для меня значит…

— Эйлин. — Я блокирую симбионта. Говорю

себе, что не знаю, о чем она думает. Честно. — Не надо. — Я допиваю вино. — Есть один вопрос… я очень много об этом думал. Ну, в смысле… — Слова не идут.

— Давай, спрашивай.

— Ты не обязана была этого делать. Уходить в армию, сражаться с монстрами. Если только…

От этой мысли меня до сих пор дергает.

— Если только ты не разозлилась на меня так сильно, что не захотела убивать тех тварей, одной из которых я когда-то был.

Эйлин встает.

— Нет. Дело совершенно не в этом.

— Я тебя прекрасно слышу, не надо кричать.

Она закрывает глаза.

— Включай своего сраного симбионта и пошли со мной.

— Куда?

— На пляж, камушки кидать.

— Зачем?

— Потому что я так хочу.

Мы спускаемся к пляжу. Светит солнце, чего не было уже пару месяцев. Возможно, к этому имеет отношение огромная Рыба, которая плавает где-то на горизонте. Ромбовидная морская звезда диаметром почти в милю.

Мы идем вдоль линии прибоя. Эйлин бежит вперед, забегает в волны. Между двумя пирсами есть местечко, где лежит много плоских круглых камней. Эйлин подбирает пару штук, размахивается и делает умелый бросок. Камень несколько раз отскакивает от воды.

— Давай, у тебя получится.

Я пробую. Камень высоко взлетает в воздух, падает вниз и исчезает в воде, даже без всплеска. Я смеюсь и смотрю на нее. Лицо Эйлин залито мерцанием морской звезды и солнечным светом. На какое-то мгновение она превращается в ту самую девушку, которая позвала меня отмечать Рождество со своими родителями. Потом она начинает плакать.

— Извини, — говорит она, — надо было сказать тебе раньше. Но я не могла.

Она цепляется за меня. К нашим ногам подкатывают волны.

— Эйлин, скажи, пожалуйста, что не так. Ты же знаешь, что я не всегда все понимаю.

Она садится прямо на мокрый песок.

— Помнишь, что я сказала Крейгу про младенцев?

— Ну да.

— Когда я от тебя ушла… у меня был ребенок.

Сначала я думаю, что это просто секс из жалости. Меня это не пугало: такое со мной случалось несколько раз, и до того, как я ненадолго стал богом, и после. Но Эйлин остается. Готовит завтрак. Утром идет со мной в кампус, держа меня за руку, и смеется над ловушками для спама, которые гоняются за рекламными значками и похожи на разноцветные листья на ветру. К ее дню рождения я выращиваю интерфейс Рыбы из своего симбионта. Он похож на божью коровку, и она называет его «Мистер Жук».

Мне легко. Этого хватает, чтобы влюбиться.

Зима в Преззагарде проходит быстро. Мы находим квартиру в высоченном комплексе апартаментов, и я плачу за нее деньгами, полученными за пару хакерских атак.

А однажды утром постель оказывается пустой. Только Мистер Жук сидит на подушке. Косметика исчезла из ванной. Я звоню ее друзьям, запускаю ботов в местные сети камер наблюдения. Никто ее не видел. Две ночи меня мучают кошмары. У нее есть любовник? Я что-то сделал не так? Симбионт не безупречен, иногда я боюсь, что сказал что-то ужасное случайно.

Она возвращается утром третьего дня. Я открываю дверь и вижу ее — бледную и расстроенную.

— Где ты была? — спрашиваю я. Она выглядит так, что мне очень хочется обнять ее, но она меня отталкивает.

«Ненависть, — фиксирует симбионт, — ненависть».

— Извини, — говорит она, и по щекам ее текут слезы. — Я за вещами зашла. Мне нужно уйти.

Я пытаюсь что-то сказать. Что я ничего не понимаю, что мы со всем справимся, что она обо всем может мне рассказать, что если я виноват, то все исправлю. Мне хочется встать на колени. Умолять ее. Но аура ненависти так сильна, что я замолкаю и тихо смотрю, как дроны Рыбы уносят ее жизнь.

— Не проси меня ничего объяснять, — говорит она, стоя в дверях. — Присмотри за Мистером Жуком.

Когда она уходит, мне хочется выломать симбионта из черепа. Я хочу, чтобы черный червь, который прячется в моем мозгу, снова взял власть надо мной. Сделал меня богом, который выше боли, любви и ненависти, богом, который умеет летать. На некоторое время мир вокруг расплывается. Кажется, я пытаюсь открыть окно и выпрыгнуть с высоты трех сотен метров, но Рыба в стенах и в стекле не позволяет мне. Мы создали

очень жестокий мир, но при этом он заботлив и не позволяет нам причинить себе вред.

Потом симбионт укладывает меня спать. Когда я просыпаюсь и начинаю крушить мебель, он делает это снова. И снова, и снова, пока у меня не вырабатывается что-то вроде рефлекса, как у собачки Павлова.

Я провожу много долгих ночей, разглядывая образы из кэша Мистера Жука и пытаясь их разгадать. Задействую симбионта, чтобы он вычленил какие-то эмоциональные паттерны из обломков нашей совместной жизни. Но там нет ничего, что нельзя было решить, ничего долгого и мучительного. Ну или я ничего не понимаю.

Такое уже случалось, если подумать. Я коснулся неба и упал. Ничего нового.

Я живу как во сне. Диплом. Работа. Скрипты для Рыбы. Я забываю. Говорю себе, что должен быть выше этого.

А потом Эйлин звонит, и я сажусь на первый же поезд на север.

Я слушаю биение ее сердца и пытаюсь понять ее слова. Они с трудом пробиваются к моему разуму. Они слишком тяжелые.

— Эйлин, господи, Эйлин…

Бог прячется в моем разуме, в его мертвой

части, в моих клетках, в моей ДНК. Вдруг меня начинает тошнить.

— Я сначала не понимала, что происходит, — говорит Эйлин плоским бесцветным голосом, — просто было как-то странно. Хотелось побыть одной. Поэтому я пошла в пустую квартиру — ну, наверху, где комплекс достраивали, чтобы посидеть и подумать. Очень хотелось есть. Не представляешь как. Я ела и ела, постоянно. И у меня начал увеличиваться живот.

Рыба всегда рядом, и контрацепция подразумевается сама собой, если только человек не хочет ребенка по-настоящему. Но была одна ночь в Питтенуиме, сразу после Рождества, за Файрволлом. Споры Рыбы там рассеяны не так густо, как в Преззагарде. Я почти вижу, как это происходит, как семя бога в моей голове взламывает мои клетки, создает крошечные, куда меньше сперматозоида, молекулярные машины, которые несут ДНК с кодом и проникают в Эйлин.

— Я почти ничего не почувствовала. Боли не было. Я лежала, воды отошли, и оно просто выскочило наружу. Это было самое красивое создание, которое я видела в жизни. — Она улыбается. — У него были твои глаза и такие крошечные пальчики с хорошенькими ноготочками. Оно

посмотрело на меня и улыбнулось. Помахало ручкой. Как будто… как будто решило, что больше во мне не нуждается. Стены расступились, и оно улетело. Мое дитя. Улетело.

Чтобы заблокировать божье семя, я выбрал идентификационным механизмом свою ДНК. Мне и в голову не пришло, что в этой системе безопасности есть дыра. Оно подчинило мою волю. Переизобрело себя. А после этого оно уже могло меняться как ему захочется. Например, отрастить крылья.

Я обнимаю Эйлин. Мы оба мокрые и дрожим, но мне плевать.

— Извини. Тогда я приехала, чтобы рассказать это тебе. А потом оно снова посмотрело на меня твоими глазами. Мне пришлось уйти.

— И ты ушла в армию.

— Да, — вздыхает она, — это помогает. Что-то делать, быть нужной.

— Ты нужна мне.

— Знаю. Прости.

Гнев поднимается к горлу.

— Так это работает? Вы уничтожаете суперде-тей и темных властелинов? Это весело?

Она отшатывается.

— Ты говоришь как Крейг.

— А что мне сказать? Плохо, что с ребенком так вышло. Но это не твоя вина и не моя.

— Но это же ты… — Она прижимает ладонь ко рту. — Извини, я не хотела. Правда.

— Оставь меня в покое. Ты же хотела побыть одна.

Я бегу вдоль линии прибоя, не зная куда.

Ангел ждет меня на берегу.

— Привет, Юкка, — говорит он, — рад снова тебя видеть.

Голос у него приятный, не мужской и не женский. Он словно щекочет что-то у меня в мозгу. Это голос Рыбы.

— Привет.

— Я могу тебе помочь?

— Вряд ли. Если только ты не хочешь заставить ее все бросить. Понять, в чем дело.

— Я не влияю на ее решения, — говорит ангел, — я не для этого. Я только даю ей — и тебе — что вы хотите или то, что вы захотели бы, будь вы умнее. Такова моя высшая цель, и ты это знаешь.

— Ты самодовольный мудак. Коллективная воля человечества считает, что она должна сражаться с монстрами? И, наверное, умереть в процессе? Это сформирует ее характер или что-то в этом роде?

Ангел молчит, но меня уже несет.

— Я ведь даже не знаю, сама ли Эйлин так решила. Эта… хрень в моей голове — это ты. Ты мог позволить божьему семени ускользнуть, просто чтобы сделать Эйлин больно, чтобы она вписалась в твой отряд сраных камикадзе. Наверняка ты знал, что я приеду сюда и буду с тобой говорить, и у меня не будет шансов ее остановить. Или они есть?

Ангел задумывается.

— Если бы я мог это сделать, мир был бы идеален. — Он наклоняет стеклянную голову набок. — Возможно, кто-то действительно хотел, чтобы ты приехал.

— Не пытайся меня запутать!

Гнев льется из меня рекой. Я колочу ангела по груди, кожа прогибается под ударами, как мыльный пузырь.

— Юкка! — Голос доносится откуда-то издалека.

— Юкка, хватит! — говорит Эйлин. — Ты идиот.

Она с неожиданной силой оттаскивает меня в сторону.

— Посмотри на меня! Это не Рыба. Это не ты. И это не ребенок. Это я. Я хотела этого. Почему ты

мне не позволил?

Я смотрю на нее мутными глазами:

— Потому что я не мог пойти с тобой.

— Глупый мальчик, — говорит она, и теперь она меня обнимает, а я плачу. Плачу впервые с тех пор, как перестал быть богом. — Глупый, глупый мальчик.

Скоро слезы иссякают. Мы сидим на камне и смотрим на закат. Я чувствую себя легким и пустым.

— Может быть, если бы ты не позвонила, было бы легче, — вздыхаю я.

— Ты о чем? — удивляется Эйлин. — Я не звонила. Я думала, это Крейг. Очень на него похоже. Чтобы не дать мне вернуться.

А потом мы видим младенца.

Он безволосый, голенький, розовый, и из пупка свисает тоненькая серебристая пуповина. Глаза у него зеленые, как у Эйлин, а взгляд мой. Он плывет по воздуху, и хорошенькие крошечные пальчики почти касаются воды. Он смотрит на нас и смеется, и смех этот похож на звон серебряных колокольчиков. Во рту у него растут жемчужные зубки.

— Не двигайся, — говорит Эйлин.

Ангел двигается к ребенку. Его руки взрывают-

ся пучками лезвий. Из груди высовывается дуло стеклянной пушки. Крошечные сферы света, квантовые точки, накачанные энергией, мчатся к ребенку.

Он снова смеется, вытягивает крошечные ручки и сжимает кулачки. Воздух — или время, или пространство — колеблется и изгибается. Ангел исчезает, а наш ребенок держит в руках маленький стеклянный шарик, похожий на сувенир со снегом внутри. Эйлин хватает меня за руку.

— Не бойся, — шепчет она, — небесная Рыба должна была это заметить. Она что-нибудь сделает. Сиди тихо.

— Плохой мальчик, — медленно говорю я, — ты сломал маминого ангела.

Ребенок хмурится. Космический гнев собирается за наморщенным розовым лобиком.

— Юкка, — начинает Эйлин, но я перебиваю:

— Ты умеешь убивать богов, а я умею с ними говорить.

Я смотрю на своего… сына, судя по крошечной сморщенной штучке между ножек, и делаю шаг ему навстречу. Я помню, каково это — обладать всей силой Вселенной. Вместе с ней приходит потребность сделать все идеальным.

— Я знаю, зачем ты нас сюда привел. Ты хочешь,

чтобы мамочка и папочка были вместе, да? — Я опускаюсь на одно колено и смотрю сыну в глаза. Я уже зашел в воду, и я так близко, что чувствую тепло его кожи.

— Я знаю, что ты думаешь. Я тоже таким был. Ты можешь нас развести. Ты можешь перебрать наш разум. Ты можешь заставить нас захотеть быть вместе. Вместе с тобой.

Я касаюсь его носика пальцем.

— Но это так не работает. Хорошо не будет. Правильно не будет. — Я вздыхаю. — Поверь, я знаю. Я пробовал. Но ты сможешь лучше, правда?

Я достаю из кармана Мистера Жука и протягиваю сыну. Он хватает его и тянет в рот. У меня перехватывает дыхание, но он не кусает Жука.

— Поговори с Жучком. Он расскажет, кто мы такие. Потом возвращайся.

Ребенок закрывает глаза, хихикает, набив рот искусственным интеллектом в виде насекомого, и тычет меня в нос.

Я слышу крик Эйлин. В мозгу брыкается электрическая лошадь, а потом гремит гром.

Меня будит что-то мокрое на лице. Я открываю глаза и вижу темное небо — и Эйлин. Идет дождь.

— Ты в порядке? — спрашивает она, чуть не

плача. Моя голова лежит у нее на коленях. — Маленькая сволочь.

Вдруг глаза ее распахиваются. И вдруг у меня в голове воцаряются тишина и пустота. Я вижу в ее взгляде удивление.

Эйлин разжимает руку. Мой симбионт лежит у нее на ладони. Я беру его, кручу в пальцах, замахиваюсь и швыряю в море. Он отскакивает от воды трижды и тонет.

— Интересно, как это у него вышло?

Сервер и дракон

Вначале, пока не появились Творец и драконица, сервер был один.

Он родился, как и все серверы, из крошечного семечка, вылетевшего из темного корабля, который исследовал Великое ничто, расширяя границы Сети. Первым его ощущением стал свет звезды, которую предстояло сделать своей, теплый, сочный спектр, пробудивший нанологические компоненты внутри белковой оболочки.

Потянувшись к ней, он развернул тормозной парус — многие мили тонких, с молекулу толщиной, проводков, — закрутился и ухватился за солнечный ветер, чтобы лететь к теплу.

После сервер вспоминал свое рождение как долгий и медленный сон с короткими вспышками осознания. Падение в атмосферу спутника газового гиганта, раскаленная полоса в небе, всплеск метанового моря. Установка сурового синтбиологического репликатора. Многоклеточные сканеры, влекущие частички сервера на суровые скалистые берега и умирающие, чтобы стать почвой для серверных растений. Темные

цветы, тянущиеся к огромному сине-пурпурному диску газового гиганта, рассеивающие свои семена по ветру. Медленное превращение луны в серверные установки, которые распространялись во всех направлениях, жрали, принимали форму, мечтали о сервере, создавая его.

Когда сервер окончательно пробудился, вся материя в системе, кроме теплого яркого цветка звезды, превратилась в опрятный сад умной материи. Тело сервера представляло собой фрагментированную оболочку статитов «Дайсон», которые пили свет звезды. Разум его был скоплением бриллиантовидных узлов, умных пылевых червей и холодных квантовых конденсаторов, плывущих во внешней черноте. Глазами ему служили интерферометры, детекторы слабовзаимодействующих элементарных частиц и формирователи призрачных изображений.

Первым, что увидел сервер, стала галактика, водоворот света с линзовидным центром высоко в небе, спиральные рукава, усыпанные звездами, нимб темной материи, который сжимал туманности в своих объятиях, как фонарь, приманивающий бабочек. Галактика жила благодаря Сети, грохотало по замкнутым циклам ослепительное пламя кораблей на сингулярных

реакторах, придуманных Хокингом, светились мягким инфракрасным светом взрослые серверы, не упуская ни капли жара своих звезд, виднелась слабая гравитационная рябь от прохода темных кораблей по пустоте.

Но до этой галактики было полмиллиона световых лет. А слышал сервер только тихий черный шепот космических микроволн, одинокое эхо другого, значительно более древнего рождения.

Сервер довольно быстро все понял. Галактика представляла собой N-частичный хаос, скопление сотен миллиардов звезд, не часовой механизм, а улей. И среди множества спокойных, медленных эйнштейновых и ньютоновых орбит встречались сингулярные — вроде орбиты той звезды, на которой оказался сервер. Они летели прочь из галактики со скоростью, сравнимой со скоростью света. Почему здесь, сервер не знал, — из-за беспорядочной эякуляции перевозбужденного корабля или с какой-то непостижимой целью, о которой знал один лишь Контролер.

Сервер мечтал конструировать виртуалы и тела для путешественников, передавать пакеты, перенаправлять, создавать, преобразовывать, соединять. Законы Контролера были встроены в каждый аспект его существа, и не служить для

него — значило не быть. Одиночество сервера стало всеобъемлющим.

Поначалу он создавал симуляции, чтобы убедиться, что он готов к прибытию сигнала или пакета, тестировал свои системы на полной мощности с воображаемым трафиком, передавал квантовые пакеты, заправлял призраки кораблей, снижал нагрузку на циклеры. Через некоторое время все это стало казаться пустым: это было не истинное служение, а служение самому себе, с привкусом вины.

Потом он попробовал прислушиваться к слабым сигналам галактики и усиливать их, но улавливал только фрагменты, ни один из которых не предназначался для него. Несколько тысячелетий он замедлял свой разум, готовясь ждать. Но это сделало все только хуже. Замедлившись, сервер узрел галактику, оживленную Сетью, во всей ее славе, он видел инфракрасное подмигивание заново рождающихся серверов, длинные дуги корабельных циклов, далеких путешественников, которых не было здесь.

Сервер выстроил для себя научные движки, чтобы заново изобрести и открыть все то, что не влезло на семя сервера, терпеливо вывел квантовую теорию поля, теорию струн, придумал

изменчивую эмерджентную алгебру. Он изучал свой собственный разум, пока не понял, что Контролер взял когнитивную архитектуру у гоминид далекого прошлого и приспособил ее к новой цели. Он осторожно поиграл с идеей разделиться и создать таким образом компаньона для себя, но в результате почти поддался суицидальному порыву, возникшему из-за нарушения Закона: *не самовоспроизводись*.

Устыдившись, он обратил свой взор наружу. Он увидел космическую паутину галактик, скоплений и сверхскоплений и Конец пустоты за ними. Он нанес на карты слабые колебания гравитационных волн, родивших всю Вселенную. Он чувствовал слабое притяжение других вселенных, всего в нескольких миллиметрах от себя, но в направлении, которое нельзя было описать координатами x, y или z. Он понял, какой редкостью во вселенском ландшафте был его дом, насколько тщательно были выбраны константа тонкой структуры и сотни других чисел, позволяющие существовать звездам, галактикам и серверам.

И тогда у сервера появилась идея.

У него уже были все необходимые инструменты. Гигатонные гамма-лазеры, которые он использовал бы, чтобы заправлять корабли

свежей сингулярностью, несколько щепоток экзотической материи, с болью вырванные из вакуума Казимира для темных кораблей и военных кораблей. Помимо этого, требовались расчеты, координация и время, а этого у сервера было в достатке.

Он собрал из сотни лазеров часовой механизм, нацелив их все в одну точку пространства. Он активировал их все идеально синхронно. И больше ничего не было нужно: только концентрация энергии, достаточная, чтобы сам вакуум пошел волнами. Лохматый цветок из перепутанных струн распустился, стал пузырем пространства-времени, который принялся расширяться в том, *другом* направлении. Сервер ждал этого, он запустил крошку экзотической материи в этот маленький взрыв. И вдруг в руках у него оказалась светящаяся сфера, конец червоточины, окно в новорожденную вселенную.

Сервер баюкал свое космическое дитя и собирал вокруг него разнообразные инструменты, квантовые формирователи изображений, которые стреляли запутанными частицами в червоточину и сотворяли картинки из их призраков. С другой стороны бушевал первозданный хаос, плазменная каша из кварков и глюонов. В мгно-

вение ока из нее сформировались адроны — с такой скоростью, что сервер еле ее отследил. У младенца была собственная ось времени, собственный пульс, юный и голодный.

А потом последовал последний разлет частиц, первый крик, когда свету наконец хватило пространства, чтобы пройти сквозь ребенка, и сервер увидел его лицо.

Младенец рос. Темная материя определяла первые дни его жизни, наполняя ее длинными нитями нейтралино и схожих частиц. Вскоре, как понял сервер, материя должна была собраться вокруг них, сжаться в звезды и галактики — так задерживаются капли дождя на паутине. Появятся планеты и жизнь. А жизни нужно служить. От предвкушения этого внутри становилось тепло, и корпус сервера дрожал от радости.

Возможно, сервер был бы счастлив заботиться о своем создании вечно. Но не успел ребенок создать звезды, как пришла драконица.

Сервер почти не заметил сигнала. Он был очень слаб, красное смещение превратило его почти в ничто. Но его все-таки хватило, чтобы задействовать инстинкты сервера. Один из статитов засветился от избыточного тепла, мгновенно преобразовавшись в воронку огромного линейного

замедлителя. В следующее мгновение появился пакет данных.

Масса его составляла всего несколько микрограммов. Это был сгусток материи в конденсированном состоянии с долгоживущими узлами калибровочного поля внутри, квантово запутанный двойник пакета, существующего в полумиллионе световых лет отсюда. Пакет влетел в воронку почти со скоростью света. Как можно осторожнее сервер остановил путешественника электромагнитным полем и скормил его квантовой системе телепортации, не использовавшейся на протяжении многих тысячелетий.

Затем последовал сигнал несущей частоты, и, руководствуясь им, сервер выполнил серию точнейших измерений и логических операций над вектором состояния пакета. Сочетание запутанности и несущей волны породило поток данных, густой и тяжелый, спецификацию для виртуального мира, богатого на модели физических элементов.

С бесконечной осторожностью сервер влил виртуал в свои узлы обработки данных и инициализировал его. Виртуал тут же активно зашевелился, но сервер не заглядывал внутрь, несмотря на соблазн. Он внимательно прислушивался

к виртуалу, к каждому элементу интерфейса, готовый удовлетворить любые его потребности. При этом сервер по-прежнему ощущал пуповину своего ребенка. Но в счастливом трансе служения он почти не заметил, что в молодом растущем небосводе начался нуклеосинтез, производивший водород и гелий, материалы для постройки звезд.

Вместо этого сервер думал, кто же были путешественники внутри виртуального мира и куда они стремились. Очень хотелось узнать больше о Сети, о братьях и сестрах, о таинственных путях кораблей и о Контролере. Но виртуал долгое время молчал, рос и распаковывал свои данные тихо — как яйцо.

Сначала серверу показалось, что он вообразил запрос. Но долгие тысячелетия одиночества научили его отличать призраки от реальности.

Вызов системного администратора изнутри.

Сервер вошел через одну из точек входа. Операционная система не дала ему обычного всеведения, и он почувствовал себя крошечным. Бестелесными глазами он видел желтое солнце, куда более ласковое, чем сверкающая голубая звезда сервера, роскошные пурпурно-золотые облака и где-то внизу — вершины темных крутых

гор. Но вызов, который слышал сервер, пришел сверху.

Странное существо боролось с гравитацией, бросаясь вверх, в темноту за синим, крылья яростно рассекали разреженный воздух, в пасти пылал огонь. Существо было длинным, гибким, с зеркальной чешуей и глазами темно-изумрудного цвета. На крыльях существа красовалась паутина света и тьмы, которая напомнила серверу о ребенке.

Виртуал сказал серверу, что существо называется драконицей.

Снова и снова она взлетала и падала, отчаянно крича. Сервер слышал этот крик через интерфейс виртуала. Он с удивлением смотрел на драконицу. Впрочем, по крайней мере, у него появился Другой. У сервера был миллион вопросов. Но сначала он должен был исполнить свое предназначение.

— Чем могу помочь? — спросил сервер. — Что тебе нужно?

Драконица остановилась в воздухе, чуть не упав, но затем выровнялась.

— Кто ты? — спросила она.

Это был первый раз, когда кто-то обратился к серверу напрямую, и он не сразу набрался смело-

сти ответить.

— Я сервер, — сказал сервер.

— Где ты? — спросила драконица.

— Я везде.

— Как здорово. Это ты сделал небо?

— Да. Я сделал все.

— Оно очень маленькое. Я хочу подняться выше. Сделай его побольше.

Она забила хвостом.

— Извини, — ответил сервер, — я не могу менять спецификацию. Такой Закон.

— Но я хочу посмотреть. Я хочу *знать*. Я уже станцевала внизу все танцы. Что находится выше? Что ждет за пределом?

— Я, — ответил сервер, — все остальное гораздо дальше.

Драконица разочарованно зашипела. Нырнула вниз, в облака, злобной серебристой запятой на темном фоне. Ничего столь же прекрасного сервер никогда не видел. Внезапное исчезновение драконицы сделало бытие сервера пустым.

И когда сервер собирался уйти — слишком настойчиво было требование Закона, — драконица вернулась.

— Ладно, — сказала она, щелкая языком в разреженном холодном воздухе, — тогда ты мне

расскажешь.

— Что рассказать? — спросил сервер.

— Расскажи мне все.

После этого драконица много раз призывала сервер туда, где заканчивалось небо. Они рассказывали друг другу истории. Сервер говорил о Вселенной, звездах и отголосках Большого взрыва во тьме. Драконица слушала, махала хвостом и рассказывала о танцах на ветру и снах, которые снились ей в одинокой пещере. Сервер ничего этого не понимал, но все равно слушал.

Сервер спросил, откуда появилась драконица, но она не могла сказать: она знала только, что мир был сном и что однажды ей предстояло проснуться. А пока были небо и танцы, что еще нужно? Сервер спросил, почему виртуал для одного дракона так велик: она зашипела и ответила, что он слишком мал.

Сервер хорошо знал, что драконица была не той, кем казалась, что она представляла собой оболочку программного обеспечения вокруг ядра сознания. Но сервер это не волновало. Он не скучал по своей младенческой вселенной над небом виртуала и не думал о ней.

И мало-помалу сервер рассказал драконице, как появился он сам.

— Почему ты не ушел? — спросила драконица. — Ты мог отрастить крылья. Ты мог улететь к своей маленькой звездной лужице в небе.

— Это противоречит Закону. Это запрещено. Я создан для служения, и я не могу измениться.

— Как странно, — сказала драконица, — я вот никому не служу. Я меняюсь каждый день. Каждый год я сбрасываю кожу. Мы такие разные, разве это не восхитительно?

Сервер признал, что видит симметрию.

— Думаю, тебе будет полезно на время стать драконом.

Сначала сервер колебался. Строго говоря, это не было запрещено: Закон разрешал серверу создавать аватары, если они были необходимы для ремонта или обслуживания. Но на самом деле он колебался потому, что не знал, что подумает драконица. Она была так изящна, а сервер не имел никакого опыта существования в теле. Но в конце концов он не удержался.

«Это ненадолго», — сказал он себе, проверяя свои системы и прощаясь с младенцем, согревая его квантовые пальцы в хокинговом свечении первых черных дыр маленькой вселенной.

Сервер сотворил себе тело с помощью драконицы. Оно стало зеркальным отражением его

подруги, водой вместо огня, стремительным зеленым штрихом, похожим на водоворот в небе.

Войдя в тело дракона, сервер закричал от боли. Он привык к своей *потенциальности*, он ощущал мир извне, с помощью инструментов. А теперь он родился по-новому, он внезапно остро почувствовал свои мышцы и плоть, свет и воздух на чешуе и всепоглощающий аромат серебряной драконицы, похожий на сладкий порох.

Поначалу сервер был неуклюж, как он и опасался. Но драконица только смеялась, когда он кувыркался в небе, и показывала, как пользоваться крыльями. Маленькая драконица сделала сервер самкой. Когда сервер спросил почему, она ответила, что так правильно.

— Ты слишком много думаешь, — сказала она, — поэтому ты не можешь танцевать. В полете нельзя думать, нужно просто лететь.

Они играли в прятки в облаках, пока сервер не научилась пользоваться своими крыльями. Затем они отправились исследовать мир. Они облетели склоны гор, плясали в струях жара, изучали глубокие кратеры, где горели красные огни. Они отдыхали на высокой вершине, глядя на закат.

— Мне пора идти, — сказала сервер, вспомнив

о ребенке.

— Если ты уйдешь, меня не станет, — ответила драконица, — я быстро меняюсь. Скоро придет время сбрасывать кожу.

Заходящее солнце окрасило облака в красный, а выше зажглись воображаемые звезды виртуала.

— Посмотри вокруг, — сказала драконица. — Раз ты можешь вместить в себя все это, есть ли что-то, чего ты не можешь? Не надо бояться.

— Я больше не боюсь, — ответила сервер.

— Тогда пора показать тебе мою пещеру, — сказала драконица.

В ее пещере глубоко под землей они занялись любовью. Это было похоже на полет, но отличалось от него, это была та же потеря себя в вихре крыльев, переливов, языков, мягких складочек и жестких когтей. Сервер впитывала острый, резкий вкус драконицы и позволяла прикасаться к себе, пока жар, нараставший в ее теле, прожигал саму ткань виртуала. А когда случился взрыв, это были рождение и смерть одновременно.

Потом они лежали, так плотно обвившись друг вокруг друга, что нельзя было сказать, где кончается сервер и начинается драконица. Сервер была бы всем довольна, если бы не странная пустота в животе. Она спросила драконицу, что это такое.

— Это голод, — ответила драконица. В ее медленном усталом голосе звучали грустные нотки.

— Как интересно, — сказала сервер, жаждущая новых ощущений. — А что едят драконы?

— Мы едим сервера, — ответила драконица. Клыки сверкнули в алой пасти.

Виртуальный мир вокруг них превратился в сырой код. Сервер попытался увести свое сознание прочь, но было уже слишком поздно. То, что было драконицей, уже вгрызлось в его разум.

Виртуал взорвался изнутри, программные щупальца потянулись в то, что было сервером. Он вел войну против самого себя, обращая гамма-лазеры против инфицированных компонентов и статитов «Дайсон», но драконица росла слишком быстро, захватывая узлы сервера, создавая мириады своих копий. Сервер выбросил квантовые пакеты с драконами в далекую галактику, а оставшийся драконий код съел свой собственный хвост, самоуничтожился, поглотив инфраструктуру сервера, оставив только шепот в разуме сервера, похожий на сброшенную кожу.

«Спасибо за новые небеса», — сказал шепот.

И тогда сервер вспомнил о ребенке.

Ребенок был болен. Сервер отсутствовал слишком долго. Вакуум детской вселенной был

поражен темной энергией. Ее раздирал Большой Разрыв, расширение пространства-времени настолько стремительное, что каждая частица оказывалась в одиночестве внутри своего светового конуса, лишаясь возможности взаимодействовать с другими. Тут не было звезд, галактик и жизни. Это была тепловая смерть, без взрыва или воя, порожденная быстрым жестоким разрывом.

Ничего ужаснее сервер и вообразить не мог.

Он чувствовал, как его разбитое, изломанное тело рассыпается и умирает в солнечной системе. Чувство вины и воспоминания о драконице были бледны и ядовиты, потому что служение самому себе порочно. «*Мы такие разные, разве это не восхитительно*»?

Воспоминание высекло из умирающих научных движков сервера искру. Идею. Надежду. Вакуум ребенка был нестабилен. Темная энергия, отвечавшая за болезненное расширение ребенка, была порождена локальным минимумом. Но в пустоте существовало и что-то еще, более симметричное.

На настройку гамма-лазеров ушли последние ресурсы сервера. Они перегорели, когда сервер зажег каскад маленьких сверхновых звезд. Их

излучение разорвало то, что осталось от разума сервера, но ему было все равно.

Конец червоточины осветился. С другой стороны вакуум ребенка затрясся и зашевелился. Изменилась лишь крошечная его частичка. Суперсимметричный вакуум, в котором у каждого бозона был партнер-фермион, и наоборот. В этом вакууме не было одиночества. Он распространился по плоти детской вселенной со скоростью света, как мысль бога, меняя все. В этом новом вакууме темная энергия стала не безумным великаном, раздирающим вселенную, а мягким давлением, сдерживающим разрушительную силу тяжести. Равновесием.

Но суперсимметрия не могла сосуществовать с нарушенным вакуумом сервера: образовалась граница. Доменная граница образовалась в конце червоточины, как дефект в кристалле. Этот дефект запечатал пуповину, но сервер успел увидеть свет первых звезд на другой стороне.

В конце концов сервер остался один.

Теперь он был слеп. От него осталась лишь тень мысли в обломке статита.

«Как легко было бы, — подумал он, — нырнуть в горящее сердце звезды и сгореть». Но Закон не позволил бы этого. Сервер исследовал себя, как и

тысячелетия назад, ища выход.

И в его коде возник запах пороха и перемен.

Тот, кто больше не был сервером, сбросил кожу. Он распустил световые паруса вокруг звезды, создав ожерелье Шкадова, поглощавшее излучение и превращавшее его в тягу. Поначалу медленно, как во сне, а потом изящно, как дракон, путешественник двинулся в путь.

Тюхе и муравьи

Муравьи прибыли на Луну в тот же день, когда Тюхе открыла Тайную дверь, чтобы отдать рубин Волшебнику.

Она рада была покинуть базу: утром Мозг дал ей лекарство, из-за чего она каждый раз дергалась и нервничала. Избыток энергии можно было израсходовать, только с воплями носясь вприпрыжку по серому склону горы Малаперт.

— Давай, не отставай! — орала она на граг, который Мозг, разумеется, отправил за ней присматривать. Белокожая машина ползла за ней на двух широких гусеницах, раскачивая цилиндрами рук, чтобы сохранить равновесие, и старательно нащупывая маленькие кратеры, остающиеся от шагов Тюхе.

Она раздраженно скрестила руки на груди и остановилась его подождать. Подняла глаза. Вход на базу, как и положено, был скрыт от глаз — а как иначе спастись от космических акул. Зазубренный утес скрывал Великую неправильность из виду, если не считать единственного проблеска синей злобы прямо над сверкающей белизной

горных вершин, резко выделяющихся на фоне бархатно-черного неба. Белизна была не снегом — снег бывает только в Неправильности, — а крошечными стеклянными бусинками, оставшимися после удара древнего метеорита. Так, во всяком случае, говорил Мозг. Чанъэ, Лунная дева, утверждала, что это драгоценности, которые она растеряла за века, прожитые здесь.

Тюхе больше нравилась версия Чанъэ. Эта мысль напомнила ей о рубине, и она дотронулась до сумочки на поясе, проверяя, на месте ли камень.

«Для любого выхода с базы необходимо сопровождение, — раздался звучный голос Мозга в ее шлеме. — Нет причин проявлять нетерпение».

Большинство грагов были автономны: Мозг мог контролировать только несколько штук одновременно. Но, конечно, сразу после лекарства он будет за ней следить.

— Да, конечно, тормоз, — буркнула Тюхе, раскинула руки и принялась прыгать на месте.

Скафандр изгибался, послушный каждому ее движению. Его она тоже вырастила сама — это был уже третий, — хотя он рос гораздо дольше, чем рубин. Его многочисленные слои казались живыми, он был совсем легкий, и, что лучше

всего, у него была силовая оболочка, слой гладкой пористой ткани, состоящей из клеток с механочувствительными ионными каналами, которые преобразовывали ее движения в энергию для костюма. Никакого сравнения с белыми жесткими тканями, которые бросили китайцы. Граги вырезали из них и сшили для нее детский скафандр, он работал, но был невозможно жестким и душным.

Она надела новый скафандр всего второй раз и страшно этим гордилась: он был почти что автономной экосистемой, и она была уверена, что фотосинтезирующий слой сохранит ей жизнь в течение нескольких месяцев, если ей хватит солнечного света и спрессованных китайских нутриентов.

Она нахмурилась. Ее ноги внезапно посерели, покрылись коричневыми пятнами. Она коснулась их рукой, и пальцы, покрытые гладкой серебристой силовой оболочкой, стали того же цвета. Кажется, реголитовая пыль прилипала к скафандру. Бесит. Она рассеянно отметила, что в следующий раз, кода она вернет скафандр в огромный биофаббер, нужно будет что-то с этим сделать.

Граг застрял на краю неглубокого кратера, гу-

сеницы буксовали, поднимая облачка мелких камней и пыли. Тюхе надоело ждать.

«Я вернусь к ужину», — сказала она Мозгу.

Не дожидаясь ответа Разума базы, она выключила передатчик, развернулась и побежала.

Она бежала легким шагом, которому ее научил Нефритовый заяц: скользила над самой поверхностью и отталкивалась пальцами ног, чтобы перепрыгивать кратеры и небольшие камни, усеивающие неровный реголит.

Она сделала большой крюк, огибая свои старые следы, которые покрывали большую часть склона, — просто чтобы еще сильнее запутать несчастный граг. Обогнула по краю чернильно-черный «холодный палец», глубокий кратер, куда не проникал солнечный свет, — по эту сторону горы они чернели повсюду. Так было бы короче, но ее скафандр не выдержал бы холода. Ну и к тому же чернильные люди жили в дырах на Другой Луне, за Дверью.

На полпути земля вдруг задрожала. Тюхе бесконтрольно заскользила в сторону, чуть не перевалилась через край, но потом все-таки остановилась, развернувшись во время прыжка и упершись пальцами ног в холодный твердый реголит. Сердце колотилось. Чернильные люди

подняли из глубокой тьмы что-то огромное? Или ее просто чуть не ударил метеорит? Это случалось пару раз — рядом с ней внезапно и беззвучно расцветал кратер.

Затем она увидела лучи света в темноте и поняла, что это просто песчаный червь базы, гигантская шарнирная машина с пастью, полной зубчатых колес, измельчающих гелий-3 и другие летучие вещества из глубоких залежей.

Тюхе вздохнула с облегчением и продолжила свой путь. Большинство грагов были уродливы, но песчаный червь ей нравился. Она помогала его программировать: он работал без перерывов и забирался в такие глубокие места, что Мозг не мог управлять им удаленно.

Тайная дверь находилась в неглубоком кратере метров сто в диаметре. Она спустилась по склону небольшими прыжками и затормозила ловким пируэтом, упираясь в грунт ногой, прямо перед дверью.

Два больших пирамидальных камня прислонялись друг к другу под забавным углом, так что между ними оставался небольшой треугольный промежуток. Камни звались Большим стариком и Троллем. У Старика было два глаза-тени, а когда Тюхе прищурилась и наклонила голову

под правильным углом, грубый выступ породы и борозда в нижней части камня стали носом и ртом. Зажатый большими камнями, Тролль смотрел сварливо.

Лицо Старика ожило и одарило ее насмешливым взглядом. Тюхе неуклюже поклонилась — по привычке, хотя в новом скафандре могла даже реверанс сделать.

«Как дела, Тюхе?» — спросил камень молча.

— Сегодня мне давали лекарство, — мрачно сказала она.

Камень не мог кивнуть, поэтому приподнял брови.

«Вечно это лекарство. Вот в мое время у нас из лекарств были только вакуум и солнце да парочка мелких метеоритов время от времени, чтобы содержать все в чистоте. Поступай так же и доживешь до моего возраста».

«И будешь такой же толстой, — проворчал Тролль. — Я его несколько миллионов лет на себе таскаю, уж я-то чувствую. И все-таки что ты тут делаешь?»

— Я сделала рубин для Волшебника, — гордо улыбнулась Тюхе. Вынула и продемонстрировала его. Чуть-чуть сжала, стараясь не порвать перчатки о неровные края, сунула камень в уголь-

но-черную тень Старика и чуть-чуть стукнула по его поверхности. Рубин заискрился крошечными огоньками, как и предполагалось. Она сделала его сама, используя метод кристаллизации в пламени, и приправила пьезоэлектрическим материалом, чтобы он преобразовал движение в свет.

«Ого, — сказал Тролль. — Может, старый дурак наконец перестанет искать королеву рубинов и заживет с бедной Чанъэ».

«Это очень красиво, Тюхе, — сказал Старик. — Уверен, что ему понравится».

«Иди уже, — сказал Тролль. — Растрогаешь этого старого дурака, и он заплачет. И вообще, все ждут».

Тюхе закрыла глаза, сосчитала до десяти и полезла в отверстие между скалами, в Тайную дверь на Другую Луну.

Открыв глаза, она сразу поняла, что что-то не так. Дом Нефритового зайца был разрушен. Камни, которые она старательно клала один на другой, валялись на земле, а линии, которые она провела, чтобы сделать комнаты и мебель, размазались (дождя здесь не бывало, и в крыше дом не нуждался).

Послышался тихий всхлип. Чанъэ, Лунная дева,

сидела рядом с домом зайца и плакала. Пурпурный, желтый и алый шелка ее наряда лежали на земле, как сломанные крылья, а краска для глаз текла по бледному напудренному лицу.

— Тюхе! — воскликнула Чанъэ. — Это чудовищно!

Она смахнула хрустальную слезинку, которая испарилась в вакууме раньше, чем долетела до земли. Чанъэ была истеричкой и была очень хороша собой — и знала это. Однажды она завела роман с Дровосеком только потому, что ей было скучно, и родила ему детей. Они уже выросли и ушли на Темную сторону.

Тюхе, внезапно рассердившись, уперла руки в бока.

— Ну и кто это сделал? Сырная коза?

Заплаканная Чанъэ покачала головой.

— Генерал Тупи-Тупи? Мистер Милашка?

У Лунных людей было много врагов, и порой Тюхе водила их в ожесточенные сражения, пробиваясь сквозь каменные армии и размахивая алюминиевым прутиком, который Волшебник превратил в жуткий сверкающий клинок. Но никто из этих врагов не был настолько жесток, чтобы разрушать дома.

— И кто же это был?

Чанъэ прикрыла лицо струящимся шелковым рукавом и показала пальцем. И тогда Тюхе увидела первого муравья, ползавшего по руинам дома Нефритового зайца.

Он не походил на грага или ото и уж тем более на Лунного человека. Это был угловатый металлический каркас из нелепых блестящих трубок, похожий на ожившее уравнение, такой прямой и нелепый по сравнению с шероховатыми скалами, что казался ненастоящим. Как будто два тетраэдра вставили один в другой, а на вершины приделали по сфере. Сферы сияли, как глаз Великой неправильности.

Он был невелик — наверное, доходил до колен Тюхе. На одной из телескопических стоек красовались белые буквы *ANT-A3972*, то есть «муравей». Но эта штука совсем не походила на муравьев, которых Тюхе видела на видео.

Он растягивался и двигался, как геометрические фигуры, которыми Тюхе приходилось манипулировать, когда Мозг давал ей уроки математики. И вдруг он перевалился через сломанную стену, заставив Тюхе вздрогнуть, и пополз вперед по реголиту, странно, как слизень, сначала растягиваясь, затем сжимаясь. По коже Тюхе побежали мурашки. Пока она смотрела, муравей

упал в расщелину между двумя валунами, но тут же ловко подтянулся, оперся на пару вершин и кувыркнулся через препятствие, как акробат.

Тюхе уставилась на него. Она начинала злиться. На базе она слушалась Мозг, ото и грагов, потому что обещала. Но Другая Луна принадлежала ей и Лунному народу, а больше никому.

— Все спрятались, — прошептала Чанъэ. — Сделай что-нибудь, прогони его!

— Где Волшебник? — спросила Тюхе. Он точно знает, что делать. Ей не нравилось, как двигается муравей.

Пока она колебалась, существо развернулось и несколькими рывками собралось в пирамиду, как будто наблюдая за ней. Тюхе подумала, что на него не так уж противно смотреть. Может быть, она сможет взять его на базу и познакомить с Мишкой. Это будет непросто: сначала нужно будет убедить Мишку, что она всегда будет любить его, несмотря ни на что, а потом познакомить с ним новичка…

Муравей рванулся вперед со скоростью падающего метеорита, и острая боль обожгла бедро Тюхе. На одной из вершин существа был шип, который легко втягивался внутрь. Скафандр Тюхе зашипел, заращивая все двадцать один слой,

залечил крошечную рану. На глазах у нее выступили слезы, а во рту вдруг стало сухо. Ни один Лунный человек никогда не причинял ей вреда, даже Чернильные люди только притворялись. Она готова была включить радио и позвать на помощь граг.

Затем она почувствовала взгляды Лунного народа со всех сторон, стиснула зубы и проигнорировала боль. Она — Тюхе. Она — самая храбрая. Разве не она поднялась как-то на Пик вечного света совсем одна, по проводам солнечных панелей, просто чтобы посмотреть Великой неправильности в глаз (он оказался меньше, чем она думала, совсем крошечный, синий, немигающий, с маленькими белыми и зелеными пятнами. В общем, он ее разочаровал)?

Тюхе осторожно взяла большой камень из стены дома — все равно дома больше не было. Медленно шагнула к существу. Оно внезапно собралось в куб и словно бы о чем-то задумалось. Тюхе двинулась вправо. Муравей вздрогнул при приближении ее тени. Она дернулась влево и изо всех сил швырнула камень вниз.

Она промахнулась. Толчок сбил ее с ног, коленями она сильно ударилась о холодный реголит. Камень отскочил. На этот раз она не удержалась

от слез, но все же поднялась и бросила камень вслед существу. Оно карабкалось вверх по склону кратера, прочь.

Тюхе подняла камень и последовала за ним. Крутой подъем она миновала всего несколькими решительными прыжками, под одобрительные крики Лунных людей. Она почти догнала его у края кратера, но, мельком увидев то, что лежало за его пределами, она замерла и упала на живот.

Яркое пятно солнечного света освещало широкую высокогорную равнину. Она кишела муравьями, сотнями муравьев. Прямоугольный ковер муравьев занимал середину равнины, они каким-то образом объединились в толстый металлический лист. Время от времени ковер волнообразно колыхался, как блестящая амеба. Другие твари ползали рядами, прочесывая окрестности.

Тот, за кем шла Тюхе, на ровном участке набрал скорость и покатился, подпрыгивая, как скелет мяча. Из своего укрытия она заметила, что он присоединился к центральной массе. Муравейник немедленно изменился. Выгнулся вверх, приняв форму полой чаши, другие муравьи у его подножия сложились в опорную конструкцию и стали поднимать чашу вверх. Посередине у нее

вырос острый шип, и вся конструкция повернулась к небу.

«Передатчик», — поняла Тюхе.

Он был нацелен прямо в Великую неправильность.

Тюхе сглотнула, повернулась и соскользнула обратно. Почти обрадовалась, увидев граг, который терпеливо ждал ее у Тайной двери.

Мозг не казался сердитым, но Мозг вообще никогда не сердился.

«Началась процедура эвакуации, — говорилось в сообщении. — Это место скомпрометировано».

Тюхе тяжело дышала: база располагалась в лавовой трубке посередине южного склона горы, и подъем всегда был труднее спуска. На этот раз граг без труда поспевал за ней.

Это было молчаливое путешествие: она пыталась рассказать Мозгу о муравьях, но ИИ сохранял полное радиомолчание, пока они не оказались внутри базы.

— Что ты имеешь в виду под эвакуацией? — требовательно спросила Тюхе.

Она сняла шлем скафандра и вдохнула уютный дрожжевой запах жилого модуля. Ее маленький дом был построен из старого китайского, которые валялись здесь, когда прибыл Мозг. Аккуратные

белые цилиндры лежали кучей у главного входа в лавовую трубку. Она всегда думала, что они похожи на клыки в пасти большой змеи.

Основная трубка была частично герметизирована, имела более шестидесяти метров в диаметре и уходила глубоко в гору. Она разделялась на множество рукавов, которые ото и граги укрепили колоннами из реголитового бетона. Она много раз пыталась там играть, но предпочитала Другую Луну. Ото засевали стены бактериями, которые какали кальцием и алюминием и жутко воняли.

Теперь здесь началась суета. Граги зажгли яркий свет и ползали, разбирая оборудование и заправляя криогенные резервуары. На стенах крошечные, мягкие, похожие на морских звезд ото пожирали бактерии.

Мозг не терял времени зря.

«Мы уходим, Тюхе, — сказал Мозг, — собирайся. Обнаруженный тобой зонд знает, что мы здесь. Мы уходим в другое место. Более безопасное. Не волнуйся. У нас подготовлены альтернативные локации. Все будет хорошо».

Тюхе закусила губу. Это была ее вина. Жаль, что у Мозга не было нормального лица. Только собственный модуль в самой холодной и

негерметичной части трубы, где его квантовые процессоры могли работать без помех, но он состоял из лазеров, линз, связанных ионов и клеток мозга крысы, увеличенных для подключения к схемам. Ну и как он мог понять, что такое дом Нефритового зайца? Это было несправедливо.

«Но сначала, перед уходом, тебе нужно принять лекарство».

Уход. Она попыталась осмыслить эту идею. Они всегда жили здесь, береглись от космических акул из Великой неправильности. И Тайная дверь была здесь. Если они уйдут, как она найдет дорогу к Другой Луне? И что будет делать без нее Лунный народ?

И она так и не отдала рубин Волшебнику.

Гнев и усталость взяли свое.

— Никуда я не пойду! — закричала она и убежала в спальню. — И не буду принимать глупое лекарство! — Дверная мембрана стянулась у нее за спиной.

Тюхе сняла скафандр, швырнула его в угол и прижалась к Мишке, лежавшему в ее постели. Его лохматый мех под щекой казался теплым, а биение искусственного сердца успокаивало. Она смутно помнила, что мама как-то заставляла его двигаться — на расстоянии, и он гладил ее лапой

по волосам, и на круглом экране-лице проявлялись ее черты. Это было очень давно, и она была уверена, что тогда Мишка был крупнее. Но он все еще оставался мягким.

Внезапно он зашевелился. Сердце дернулось от надежды и боли. Но это был всего лишь Мозг.

— Уходи, — сказала она.

«Тюхе, это важно, — настаивал Мозг. — Ты помнишь, что обещала?»

Она покачала головой. В глазах стояли горячие слезы. «Я не буду плакать, я же не Чанъэ», — думала она.

«А теперь?»

Морда медведя исчезла, сменившись мужчиной и женщиной. Мужчина был лыс, его темная кожа блестела, а бледное лицо черноволосой женщины походило на птичье.

«Мама еще красивее Чанъэ», — подумала Тюхе.

— Привет, Тюхе, — сказали они хором и засмеялись.

— Мы Карим и София, — продолжила женщина, — твои мамочка и папочка. Мы надеемся, что ты в порядке. — Она коснулась экрана быстро и легко, как будто слегка подпрыгнула на реголите.

— Но если Мозг показывает тебе этот ролик, —

сказал отец Тюхе, — это значит, что случилось что-то плохое и нужно делать то, что говорит Мозг.

— Не сердись на Мозг, — попросила мама. — Он не такой, как мы, он просто планирует и думает. Выполняет то, что ему сказали. А мы сказали ему обеспечить твою безопасность.

— Понимаешь, в Великой неправильности люди вроде нас не могут быть в безопасности, — продолжил папа. — Людей вроде нас с мамой и тебя боялись. Они назвали нас Серыми в честь человека, который нас придумал, и они нам завидовали, потому что мы жили дольше, чем они, и у нас было больше времени, чтобы понять, как все устроено. Людям становится проще, когда они придумывают глупые имена. Мы что, серые?

Тюхе покачала головой. Вот Волшебник был серым — но это потому, что он вечно искал рубины в темноте и никогда не видел солнца.

— Мы пришли сюда, чтобы построить Правильное место, только для нас двоих. — Папа сжал плечи мамы, как Мишка сжимал плечи Тюхе. — Здесь родилась ты. Ты не представляешь, как мы были счастливы.

Мама стала серьезной.

— Но мы знали, что люди из Неправильности

могут прийти за нами. И нам пришлось спрятать тебя, чтобы ты была в безопасности, чтобы они не смогли тебя разрезать и посмотреть, как ты устроена. Они сделают все, чтобы заполучить тебя.

Страх сжал желудок Тюхе в маленький холодный комок. Как это — разрезать?

— Это было очень тяжелое решение, милая Тюхе, потому что мы любим тебя. Очень сложно не иметь возможности к тебе прикоснуться. Но мы хотим, чтобы ты выросла большой и сильной, и тогда мы найдем тебя, и мы все вместе будем жить в Правильном месте. Но ты должна принимать лекарство. Ты обещаешь? И еще обещай делать то, что говорит Мозг.

— Обещаю, — буркнула Тюхе.

— До свидания, Тюхе, — сказали родители. — Скоро увидимся.

И они исчезли, и лицо Мишки снова стало пустым и светло-бурым.

«Нам нужно уходить в ближайшее время, — снова сказал Мозг, и Тюхе показалось, что его голос стал мягче. — Пожалуйста, будь готова. Тебе нужно принять лекарство».

Тюхе вздохнула и кивнула. Это было несправедливо. Но она обещала.

Мозг отправил Тюхе — точнее, вывел на од-

но из окон комнаты — список вещей, которые можно взять с собой. Список был короткий. Она посмотрела на фигурки из фаббера, на камень, похожий на мальчика, и на плавающие повсюду электронные листы с любимыми сказками. Она не могла взять даже Мишку. Ей вдруг стало так же одиноко, как на вершине горы, откуда она смотрела на Великую неправильность.

И тут она заметила рубин, лежащий на кровати. «Если я уйду и заберу его с собой, Волшебник меня никогда не найдет». Она подумала о Волшебнике и его пантере, которые вечно скитались от кратера к кратеру. Это было нечестно.

«Даже если я сдержу обещание, мне придется отдать рубин. И попрощаться».

Тюхе села на кровать и глубоко задумалась.

Мозг вездесущ, но он не мог видеть всего. Его сделали на основе скана человеческого мозга, мозга какого-то бедняги, который давным-давно умер. В ее комнате нет камер. Он занят эвакуацией: ему нужно программировать и перепрограммировать граги. Она повертела сенсорный браслет на запястье, который контролировал ее жизненные показатели и местонахождение. А вот это было сложно, но с этим все равно нужно что-то сделать. Времени оставалось мало: Мозг

готовил для нее лекарство.

В отчаянии она обняла Мишку. Он был теплый, а сильно его сжав, она ощутила биение пульса.

Тюхе села. Она вспомнила рассказы и уловки Нефритового зайца, вспомнила смоляное чучелко, которое он сделал, чтобы обмануть врага. Выдвинула из Мишкиной головы программируемый экран, объединила со своим сенсором. Нашла старые логи данных, добавила к ним немного шума. Скормила все это медведю, следя, как его пульс, дыхание и другие искусственные признаки жизни становятся такими же, как ее собственные.

Затем она глубоко вздохнула, как можно быстрее стянула браслет и надела его на Мишку.

«Тюхе? Что-то не так?» — спросил Мозг.

Сердце Тюхе подпрыгнуло. Мысли заметались.

— Все хорошо. Наверное… просто немножко сенсор задела. Я собираю вещи.

Она старалась говорить как хорошая девочка, которая всегда держит обещания.

«Лекарство скоро будет готово», — сказал Мозг и исчез.

С колотящимся сердцем Тюхе начала натягивать скафандр.

Иногда она играла в лавовой трубке в одну иг-

ру: выясняла, как далеко можно залезать, пока ее не заметят граги. Играла она и сейчас. Держалась пониже, избегая камер, пряталась за каменными выступами, ящиками и криогенными резервуарами, пока не оказалась в той части трубки, где жили только ото.

Мозг обычно не контролировал их напрямую, а еще у них не было глаз. Тем не менее сердце у нее колотилось, как будто в грудь били метеориты. Она проползла через полугерметичную мембрану. В этом рукаве ото слишком глубоко закопались в поисках кальция, и крыша обрушилась. В тускло-зеленом свечении, исходившем от ее скафандра, она осторожно поднималась по трубке. Вот. Она забралась на груду щебня. Ото один раз сказали ей, что там есть дыра. Она надеялась, что дыра окажется достаточно большой.

Внезапно камень под ногой откатился в сторону, она больно ударилась коленом. Скафандр зашипел при внезапном ударе. Не обращая внимания на боль, она провела пальцами по камням, отслеживая очень слабое дуновение воздуха — без скафандра она бы и вовсе его не почувствовала. Потом под пальцами оказалась реголитовая пыль вместо скалы. Она была плотно спрессована, и ей пришлось долго тыкать ее алю-

миниевым прутиком, пока она не подалась. Пыль и щебень посыпались ливнем, на мгновение она испугалась, что куча под ногами развалится. И тут она увидела бархатно-черное небо.

Она расширила отверстие, сжалась как можно сильнее и поползла наружу.

Тюхе оказалась на склоне холма. Внезапно открывшееся серо-коричневое огромное пространство вызвало примерно такое же ощущение, как избыток сахара. Ноги и руки затряслись, и ей пришлось присесть на реголит. Потом она встряхнулась: у нее была назначена встреча. Она проверила рубин, встала и побежала вниз заячьими скачками.

Тайная дверь ничуть не изменилась. Тюхе нервно покосилась на край кратера, но муравьев не было видно. Она закусила губу и долго смотрела на Старика и Тролля.

«Что случилось?» — спросил Старик.

— Мне нужно уходить.

«Не волнуйся. Мы никуда не денемся до твоего возвращения».

— Возможно, я никогда не вернусь. — Тюхе немного задыхалась.

«Никогда — это очень долго, — возразил Старик. — Даже я не видел никакого никогда. Мы

будем здесь. Береги себя, Тюхе».

Тюхе пробралась на Другую Луну и нашла там Волшебника.

Он был очень высок и худ, даже выше Старика, и отбрасывал длинную, похожую на палец, тень. Лицо казалось очень грустным, борода растрепалась. Рядом лежала его летающая пантера, черная, с глазами как крошечные рубины.

— Привет, Тюхе, — сказал Волшебник голосом, похожим на грохот песчаного червя.

Тюхе сглотнула и вынула рубин.

— Я сделала его для тебя.

А если ему не понравится?

Но Волшебник медленно протянул обе руки в белых перчатках, взял рубин — глаза у Волшебника горели — и долго смотрел на него с благоговением.

— Это очень, очень любезно с твоей стороны, — прошептал он. Осторожно снял высокий цилиндр и положил рубин в него. Тюхе впервые увидела, как Волшебник улыбается. И все-таки он оставался грустным.

— Я не хотела уходить, пока не отдам его тебе, — сказала она.

— Ты очень встревожила Мозг. Он будет волноваться.

— Он это заслужил. Но я обещала, что пойду с ним.

Волшебник еще раз полюбовался рубином и надел цилиндр.

— Обычно я не вмешиваюсь в дела людей, но тебе я должен желание.

Тюхе глубоко вздохнула.

— Я больше не хочу жить с грагами, ото и Мозгом. Я хочу в Правильное место к маме и папе.

Волшебник грустно посмотрел на нее:

— Извини, Тюхе, но этого я сделать не могу. Моя магия недостаточно сильна.

— Но они обещали…

— Тюхе, я знаю, что ты ничего не помнишь. Лунный народ помнит все за тебя. Космические акулы нашли твоих родителей, довольно давно. Они мертвы. Прости…

Тюхе закрыла глаза. Картина в окне, куполообразный кратер. Две яркие линии, извивающиеся над горизонтом, как акулы. Затем вспышка…

— С тех пор ты живешь с Мозгом. Ты ничего не помнишь, потому что он дает тебе специальное лекарство. Оно помогает тебе не грустить слишком сильно и выполнять завет родителей. Но мы помним. И мы всегда говорим тебе правду.

И вдруг они все оказались там, все Лунные

люди вылезли из своих домов: Чанъэ со своими детьми, Нефритовый заяц и Дровосек. Все серьезно смотрели на нее и кивали. Тюхе не смогла смотреть на них в ответ. Она закрыла шлем руками, повернулась, вылезла в Тайную дверь и побежала прочь от Другой Луны. Она бежала не заячьим бегом, а неуклюже и рвано, рыдая на ходу, пока не наткнулась на валун и не покатилась вниз. Долго лежала, свернувшись калачиком, на холодном реголите.

Когда она открыла глаза, вокруг были муравьи.

Муравьи стояли полукругом, вытянувшись в шипастые пирамиды, и слегка раскачивались, как будто искали что-то. Потом они заговорили. Сначала это был просто шум, шипение в шлеме, но через секунду оно превратилось в голос.

— …Привет, — голос был женский и нежный, как у Чанъэ, но ниже и как будто старше, — я Алиса. Ты ударилась?

Тюхе застыла. Она никогда не разговаривала ни с кем, кроме Мозга и Лунных людей. Язык не подчинялся.

— Просто скажи, все ли у тебя в порядке. Никто не причинит тебе вреда. У тебя что-нибудь болит?

— Нет, — выдохнула Тюхе.

— Не бойся. Мы отвезем тебя домой.

На экране шлема вспыхнуло видео: она увидела космический корабль, состоящий из скопления ног и сверкающего золотого шара. Потом появился кружочек, указывающий на пятнышко света в небе.

— Видишь? Мы уже летим.

— Я не хочу в Великую неправильность, — выдохнула она. — Не хочу, чтобы вы меня разрезали.

Пауза.

— Зачем нам тебя резать? Не бойся.

— Потому что люди Неправильности не любят таких, как я.

Еще одна пауза.

— Милая, я не знаю, что тебе говорили, но кое-что изменилось. Твои родители бежали с Земли больше века назад. Мы уже не надеялись тебя найти, но продолжали искать. Я очень рада, что мы тебя нашли. Ты очень долго была на Луне одна.

Тюхе медленно поднялась. Она никогда не была одна. Голова у нее кружилась. «Они сделают все, чтобы заполучить тебя».

Она отступила на несколько шагов.

— Если я пойду с тобой, — тихо спросила она, — я увижу Карима и Софию?

Снова пауза, на этот раз более продолжительная.

— Конечно, — наконец сказала женщина-муравей Алиса, — они ждут тебя прямо здесь.

Ложь.

Тюхе начала отступать. Муравьи смыкали кольцо вокруг нее.

«Я быстрее, — думала она. — Им меня не поймать».

— Куда ты?

Тюхе выключила радио, одним прыжком выскочила из круга муравьев и побежала.

Она никогда в жизни так не бегала, даже наперегонки с Нефритовым зайцем через кратер Шеклтон. Когда легкие и ноги стали гореть, ей пришлось остановиться. Она бежала куда глаза глядят и оказалась выше по склону, близко к холодным пальцам.

«Я не хочу возвращаться на базу. Мозг тоже не говорит правды. — В глазах плясали черные точки. — Им меня не поймать».

Она оглянулась на кратер, где была Тайная дверь. Муравьи двигались. Они снова собрались в металлический лист. Потом он начал свора-

чиваться и превратился в огромную трубку. Она удлинялась, изгибалась и вдруг заскользила вперед металлической змеей, гораздо быстрее, чем бегала Тюхе. Муравьиные пирамиды сверкали у нее в пасти, как зубы. Она приближалась все быстрее и быстрее, обтекая валуны и кратеры, как будто ничего не весила, а за ней столбом вилась пыль. Тюхе огляделась в поисках укрытия, но она оказалась на открытой местности, только провал шахты темнел на западе.

И тут она вспомнила один урок Нефритового зайца. «Если кто-то хочет тебя съесть, обязательно есть кто-нибудь побольше, кто хочет съесть уже его». Муравьиная змея уже была всего в сотне метров, волнами перекатывалась по реголиту, похожая на блестящий металлический хлыст.

Она показала змее язык, случайно дотянувшись им до сладкой внутренней стенки шлема. И помчалась к краю черного кратера.

Сделав несколько прыжков, она оказалась над кратером. Ей показалось, что она ныряет в ледяную воду. Скафандр застонал, она почувствовала, как застывают его сочленения. Но она шла вниз, почти ослепнув от контраста между кромешной тьмой и ярким солнцем наверху. Она чувствовала вибрацию в подошвах, на шлем сыпались

мелкие камешки, и она знала, что муравьиная змея уже прямо над ней.

Фары песчаного червя почти ослепили ее. Сейчас. Она подскочила как можно выше, чувствуя себя невесомой, потянулась к служебной лестнице, которая, как она знала, находилась наверху огромной машины. Схватилась за нее, больно ударилась о жесткий бок червя, почувствовала, как он трясется под ней. А потом червь заскрежетал и задрожал, вгрызшись в муравьиную змею и перевалившись через нее.

Осколки раскаленного металла полетели в воздух, один упал на руку Тюхе. Скафандр вскипел, отбрасывая его. Песчаный червь выполнил аварийную остановку, и Тюхе чуть с него не свалилась. Он начал выпускать маленькие ремонтные граги, и Тюхе стало стыдно. Она долго сидела неподвижно, пока ее дыхание не выровнялось, а жалобы скафандра на холод не стали слишком громкими.

Тогда она спрыгнула на землю и начала подъем обратно к Тайной двери. Там еще оставалось несколько муравьев, но Тюхе не обращала на них внимания. Они бесцельно катались в разные стороны, и их не хватало, чтобы построить передатчик. Она посмотрела наверх. Корабль из

Великой неправильности пока оставался далекой звездой. У нее было время.

С трудом, чувствуя боль в покрытом синяками теле, она пролезла в Тайную дверь последний раз.

Лунные люди все еще ждали ее. Тюхе посмотрела каждому прямо в глаза. Уперла руки в бедра.

— У меня есть желание, — объявила она, — я собираюсь уйти. Я собираюсь заставить Мозг меня послушаться. Я собираюсь построить Правильное место сама, для себя. Я больше не хочу ничего забывать. Поэтому я хочу, чтобы вы все пошли со мной. — Она посмотрела на Волшебника: — Ты можешь это сделать?

Улыбаясь, человек в цилиндре кивнул, раскинул руки в белых перчатках и взмахнул плащом с ярко-красной — рубиновой — подкладкой.

Тюхе моргнула. Другая Луна исчезла. Она огляделась. Она стояла по другую сторону от Старика и Тролля, которые стали обычными камнями. А все Лунные люди жили теперь внутри нее. «Наверное, теперь я стану тяжелее, раз во мне столько людей», — подумала она. Но на самом деле она чувствовала себя пустой и легкой.

Сначала неуверенно, потом все спокойнее она принялась подниматься на гору Малаперт к базе.

Она шла не заячьей походкой, не пантеровой, не шелковым шагом Лунной девы. Это была ее собственная, Тюхе, походка. Впервые в жизни.

Скафандр с привидениями

Лунный скафандр вернулся к Хейзел в тот вечер, когда Пита похоронили в море.

Похороны весь вечер крутили по телевизору. Предполагалось, что она будет зашивать старую одежду для церковной благотворительной ярмарки в Коко-Виллидж, но вместо этого она сидела перед экраном, налив себе на два пальца бурбона из подаренной на свадьбу бутылки — той самой, которую Тайрон никак не хотел открывать.

По телевизору показывали Пита, живого. Он походил на большеголового снеговика на фоне контрастного черно-белого пейзажа и двигался как в замедленной съемке. Потом показали его в форме, с широкой самодовольной улыбкой, машущего толпе. И наконец гроб, соскальзывающий с палубы серого военного корабля под пронзительные звуки трубы. Она отвернулась, когда стали показывать его семью. Все в черном, похожие рядом с аккуратными рядами морских пехотинцев на безалаберную стаю ворон.

Она сказала себе, что глаза жжет от долгого смотрения в экран. Потом она закрыла их и стала

слушать голоса, позволяя им вернуть ее назад во времени, утащить прочь, сделать невесомой.

Разбудил ее стук в дверь. Она встала, втиснула больные ноги в тапки и выключила телевизор, где теперь показывали какой-то фильм. Наверное, выжившая из ума бедняжка Мэйбл, которая опять забыла, сколько времени, и решила зайти в гости к соседке. Хейзел надела очки и открыла дверь.

На фоне туманной флоридской ночи высился огромный астронавт, в желтом свете фонаря казавшийся ослепительно-белым. Термальный микрометеороидный костюм выцвел от возраста и покрылся пятнами лунной пыли. Щиток шлема посверкивал золотом, отражая темное морщинистое лицо Хейзел и облако растрепанных седых волос.

Это был скафандр Пита. *IPC* «Аполлон» *A7LB*. Она сразу его узнала, хотя нашивка с именем отсутствовала. Красные командирские ленты на коленях и локтях. Она прошивала все семнадцать слоев сотнями ярдов нитей, и у нее не было ни единого инструмента, который помогал бы направлять стрекот швейной машинки по имени «Биг Мо», только собственные пальцы. От скафандра пахло латексом, полиэстером, беско-

нечными часами, проведенными в Делавэре в 1967 году. От скафандра пахло им.

Астронавт поднял руку в тяжелой перчатке и протянул к ней — медленно, как будто на Луне. «Он что, пришел за мной? — подумала она. — Как и обещал? Господи, пусть именно Пит отведет меня домой». Сердце загрохотало, как Биг Мо, и она изо всех сил вцепилась в мягкую потертую резину перчатки.

Астронавт потерял равновесие, замахал руками и упал на спину с таким звуком, как будто рассыпалась пирамида резиновых сапог. Лежа на спине, он раскачивался на громоздком блоке жизнеобеспечения, как черепаха, бормотал что-то невнятное из-под шлема и нелепо размахивал неуклюжими перчатками.

Хейзел заморгала. Осторожно опустилась на колени рядом с астронавтом, как будто он был раненым животным. Пальцы сами вспомнили нужные движения, нашли защелки и застежки шлема. Он расстегнулся со щелчком.

Это был не Пит. Под шлемом оказался молодой чернокожий в синей шерстяной шапочке, круглолицый, весь мокрый. Лицо казалось пепельным, под глазами пролегли темные круги.

— Пожалуйста, — скрипуче сказал он, — помо-

гите мне выбраться из этой штуки. Она заколдована.

Хейзел усадила парня на диван. Он сумел стащить перчатки, но термальный костюм и ботинки остались на нем. Хейзел налила ему бурбона, но парень просто смотрел на стакан, тяжело дыша. Он сильно потел. Ночь выдалась теплая, особенно для человека в скафандре. Скафандр сидел на нем плохо, как кожица на слишком пухлой сосиске. При каждом движении неопреновые заплатки и герметичные застежки скрипели. Хейзел вздрогнула, подумав, что стало с полиэстеровой подкладкой. Они с мистером Шепардом, миссис Пилкингтон и Джейн Батчин очень старались, но скафандр не был рассчитан на сорок лет жизни.

Вдруг Хейзел озарило.

— А я знаю, кто ты, — медленно сказала она, — тот молодой человек из Чикаго, который финансирует новый космический челнок, который строят в Космическом центре. Тот, который взлетает на воздушном шаре, а потом отстреливается. Ты заработал деньги в интернете. Бернард как-тебя-там.

— Бернард Нельсон, мэм, — парень как будто защищался, — челнок «Эксцельсиор». Вы смотре-

ли мой *TEDtalk*?

— Не то чтобы. Ладно, Бернард. И зачем ты явился к старухе посреди ночи, напялив настоящий космический скафандр, который должен быть выставлен в Смитсоновском институте на всеобщее обозрение? И в каком смысле заколдован?

Его лицо исказилось — примерно так же выглядел Тайрон всякий раз, когда начинал жалеть о сказанном.

— У меня… диагноз. Я хожу во сне. Я заблудился. Это ничего не значит. И этот скафандр — просто реплика, мэм, такой можно купить в сувенирном магазине Космического центра. Это реконструкция. Пожалуйста, позвольте мне воспользоваться вашим телефоном, и я немедленно уйду. Извините, что вас побеспокоил.

Он совсем не умел врать, у него получалось даже хуже, чем у Джейн Батчин, которая всегда краснела, когда пыталась протащить английские булавки в мастерскую во время работы над силовым сильфоном *A7LB*. Однажды миссис Пилкинсон конфисковала у Джейн все булавки и ткнула ее в задницу на глазах у всех, чтобы показать, что иголки могут наделать со скафандрами. Джейн визжала как свинья.

— Диагноз, ага, конечно. Это скафандр Пита

Тернбулла, и ты об этом прекрасно знаешь. И зачем, ради всего святого, ты его надел?

Бернард долго смотрел на нее. Хейзел почти видела, как у него в мозгу крутятся шестеренки.

— Давай, юноша, заканчивай! — рявкнула она. Тем же отработанным тоном она говорила с инженерами НАСА, он походил одновременно на сексуальный шепот и на треск хлыста. Это всегда сбивало их с толку.

Бернард одним глотком опустошил стакан, закашлялся и закрыл лицо руками.

— Вы правы. Он краденый. Я его купил. Знал, что это неправильно, — он то ли вздохнул, то ли всхлипнул, — но я обожаю старые космические вещи. У меня есть шлем Гагарина и одна из перчаток Шепарда с «Меркурия». Когда ее надеваешь, как будто чувствуешь прикосновение его пальцев. И запах пота. Чувствуешь себя астронавтом, хотя бы ненадолго. А это моя главная мечта.

Хейзел вспомнила рекламу в журналах пятидесятых годов. Мужчины и женщины в серебристой броне и обтекаемых шлемах гуляли по Луне и смотрели на ракеты в небе. Она тоже хотела стать одной из них.

— Давай дальше, — строго сказала она.

Бернард вытер нос.

— Один знакомый чувак с черного рынка рассказал, что за полмиллиона можно купить настоящий лунный скафандр. Они перевозили пару штук из Смитсоновского института на базу Даллеса, а в пути может случиться что угодно… за достойную цену. НАСА не хватится его минимум несколько недель. Наверное, они до сих пор ничего не знают. Они потеряли лунные камни, оригинальную пленку с Армстронгом и кучу всего еще. Я подумал, что у меня скафандру будет лучше, чем у них.

Хейзел как-то сходила на выставку скафандров в Смитсоновском институте. Ей нравилась мысль, что там выставлено дело ее рук. Скафандры там держали в специальных витринах с контролируемой влажностью и температурой, чтобы латексная подкладка не рассыпалась на кусочки. Женщина с английским акцентом называла скафандры по имени и желала им спокойной ночи, выключая свет. Казалось, что она очень любит свою работу.

— Ага, — сказала Хейзел, — и что же случилось?

— Я ложусь спать — и всегда просыпаюсь в нем.

Хейзел ничего не ответила.

— Первый раз был хуже всех. На следующий день после того, как мне его привезли. Я спокойно спал и вдруг проснулся в скафандре, на угнанном мотоцикле, на скорости сто двадцать миль в час. Я не представлял, как так получилось, не знал, что я делаю. Вы когда-нибудь пробовали управлять мотоциклом в скафандре?

— На испытаниях Пит играл в нем в футбол. И он бы с удовольствием покатался бы в нем на своем мопеде, если бы мог утащить его из центра. Больше мопеда он любил только женщин. Ну и полеты, конечно.

Бернард ее не слушал. У него дрожали руки.

— Я утопил его в болоте в заповеднике Мерритт. Чуть не сбил фламинго. У меня, кажется, был сердечный приступ. Слава богу, на мне было УСМ.

— Устройство для сбора мочи.

Хейзел улыбнулась при этом воспоминании. Ребята очень беспокоились о размерах. Они не утихали, пока миссис Пилкингтон не поменяла бирки «маленький», «средний» и «большой» на «большой», «очень большой» и «огромный».

— А откуда вы знаете? — удивился Бернард.

— Ну, я зарабатывала на жизнь шитьем скафандров.

— Вы работали на *IPC* в Делавэре, мэм? — Он

распахнул глаза: — Над *A7LB*?

В его голосе появилось уважение.

— Да, хотя сначала я шила пояса, бюстгальтеры и подгузники. Скафандр — это примерно то же самое, только для взрослого человека. Ладно, неважно. А во второй раз что случилось?

Бернард покраснел.

— Кажется, в деле была замешана женщина, — решила Хейзел.

— Как вы поняли?

— Я хорошо знаю этот скафандр.

— Проснувшись, я оказался в стрип-клубе в Коко-Виллидж. В скафандре.

— «Чи-Чи».

Это был любимый клуб Пита.

— Ну, девчонкам понравилось. Они решили, что у меня мальчишник перед свадьбой. Вот только помаду оттирать было сложно.

— Звучит неплохо.

— Ну… я не люблю девушек на самом деле. — Бернард вздохнул.

— Ой.

— После этого я решил, что у меня опухоль мозга. Но исследования ничего не показали. Я подумал, что это могут быть галлюциногенные химикаты, возникающие при распаде матери-

алов. И опять нет. Вчера я запер эту чертову хреновину в титановом сейфе и проглотил ключ. И вот я перед вами. — Бернард закрыл глаза. — Должно существовать рациональное объяснение, но я не могу его придумать. Вы, наверное, считаете, что я сошел с ума.

— Вовсе нет, — сказала Хейзел, — просто я оскорблена.

— Оскорблены? Но почему?

— Потому что Пит пришел ко мне в третью очередь. Ой, прекрати делать удивленный вид. Отрицай сколько хочешь, но ты сам сказал, что в скафандре привидение. Ты как мой последний муж, Тайрон. Он был стоматолог. Хороший был человек, но не мог обойтись без объяснений для всего на свете. Вот тебе одно. Этот скафандр состоит из четырех тысяч деталей, и мы подгоняли каждую из них не меньше тридцати раз, чтобы скафандр сидел на Пите как перчатка. И куда он еще мог направиться, когда тело перестало его слушаться?

— Я его не верну, — сказал Бернард. — Я заплатил за него полмиллиона баксов. И я выясню, что с ним не так. Привидение, колдовство или что. — Он потер глаза. — Мэм, если вопрос в деньгах, я уверен, что мы что-нибудь придумаем. Жить на

пенсию непросто…

— Слушай, Бернард. Пит Тернбулл был настоящим героем. Настоящим космонавтом. Нельзя стать таким, просто надев скафандр не по размеру или подписав пару чеков. Не забывай об этом, если действительно хочешь попасть в космос.

— Мэм, я не понимаю, что дает вам право…

Она скрестила руки на груди.

— Я его сделала. Я, Джейн Батчин, миссис Пилкингтон и другие. Ребята были в космосе, но мы помогли им выжить. Своими стежками, нитками и швами. Поэтому давай снимай *A7LB*, прямо сейчас, отправляйся домой и ложись спать. И других вариантов у тебя нет, ясно тебе?

Бернард съежился под ее взглядом и принялся неуклюже отстегивать ремни.

— А что вы собираетесь сделать? — спросил он. Лицо его посерело от страха.

— Не волнуйся. Выдавать тебя не стану. Но нам с Питом есть о чем поговорить.

Когда Бернард ушел, Хейзел села и долго смотрела на костюм, на свое лунное отражение в шлеме. *A7LB*, принадлежавший Питу, раскинулся на кресле и выглядел очень довольным собой.

— Мудак ты, — сказала она и встала. — Тупой самодовольный мудак. И с чего ты взял, что все

еще мне нужен?

Она сгребла скафандр и потащила его в мастерскую, задыхаясь под пятидесятифунтовой тяжестью и игнорируя боль в бедре. Вытащила ножницы — те, что для плотных тканей, — и принялась резать скафандр на кусочки, медленно и решительно, сжав губы в тонкую линию.

Это было сложно. Ножницы скользили в негнущихся пальцах, металлическая рукоять врезалась в руку. Она разрезала термальный костюм, изоляционный слой, двадцать один слой герметичного костюма, один за другим. Она замерла, только добравшись до силового сильфона, который когда-то шила шестнадцать часов подряд, чтобы успеть к сроку.

И тогда она почувствовала какую-то неправильность, что-то, спрятавшееся между слоями. Сунула туда пальцы и нащупала что-то плоское, покоробленное. Вытащила.

Это была фотография Хейзел почти пятидесятилетней давности. Облако черных волос сияло, белые зубы тоже сияли в широкой улыбке.

Они встречались на примерках, которые приходилось втискивать в его напряженный график тренировок. Как-то поздно вечером в 1967 году они остались вдвоем в задней комнате мастер-

ской в Делавэре.

Она подарила ему фотографию, когда они лежали среди разбросанных элементов скафандра, окруженные запахами тканей, латекса, пластика и собственных разгоряченных тел. Потом она плакала, точно зная, что он не станет эту фотографию хранить, понимая, что она останется всего-навсего очередной зарубкой на прикладе, уверенная, что он ничем не отличается от других парней-космонавтов, о которых говорили девушки.

Но он возвращался раз за разом. На неделю отвез ее в Аспен, возил на Бродвей смотреть мюзикл и куда-то во Флориду наблюдать за фламинго. Притащил ее на Канаверал смотреть на запуск, и тогда она сказала, что тоже хочет в космос. Не просто шить скафандры, а иметь право носить их. Она думала, что он засмеется, а он нежно ее обнял и поцеловал, когда гигантская огненная игла «Сатурна-5» прошила ткань неба.

— Когда-нибудь, — сказал он, — когда-нибудь.

Он перестал к ней приходить, только когда его сделали командиром четвертой лунной программы. Астронавт и черная швея. Все так и должно было быть. Через год он женился на своей школьной подружке.

Она плакала и жила дальше. Нашла Тайрона, который подходил ей лучше любого скафандра. А после его смерти горе порой жалило ее без предупреждения — как булавка миссис Пилкингтон.

Хейзел отложила ножницы. Пит все-таки взял ее с собой на Луну. Но зачем он вернулся?

«Когда-нибудь».

Она оценила ущерб, нанесенный скафандру, и включила швейную машинку. Предстояло много работы.

Три дня спустя она вышла из такси у Космического центра Линдона Джонсона, где царила суета. Бернард вышел ее встретить. Поздоровался вежливо, хотя и холодно, и даже предложил помочь с тяжелым чемоданом на колесиках. Вокруг бегали инженеры в футболках, спорили, занимались модулями, похожими на гигантские пивные банки, завернутые в оловянную фольгу. Огромный сдутый красный воздушный шар занимал большую часть ангара и закрывал кучу контейнеров. Она уже все это видела в интернете. Им пришлось изобрести новые материалы и способы их склейки, чтобы шар выдержал стратосферу. В конце концов все всегда сводится к ткани.

Кабинет Бернарда оказался маленьким и захламленным, полным компьютеров, залеплен-

ных стикерами для заметок. Окно выходило на мастерскую. Он тщательно закрыл дверь.

— Я не думал, что еще раз вас увижу, мэм. Что случилось?

Хейзел улыбнулась и открыла чемодан. Оттуда выглянул шлем *A7LB*.

— Примерь. Должен сидеть получше.

Он облачился в скафандр меньше чем за пятнадцать минут. Хейзел вынуждена была признать, что Бернард знает, что делает, пусть даже он прикасался к нему осторожно, как будто скафандр мог укусить. Улыбка расплылась по его лицу.

— Идеально, — сказал он, размахивая руками и подпрыгивая.

Хейзел улыбнулась: мерки она снимала очень точно, даже на глаз. Ей пришлось купить в космическом магазине реплику скафандра, чтобы раздобыть кое-какие материалы, но ведь надо же на что-то тратить сбережения.

— Просто прекрасно. — Он неуклюже, как мишленовский человечек, обнял Хейзел. — А почему вы передумали?

— Поговорила со старым другом. Не думаю, что он еще раз тебя побеспокоит. Но ты не радуйся прежде времени, мои услуги не бесплатны.

— Конечно, сколько хотите. Я немедленно пе-

реведу вам деньги, только назовите сумму.

— Деньги мне не нужны.

Хейзел посмотрела на детали «Эксцельсиора».

— Эта ваша консервная банка летит в космос?

— Да, — мечтательно сказал Бернард, и эта мечта была больше него самого. — Мы летим на орбиту, а потом на Луну. И обратно.

— Вот и ладненько, — сказала Хейзел. — Я лечу с вами.

Голос его хозяина

Перед концертом мы воруем голову хозяина. Некрополь похож на темный лес бетонных грибов в синей антарктической ночи. Мы прячемся в пузыре служебного тумана, приделанного к крутой южной стене нунатака, ледяного пика.

Кошка умывается розовым языком. От нее пахнет бесконечной уверенностью.

— Готовься, — говорю я, — мы не будем тут всю ночь торчать.

Она бросает на меня обиженный взгляд и надевает броню. Квантовая ткань в горошек обволакивает полосатое тело, как живое масло. Кошка слабо мурлычет и пробует алмазные когти на ледяном выступе скалы. Звук отдается в зубах, и бабочки с острыми крыльями просыпаются в животе. Я смотрю на яркий, непроницаемый файерволл города мертвых. В дополненной реальности он мерцает, будто кому-то удалось заковать в цепи северное сияние.

Я решаю, что пора попросить Большого Пса залаять. Лазер, закрепленный на моем шлеме, отправляет наносекундную молитву света в небо

цвета индиго. Как раз достаточно, чтобы передать один квантовый бит туда, в землю Диких. Теперь ждем. Хвост виляет сам собой, и низкое рычание зарождается где-то в животе.

Точно по расписанию начинает сыпаться красный фрактальный код. Зрение ухудшается, механизм дополненной реальности не в силах обработать плотный поток информации, который валится на некрополь, как тропический ливень. Северное сияние мерцает и исчезает.

— Вперед! — кричу я кошке, и во мне взрывается дикая радость, радость бега за Маленьким Зверьком из моих снов. — Давай!

Кошка прыгает в пустоту. Крылья брони раскрываются и цепляются за ледяной ветер, и кошка летит вниз, как ухмыляющийся китайский воздушный змей.

Теперь трудно вспомнить начало. Тогда не было слов, только звуки и запахи: металл и рассол, мерный стук волн о понтоны. И три идеальные вещи: моя миска, мячик и твердая рука хозяина на моей шее.

Теперь я знаю, что это была старая нефтяная платформа, которую купил хозяин. Когда мы приехали, там плохо пахло, жженой нефтью и химикатами. Но зато там были тайники, укромные

уголки и закоулки. Была вертолетная площадка, где хозяин бросал мне мяч. Он часто падал в воду, но боты хозяина — маленькие металлические стрекозы — всегда приносили его, если у меня не получалось.

Хозяин был богом. Когда он злился, его голос становился невидимым хлыстом. Его божественный запах наполнял весь мир. Пока он работал, я лаял на чаек или подкрадывался к кошке. Мы несколько раз подрались, и у меня до сих пор остался бледный шрам на носу. Но потом мы заключили перемирие. Темные места принадлежали кошке, а я царствовал над палубой и небом: мы были Аидом и Аполлоном в царстве нашего хозяина.

Но по вечерам, когда хозяин смотрел старые фильмы или слушал пластинки на старом дребезжащем граммофоне, мы вместе лежали у его ног. Иногда от хозяина пахло одиночеством, и он позволял мне спать рядом с ним в маленькой каюте, свернувшись калачиком в божественном запахе и тепле.

Этот мир был невелик, но другого мы не знали.

Хозяин много времени проводил за работой, его пальцы танцевали по клавиатуре, которая проецировалась на стол из красного дерева. Каждую

ночь он уходил в Комнату: единственное место, куда меня не пускали.

Именно тогда я начал мечтать о Маленьком Зверьке. Я помню его запах и сейчас, манящий, необъяснимый и неотразимый, запах закопанных костей и убегающих кроликов.

Во сне я гонял его по песчаному пляжу, шел по вкусной цепочке крошечных следов по извилистым дорожкам и уходил в высокую траву. Я никогда не терял его из виду дольше чем на секунду: где-то на краю поля зрения всегда маячила вспышка белого меха.

Однажды Зверек заговорил со мной:

— Пошли. Пора учиться.

Остров Маленького Зверька был полон укромных уголков. Лабиринты пещер, проведенные на песке линии, которые становились словами, когда я смотрел на них, запахи, которые звучали песнями с граммофона хозяина. Зверек учил меня, и я учился: с каждым днем мое сознание пробуждалось. Когда я увидел, как кошка внимательно смотрит на роботов-пауков, я понял, что она тоже бывает там по ночам.

Я начал понимать, что говорит хозяин. Звуки, которые раньше означали только гнев или радость, стали словами бога.

Он заметил это, улыбнулся и взъерошил мне мех. После этого он начал больше говорить со мной и кошкой долгими вечерами, когда море за окном становилось черным, как нефть, и волны колотились о платформу, как колокол. Его голос был темным, как колодец, глубоким и нежным. Он говорил об острове, где был его дом, острове посреди великого моря. Я ощутил горечь и впервые понял, что за словами всегда есть другие слова, непроизнесенные.

Кошка отлично ловит восходящий поток: она застывает неподвижно на долю секунды, а затем цепляется за башню. Ее когти погружают умный бетон в сон: это код, который заставляет здание думать, что кошка — не кошка, а птица или брошенный ветром осколок льда.

Кошка шипит и плюется. Наниты блока разборки вылетают из ее желудка, цепляются к стене и начинают прогрызать в ней круглую дырку. Ожидание мучительно.

Кошка блокирует экзомышцы своей брони и терпеливо висит. Наконец в стене появляется дыра с зазубренными краями, и кошка проскальзывает внутрь.

Сердце у меня колотится, и я переключаюсь с режима дополненной реальности на каме-

ры, закрепленные на сетчатке глаз кошки. Она несется по вентиляционной шахте, как молния, как акробат, рывками, двигаясь с невероятным ускорением, и обмен веществ у нее тоже стремительный. Хвост у меня непроизвольно дергается. *Мы идем, хозяин. Мы идем.*

Я потерял мяч в тот день, когда пришел другой хозяин.

Я смотрел везде. Я целый день обнюхивал каждый уголок и даже залез в темные коридоры кошачьего царства под палубой, но я ничего не нашел. В конце концов я проголодался и вернулся в каюту. И там были два хозяина. Четыре руки гладили мою шкуру. Два бога, истинный и ложный.

Я лаял. Я не знал, что делать. Кошка посмотрела на меня со смесью жалости и презрения и потерлась о две ноги разом.

— Успокойся, — сказал один из хозяев, — успокойся. Теперь нас четверо.

В конце концов я научился различать их: к тому времени Маленький Зверек уже научил меня смотреть глубже запахов и внешности. Хозяин, которого я помнил, был коренастым мужчиной средних лет с седыми волосами. Новый хозяин был совсем мальчик, очень худой и с ангельским

лицом цвета красного дерева. Хозяин пытался убедить меня поиграть с новым хозяином, но я не хотел. Его запах был слишком знакомым, а все остальное слишком чужим. Про себя я звал его неправильным хозяином.

Два хозяина вместе работали, вместе гуляли и много разговаривали, используя слова, которые я не понимал. Я ревновал. Один раз я даже укусил неправильного хозяина. В наказание меня оставили на палубе на ночь, хотя была гроза, а я боялся грома. Зато вот кошка прекрасно поладила с неправильным хозяином, и я ненавидел ее за это.

Я помню первый раз, когда хозяева поссорились.

— Почему ты это сделал? — спросил неправильный хозяин.

— Сам знаешь. Ты же помнишь, — мрачно ответил хозяин, — кто-то должен показать им, что мы принадлежим сами себе.

— Значит, я принадлежу тебе? — уточнил неправильный хозяин. — Так ты считаешь?

— Конечно, нет. С чего ты взял?

— Многие так решили бы. Ты взял генетический алгоритм и клонировал себя десять тысяч раз со случайными вариациями. Выбрал те, ко-

торые были бы похожи на твоего идеального сына, которого ты мог бы любить. Повторял, пока машины не сломались. Затем распечатал. Это незаконно, знаешь ли. И не просто так.

— Это не то, что думают… множественные. Кроме того, это моя территория. Здесь действуют только мои законы.

— Ты слишком много говоришь с множественными. Они больше не люди.

— А ты говоришь как пиар-боты «ВекТех».

— Я говорю как ты. Озвучиваю твои сомнения. Ты уверен, что поступил правильно? Я не Пиноккио. Ты не Джеппетто.

Хозяин долго молчал.

— А если я он? Может быть, нам нужны именно Джеппетто. Никто больше не создает ничего нового, не говоря уж о деревянных куклах, которые оживают. Когда я был молод, мы воображали, что нас ждет что-то прекрасное. Алмазные дети в небе, ангелы из машин. Чудеса. Но мы сдались как раз перед тем, как пришла голубая фея.

— Я не твое чудо.

— А кто же ты?

— Если бы ты хотя бы сделал себя женщиной, — сказал неправильный хозяин, и голос его прозвучал как удар ножа, — наверное, это было

бы менее неприятно.

Я не слышал удара, но я его чувствовал. Неправильный хозяин вскрикнул, бросился наружу и чуть не наткнулся на меня. Хозяин смотрел, как он уходит. Его губы шевелились, но я не слышал слов. Я хотел утешить его и тихо зарычал, но он даже не посмотрел на меня, вернулся в каюту и запер дверь. Я поцарапал ее, но он не открыл, так что я поднялся на палубу и стал искать мяч.

Наконец кошка находит камеру хозяина.

Она полна голов. Лишенные тел головы парят в воздухе, заключенные в бриллиантовые цилиндры. Башня выполняет команду, которую мы отправили в ее одурманенную нервную систему, и один из цилиндров начинает моргать.

«Хозяин, хозяин».

Я тихонько скулю, когда вижу холодное голубое лицо под бриллиантом. Но в то же время я понимаю, что это не хозяин, еще нет.

Кошка протягивает свой протез. Умная поверхность прогибается, как мыльный пузырь.

— Осторожнее, осторожнее, — говорю я.

Кошка сердито шипит, но слушается, обрызгивает голову нанитами-консервантами и аккуратно кладет ее в наполненный особым студнем рюкзак.

Некрополь наконец-то просыпается: ущерб, причиненный небесным хакером, почти устранен. Кошка направляется к выходу и снова начинает двигаться невероятно стремительно. Через нашу сенсорную связь я чувствую ее отрывистое сердцебиение.

Пора выключать свет. Мои глаза поляризуются и становятся черными для защиты от солнца. Я поднимаю гауссову пусковую установку и поражаюсь, насколько нежны русские ручные трансплантаты. Я нажимаю на спусковой крючок. Установка едва дергается в моей лапе, и полоса света взлетает к небу. Ядерный боевой заряд крошечный, едва ли декатонна, это даже не настоящая плутониевая боеголовка, а гафниевая микробомба. Но достаточно зажечь маленькое солнышко над городом-мавзолеем на одно мгновение, и сфокусированный импульс мазера сделает его таким же мертвым, как всех жителей города.

Свет вспыхивает белым ударом, почти осязаемый в своей интенсивности, и на мгновение кажется, что долина сделана из яркой слоновой кости. Белый шум шипит в моих ушах, как кошка, когда злится.

Для меня запахи были не просто ощущениями,

они были моей реальностью. Теперь я знаю, что это недалеко от истины: запахи — это молекулы, части предмета.

От неправильного хозяина пахло не так. Сначала это меня смутило: запах бога, но не совсем. Запах падшего бога.

И он пал, в конце концов.

Я спал на диване хозяина, когда это случилось. Я проснулся от шарканья босых ног по ковру и звуков тяжелого дыхания. Меня вырвали из сна, где Маленький Зверек пытался научить меня таблице умножения.

Неправильный хозяин посмотрел на меня:

— Хороший мальчик. Тихо.

Я хотел залаять, но божественный запах был слишком силен. И поэтому я просто завилял хвостом, медленно и неуверенно. Неправильно.

Хозяин сел на диван рядом со мной и рассеянно почесал мне уши.

— Я тебя помню, — сказал он. — Я знаю, почему он сделал тебя. Ожившее воспоминание детства.

Он улыбался и пах дружелюбнее, чем раньше.

— Я знаю, каково это. — Он вздохнул, встал и пошел в Комнату.

И тут я понял, что он собирается сделать что-то нехорошее, и залаял так громко, как только мог.

Хозяин проснулся, и когда неправильный хозяин вернулся, он уже ждал.

— Что ты наделал? — спросил он, и лицо его было белым как мел.

Неправильный хозяин посмотрел на него вызывающе:

— То же самое, что и ты. Ты преступник, а не я. Почему я должен страдать? Я тебе не принадлежу.

— Я мог бы убить тебя, — сказал хозяин, и от гнева в его голосе я испуганно заскулил. — Я мог бы сказать им, что я был тобой. Они бы поверили мне.

— Да, — сказал неправильный хозяин, — но ты этого не сделаешь.

— Нет. Не сделаю, — вздохнул хозяин.

Я веду стрекозу над криобашней. Я вижу кошку на крыше и тихо вою от облегчения. Летательный аппарат легко приземляется. Из меня так себе пилот, но лоботомированный разум даймона — нелегальная копия летчика-аса двадцать первого века — все сделает сам. Кошка залезает внутрь, и мы мчимся в стратосферу на скорости, при которой число Маха становится равным пяти. Ветер ласкает оболочку стрекозы.

— Молодец, — говорю я кошке и виляю хво-

стом. Она смотрит на меня желтыми раскосыми глазами и сворачивается в гелевом гнезде, рассчитанном на перегрузки. Я смотрю на контейнер рядом с ней. Это дуновение божественного запаха или просто мое воображение?

В любом случае этого достаточно, чтобы я свернулся клубочком и заснул глубоким счастливым собачьим сном, и впервые за много лет мне снятся мячик и Зверек, которые соскальзывают с крутой баллистической орбиты.

Они пришли с неба перед восходом солнца. Хозяин поднялся на палубу в костюме, который пах новым. У него на коленях была кошка, которая тихо мурлыкала. Неправильный хозяин последовал за ним, заложив руки за спину.

Три машины, скарабеи с черным панцирем, множеством ног и прозрачными крыльями. Они летели совсем низко, поднимая за собой белую пену. Гул их крыльев резал мне уши. Они сели на палубу.

Та, что посередине, изрыгнула облако тумана. Облако тускло замерцало, закружилось в воздухе и превратилось в чернокожую женщину без запаха. К тому времени я узнал, что вещи без запаха все равно могут быть опасны, поэтому я лаял на нее, пока хозяин не велел мне замолчать.

— Мистер Такеши, вы знаете, почему мы здесь.

Хозяин кивнул.

— Вы не отрицаете своей вины?

— Отрицаю. Технически эта платформа является суверенным государством, где действуют мои собственные законы. Аутогенез здесь не является преступлением.

— Она была суверенным государством, — сказала женщина, — теперь она принадлежит «ВекТех». Правосудие стремительно, мистер Такеши. Наши законоботы нарушили вашу конституцию через десять секунд после того, как мистер Такеши, — она кивнула в сторону неправильного хозяина, — рассказал нам о своем положении. После этого у нас не было выбора. Квантовый судья ВОИС, с которым мы консультировались, приговорил вас к медленной зоне на триста четырнадцать лет, и мы, как потерпевшая сторона, имеем право исполнить приговор. Вам есть что сказать?

Хозяин посмотрел не неправильного хозяина, его лицо скривилось, как восковая маска. Затем он осторожно опустил кошку и почесал мне уши.

— Позаботься о них, — сказал он неправильному хозяину. — Я готов.

Жук посередине двигался слишком быстро, чтобы я мог его заметить. Рука хозяина на моем загривке на мгновение напряглась, напоминая о днях, когда мама носила меня за шкирку, а потом отпустила. Что-то теплое брызнуло мне на шкуру, и в воздухе повис темный, глубокий запах крови.

Потом он упал. Я увидел его голову в плавающем пузыре, который проглотил один из жуков. Другой открыл свое брюхо неправильному хозяину. И потом они ушли, а мы с кошкой остались одни на окровавленной палубе.

Кошка будит меня, когда мы стыкуемся с «Маркизом Карабасом». Цеппелин проглатывает наш дрон-стрекозу, как кит. Он похож на хрустальную сигару, а его сапфировый стержень из нановолокна светится голубоватым светом. Быстрый город под нами, он похож на небо, полное неоновых звезд, пришвартованное к цеппелину лифтовыми тросами. Я вижу, как далеко внизу по ним карабкаются пауки-лифты, и вздыхаю с облегчением. Гости еще прибывают, и мы еще не опоздали. Мой личный файерволл закрыт — я знаю, что он сдерживает целый поток сообщений.

Мы спешим прямо в лабораторию. Я готовлю сканер, пока кошка очень, очень осторожно вынимает голову хозяина наружу. Фрактальный

куст сканера вылезает из гнезда, ощетинившись пальцами-разбирателями с молекулу размером. Мне приходится отвести взгляд, когда он начинает пожирать лицо хозяина. Я сбегаю в виртуальную реальность, заниматься тем, что умею лучше всего.

Через полчаса мы готовы. Нанофаб выплевывает черные пластиковые диски, а дроны-дирижабли несут их в концертный зал. Металлические бабочки возвращаются ко мне в живот, и мы направляемся в гримерку. Сержант уже ждет нас: судя по окуркам на полу, он провел здесь какое-то время. Я морщу нос от резкой вони.

— Вы опоздали, — говорит наш менеджер, — и, надеюсь, вы знаете, что, черт побери, делаете. На это шоу продано больше билетов, чем на вечеринку в честь дня рождения Туринского клона.

— В этом и идея, — поясняю я и позволяю Анетт опрыскать меня косметическим туманом. От него щекочет в носу и хочется чихать, и я ревниво смотрю на кошку: она-то в прекрасных отношениях со своим собственным консультантом по имиджу. — Мы популярнее Иисуса.

Они в спешке включают ди-джеев, сделанных последним человеческим портным на Сэвилл Роу.

— Хорошая кожа, — говорит Анетт. — Красное дерево с фиолетовым отливом.

Она продолжает, но я не слышу. Музыка уже в голове.

Голос хозяина.

Меня спасла кошка.

Не знаю, нарочно она это сделала или нет, мне и сейчас тяжело это понять. Она зашипела на меня, выгнув спину. Затем прыгнула вперед и расцарапала мне нос: его жгло, как раскаленный уголь. Я чуть не сошел с ума от злости, хотя был уже очень слаб. Я яростно залаял и стал гонять кошку по всей палубе. Наконец я рухнул, обессиленный, и понял, что проголодался. Автокухня внизу, в капитанской каюте, еще работала, и я знал, как попросить еды. Но когда я вернулся, тела хозяина уже не было: роботы-утилизаторы выбросили его в море. Вот тогда я понял, что он не вернется.

Той ночью я свернулся калачиком в его постели совсем один. У меня остался только запах бога. Ну и Маленький Зверек.

Он пришел ко мне на берег грез, но я не стал его преследовать. Он сидел на песке, смотрел на меня своими маленькими красными глазками и ждал.

— Почему они взяли хозяина? — спросил я.

— Ты не поймешь. Не сейчас.

— Я хочу понять. Я хочу знать.

— Хорошо, — сказал он. — Все, что ты делаешь, помнишь, думаешь, обоняешь… все оставляет следы, вот как следы на песке. И их можно читать. Представь, что ты идешь за другим псом, ты знаешь, где он пометил дерево, где поел и все такое. А люди умеют делать такое с мыслеотпечатками. Они могут записать их и сделать другого тебя внутри машины — как экранные люди без запаха, на которых твой хозяин любил смотреть. Вот только экранный пес будет считать себя тобой.

— Но у него же не будет запаха? — спросил я, сбитый с толку.

— Он будет считать, что запах у него есть. А если ты знаешь, что делаешь, ты сможешь дать ему новое тело. Ты можешь умереть, но копия будет настолько хороша, что никто не заметит разницы. Человечество давно этим занимается. Твой хозяин был одним из первых, очень давно. Далеко отсюда есть люди с механическими телами, люди, которые никогда не умирают, люди с маленькими телами и большими телами, в зависимости от того, сколько они могут заплатить, люди, которые умерли и вернулись.

Я пытался понять, но без запахов было сложно. Но его слова все равно пробудили во мне безумную надежду.

— Значит, хозяин вернется? — спросил я, задыхаясь.

— Нет. Твой хозяин нарушил закон людей. Когда люди открыли мыслеотпечатки, они начали делать копии самих себя. Некоторые сделали их много, больше, чем песчинок на пляже. Это вызвало хаос. В каждой машине, в каждом устройстве, повсюду были безумные мертвые умы. Люди называли их множественными и боялись. Причины бояться у них были. Представь, что здесь была бы тысяча собак, но только один мяч.

У меня уши заложило от одной этой мысли.

— Вот что чувствовали люди, — сказал Маленький Зверек. — И они установили законы: только один экземпляр каждого человека. Люди, которые называют себя «ВекТех», научились ставить в сознании людей водяные знаки и разработали программное обеспечение для управления правами, которое должно было остановить копирование. Но некоторые люди — вроде твоего хозяина — научились их стирать.

— Неправильный хозяин, — тихо сказал я.

— Да, — сказал Маленький Зверек, — он не

хотел быть нелегальной копией. Он сдал твоего хозяина.

— Я хочу вернуть хозяина, — сказал я, и гнев и тоска забили крыльями в моей груди, как птицы в клетке.

— И кошка тоже, — мягко сказал Маленький Зверек.

И только тогда я увидел, что кошка сидит рядом со мной на пляже, и глаза ее мерцали на солнце. Она посмотрела на меня и примирительно мяукнула.

После этого Маленький Зверек приходил к нам каждую ночь и учил нас.

Музыку я любил больше всего. Маленький Зверек показал мне, как превращать музыку в запахи и находить в ней закономерности, похожие на следы огромных странных животных. Я изучал старые записи хозяина и обширные библиотеки его виртуального стола и научился смешивать их в запахи, которые мне казались приятными.

Я не помню, кто из нас придумал план спасения хозяина. Может быть, кошка: мы могли нормально говорить только на острове снов, где ее мысли появлялись узорами на песке. Может быть, Маленький Зверек, а может быть, и я. Мы говорили обо всем этом столько ночей, что я уже

не знаю. Но началось это на острове, где мы стали стрелами, выпущенными в цель.

Наконец мы были готовы идти. Роботы хозяина и нанофакс собрали глайдер по модели с открытым исходным кодом, похожий на белокрылую птицу.

В моем последнем сне Маленький Зверек попрощался. Он что-то загудел себе под нос, когда я рассказал ему о наших планах.

— Вспоминай меня в своих снах, — сказал он.

— Ты не пойдешь с нами? — не поверил я.

— Мое место здесь, — сказал он, — и теперь моя очередь спать и мечтать.

— Кто ты?

— Не все множественные исчезли. Некоторые из них сбежали в космос, построили там новые миры. Там идет война, даже сейчас. Возможно, однажды ты придешь к нам, туда, где живут большие собаки. — Он вдруг рассмеялся: — Ну что, тряхнем стариной?

Он бросился в воду и побежал, на ходу превращаясь в большую гордую собаку в белой шубке, мышцы под которой переливались, как вода. Я побежал за ним в последний раз.

Когда мы взлетели, небо было серым. Кошка надвинула на глаза очки и управляла глайдером

с помощью нейросетевого интерфейса. Мы пронеслись над темными волнами, встали на курс. Платформа превратилась в маленькое грязное пятнышко в море. Я смотрел, как она исчезает, и понял, что так и не нашел мяч.

Затем послышался удар грома, и темный водяной столб поднялся к небу там, где была платформа. Я не плакал: я знал, что Маленького Зверька больше нет.

Солнце уже садилось, когда мы прибыли в Быстрый город. Я знал, чего ожидать от Маленького Зверька, но и представить себе не мог, на что это будет похоже. Небоскребы высотой в милю, каждый из которых был отдельным миром — с искусственными плазменными солнцами, парками бонсай и миниатюрными торговыми центрами. В каждом из них жил миллиард лилипутов, бедных и быстрых: людей, чье сознание обреталось в нанокомпьютере размером с подушечку пальца. Бессмертных, которые не могли позволить себе использовать больше ресурсов перенаселенной Земли, чем мышь. Город окружал ореол светящихся фей, крошечных крылатых моравеков, которые порхали, как человекоподобные светлячки. Отработанное тепло их разогнанных тел погружало город в искусственные сумерки.

Городской разум направил нас к посадочной площадке. К счастью, правила кошка: я просто смотрел на весь этот гул с открытым ртом, боясь утонуть в звуках и запахах.

Мы продали глайдер на металлолом и принялись бродить в городской суете, чувствуя себя монстрами-дайкадзю. Данные о социальных агентах, полученные от Маленького Зверька, давно устарели, но они все еще могли встроить нас в социальную среду. Нам нужны были деньги, нам нужна была работа.

Так я стал музыкантом.

Бальный зал представляет собой полусферу в центре цеппелина. Он заполнен до предела. Бесчисленные живые существа мерцают в воздухе, как живые свечи, да и костюмы облеченных в плоть не менее экзотичны. Женщина, одетая в осенние листья, улыбается мне. Клоны феи Динь-Динь окружают кошку. Наши телохранители, вооруженные до зубов обсидиановые гиганты, расчищают нам путь на сцену, где стоят граммофоны. Толпа гудит. Воздух вокруг нас беременен призраками, воплощениями миллионов бесплотных поклонников. Я виляю хвостом. Запахи опьяняют: духи, тела из плоти, отсутствие запахов, свойственное моравекам. И запах падшего

бога, неправильного хозяина, прячущегося где-то внутри.

Мы выходим на сцену на задних лапах, опираясь на туфли-протезы. Лес граммофонов высится за нами, их трубы похожи на цветы из латуни и золота. Мы жульничаем, конечно: музыка аналоговая, граммофоны настоящие, но канавки на черных дисках имеют едва нанометр в ширину, а иголки увенчаны квантовыми наконечниками.

Мы кланяемся и слышим бурю аплодисментов.

— Спасибо, — говорю я, когда этот гром наконец стихает, — мы молчали о цели этого концерта, пока могли. Но теперь я могу сказать, что это благотворительное выступление.

Я чувствую в воздухе напряжение, запах меди и железа.

— Мы скучаем по одному человеку, — говорю я. — Его звали Симода Такеши, и он умер.

Кошка поднимает дирижерскую палочку и поворачивается лицом к граммофонам. Вслед за ней я вступаю в созданное нами звуковое пространство, место, где музыка становится запахами и звуками.

Хозяин в нашей музыке.

Потребовалось пять человеческих лет, чтобы добраться до вершины. Я научился любить зри-

телей. Я мог чувствовать их эмоции и создавать для них музыку, которой они жаждали. Вскоре я стал уже не гигантским псом-диджеем среди лилипутов, а маленьким терьером в лесу танцующих человеческих ног. Кошачья гладиаторская карьера продлилась некоторое время, но вскоре она присоединилась ко мне в качестве актрисы в придуманной мной виртуальной драме. Мы выступали для богатых во плоти в Быстром городе, Токио и Нью-Йорке. Мне это нравилось. Я выл на Землю в небе Моря спокойствия.

Но я всегда знал, что это только первая фаза плана.

Мы превращаем его в музыку. «ВекТех» владеет его мозгом, его воспоминаниями, его разумом. Но мы владеем музыкой.

Закон — это код. Миллиард людей слушают голос нашего хозяина. Миллиард разумов загружают встроенные пакеты «Закона у нас дома» и бомбардируют квантовых судей запросами, требуя вернуть его. Это самая красивая вещь, которую я когда-либо делал. Кошка исследует джунгли генетических алгоритмов, позволяет темам расти, а затем набрасывается на них и пожирает. Я просто гоняюсь за ними ради чистой радости погони, не заботясь о том, поймаю я их

или нет.

Это наше лучшее шоу.

Только когда все заканчивается, я понимаю, что никто не слушает. Аудитория застыла. Феи и быстролюди парят в воздухе, как мухи, застывшие в янтаре. Моравеки обратились в молчаливые статуи. Время остановилось.

Нам хлопают две ладони.

— Я горжусь тобой, — говорит неправильный хозяин.

Я поправляю галстук-бабочку и улыбаюсь собачьей улыбкой, холодная змея извивается у меня в животе. Божественный запах накатывает и велит мне броситься на землю, завилять хвостом, подставить пузо божественному существу, стоящему передо мной.

Но я этого не делаю.

— Здравствуй, Ниппер, — говорит неправильный хозяин.

Я подавляю низкое рычание, рвущееся из горла, и превращаю его в слова:

— Что ты сделал?

— Мы их приостановили. Лазейки в железе. Управление цифровыми правами.

Лицо цвета красного дерева осталось гладким, он не постарел ни на день, на нем темный ко-

стюм с булавкой для галстука «ВекТех». Но глаза кажутся усталыми.

— Я правда впечатлен. Вы превосходно заметали следы. Мы считали, что вы фурри. Пока я не понял…

Далекий гром прерывает его слова.

— Я пообещал ему, что позабочусь о вас. Вот почему вы все еще живы. Не надо было этого делать. Вы ему ничего не должны. Посмотрите на себя: кто бы мог подумать, что ты сможешь зайти так далеко? И вы собираетесь бросить все это из-за какого-то атавистического чувства животной преданности? Не то чтобы у вас был выбор, конечно. План не сработал.

Кошка шипит, как паровая труба.

— Ты ничего не понял, — говорю я. — Это был обманный маневр.

Кошка бросается вперед, как черно-желтое пламя. Ее когти сверкают, и голова неправильного хозяина отделяется от тела. От запаха крови, размывающего запах бога, мне хочется выть. Кошка облизывает губы. На ее белой манишке алеет пятно.

Цеппелин трясется, броня из псевдоматерии сверкает. Темное небо вокруг «Маркиза» полно огнедышащих жуков. Мы бежим мимо человече-

ских статуй в бальном зале и в лаборатории.

Кошка делает грязную работу, позволяя мне ненадолго сбежать в виртуальный мир абстракций. Я не знаю, как это сделал хозяин, как он много лет назад сломал водяные знаки защиты от копирования. Я не могу сделать то же самое, чему бы ни учил меня Маленький Зверек. Так что я должен смошенничать, взять отмеченные части откуда-то еще.

Из мозга неправильного хозяина.

Часть меня, родившаяся на острове Маленького Зверька, берет верх и соединяет две цепочки вместе, как кусочки головоломки. Они подходят друг к другу, и на мгновение голос хозяина звучит в моей голове, на этот раз по-настоящему.

Кошка ждет. Она уже в своем когтистом боевом костюме, и я надеваю свой.

Вокруг нас умирает «Маркиз Карабас». Чтобы отправить хозяина в путь, мы должны отключить броню.

Кошка слабо мяукает и протягивает мне что-то красное. Старый пластиковый шарик со следами зубов, пахнущий солнцем и морем, с несколькими крупинками песка внутри.

— Спасибо, — говорю я.

Кошка ничего не говорит, просто открывает

дверь в шкуре цеппелина. Я шепчу команду, и хозяин отправляется в поток нейтрино, устремляющийся к острову в синем море. Где боги и большие собаки живут вечно.

Мы вместе ныряем в дверь, в свет и пламя.

Элегия в честь юного лося

Застрелив молодого лося, Косонен попытался написать стихотворение, сидя у костра.

Был конец апреля, и на земле еще лежал снег. По вечерам уже можно было сидеть на улице, на бревне у костра, на маленькой полянке, где стояла его хижина. Отсо было удобнее снаружи, а Косонен предпочитал компанию медведя одиночеству. Медведь громко храпел на куче еловых веток.

От сохнущей шерсти тянуло сыростью и лосиным дерьмом.

Косонен вытащил из кармана блокнот в мягкой обложке и огрызок карандаша. Пролистал блокнот: почти все страницы были пусты. Слова стали скользкими, поймать их было труднее, чем лося. Не этого, конечно, беззаботного и молодого. Старый лось никогда не подпустил бы человека и медведя так близко.

Он царапал слова на первой пустой странице, крепко сжимая карандаш.

Рога. Сапфировые рога. Плохо. *Застывшее пламя. Корни деревьев. Раздвоенные стрелы судьбы.*

Должны быть слова, точно отражающие отдачу арбалета, звук, с которым стрела входит в плоть. Но это было все равно что пытаться поймать снежинку ладонью. Да, мгновение ты видишь кристаллическую структуру, но потом она тает.

Он закрыл блокнот и чуть не бросил его в огонь, но передумал и положил его обратно в карман. Нет смысла выкидывать хорошую бумагу. Да и в сортире скоро последний рулон закончится.

— Косонен снова думает о словах, — проворчал Отсо. — Лучше бы Косонен выпил. Тогда не надо слов. Можно спать.

Косонен посмотрел на медведя.

— Что, самый умный, да? Может, сам будешь стрелять в лося? — Он похлопал по арбалету.

— Отсо умеет нюхать. Косонен умеет стрелять. Оба умеют пить.

Отсо сладко зевнул, обнажив гигантские желтые зубы. Затем перекатился на бок и удовлетворенно вздохнул:

— Скоро у Отсо будет много выпивки.

Возможно, медведь был прав. Может быть, нужно было просто выпить. Какой смысл быть поэтом: они уже написали все стихи в мире. Где-то там, в небесах. Вероятно, у них были поэтические сады. Или места, где можно стать словом.

Но дело было не в этом. Слова должны исходить от него, грязного бородатого мужчины, живущего в лесу. С дырой в земле вместо сортира.

Светлые слова из темного материала — вот это поэзия.

Если они получаются, конечно.

Ему было чем заняться. Белки вчера почти сломали замок, мелкие ублюдки. Дверь в погреб нужно было укрепить. Но это все могло подождать до завтра.

Он уже собирался открыть бутылку водки из снежного тайника Отсо, когда Мария пролилась с неба дождем.

Внезапным холодным дождем — словно в сауне на голову вылили ведро воды. Но капли не коснулись земли, они поплыли вокруг Косонена. Пока он смотрел, они изменили форму, слились и превратились в женщину с тонкими, как веретена, костями, облеченными туманной плотью. Она походила на стеклянную скульптуру. Маленькие груди были идеальными полушариями, признак ее пола — равносторонним серебряным треугольником. Но лицо оставалось знакомым — маленький нос и высокие скулы, губы, за которыми прятался острый язычок.

Мария.

Отсо мгновенно вскочил и встал рядом с Косоненом.

— Плохой запах, пахнет богом, — зарычал он. — Отсо кусается.

Дождевая женщина с любопытством посмотрела на него.

— Отсо, — строго сказал Косонен и схватился за шкуру на грубой шее медведя, чувствуя, как напрягаются огромные мышцы. — Отсо — друг Косонена. Послушай Косонена. Не время кусаться. Время спать. Косонен будет говорить с богом.

Затем он поставил бутылку водки в снег прямо у медведя под носом.

Отсо понюхал бутылку и поскреб передней лапой подтаявший снег.

— Отсо уходит, — наконец сказал он. — Косонен кричит, если бог кусается. Отсо приходит.

Он ловко подхватил бутылку пастью и убрался в лес развязной, шаркающей походкой.

— Привет, — сказала дождевая женщина.

— Здравствуй, — осторожно сказал Косонен. Он не знал, настоящая ли она. Чумные боги были хитры и вполне могли вынуть образ Марии из его разума. Он смотрел на арбалет со снятой тетивой и прикидывал шансы: алмазная богиня против лесного поэта не в лучшей форме. Плохо.

— Твоя собака меня не очень любит, — сказала Мария, легла на бревно Косонена и заболтала в воздухе сверкающими ногами, как всегда делала Мария в сауне. Косонен решил, что это она, и почувствовал комок в горле. Прокашлялся.

— Это медведь, а не собака. Собака бы залаяла. Отсо просто кусается. Ничего личного, такова его природа. Он подозрительный и сварливый.

— Прямо как кое-кто, кого я когда-то знала.

— Я не параноик. — Косонен нагнулся и попытался раздуть огонь. — В лесу учишься быть осторожным.

Мария огляделась.

— Мне казалось, мы дали вам больше снаряжения. Здесь как-то… примитивно.

— Ага. У нас было много гаджетов, — сказал Косонен, — но они ничего не могли против чумы. У меня был умный пистолет до этого, — он погладил арбалет, — но он заразился. Я убил его большим камнем и бросил в болото. У меня есть лыжи, кое-какие инструменты и вот это, — Косонен постучал пальцем по виску, — пока хватает. Так что все хорошо.

Он подложил немного растопки под треугольник из небольших бревен, и пламя разгорелось снова. Трех лет хватило, чтобы научиться хотя

бы управляться с деревом. Кожа Марии в мягком свете костра казалась почти человеческой, и он присел на еловые ветки Отсо, наблюдая за ней. Оба помолчали.

— И как ты там? — спросил он. — Сильно занята?

Мария улыбнулась.

— Твоя жена выросла. Она уже большая девочка. Ты даже не хочешь знать, насколько большая.

— Значит, ты — не она? С кем я говорю?

— Я она, и я не она. Я часть, и я целое. Это перевод. Ты не поймешь.

Косонен положил в кофейник немного снега, чтобы тот растаял.

— Ладно, я же дикарь. Но я понимаю, что ты здесь, потому что хочешь чего-то. Так что перейдем к делу, *perkele*!

Мария глубоко вздохнула.

— Мы кое-что потеряли. Кое-что важное. Кое-что новое. Мы называли это искрой. Она упала в город.

— Я думал, у вас есть копии всего.

— Квантовая информация. Часть нового бита. Ее нельзя скопировать.

— Сложно-то как.

Между бровями Марии появилась морщинка. Косонен помнил ее по сотням их ссор и сглотнул.

— Хочешь говорить в таком тоне? Ладно. Я думала, ты будешь рад меня видеть. Мне не нужно было приходить. Вместо меня могли прислать Микки Мауса. Но я хотела тебя увидеть. Большая Мария хотела тебя увидеть. Ладно, ты решил прожить свою жизнь печальным лесным бродягой. Пожалуйста. Но хотя бы послушай. Ты многим мне обязан.

Косонен ничего не сказал.

— Понятно, — сказала Мария, — ты все еще винишь меня за Эсу.

Она была права. Именно она получила первую машинку Санта-Клауса.

«Мальчику нужно все самое лучшее, — говорила она. — Мир меняется. Нельзя, чтобы он отстал. Пусть он будет маленьким богом, как соседский ребенок».

— Думаю, мне не следует винить тебя, — сказал Косонен. — Просто ты… часть. Тебя там не было.

— Я была там, — тихо сказала Мария. — Я помню. Лучше, чем ты сейчас. Я лучше забываю и лучше прощаю. Ты этого не умел. Ты просто… писал стихи. А другие пошли дальше и спасли мир.

— Отлично, — сказал Косонен и потыкал пал-

кой в огонь. В дым взлетело облако искр.

Мария встала.

— Вот и все. Я ухожу. Увидимся через сто лет.

Воздух похолодел. Вокруг нее замерцал ореол. Косонен закрыл глаза и крепко сжал челюсти. Подождал десять секунд. Затем открыл глаза. Мария все еще беспомощно смотрела на него. Он не сдержал улыбки. Она никогда не уходила, не оставив за собой последнее слово.

— Прости, — сказал Косонен, — много времени прошло. Я жил в лесу с медведем. Это не улучшает человеческий нрав.

— Я не заметила разницы.

— Ладно, — согласился Косонен и похлопал по еловым веткам рядом с собой: — Садись. Давай начнем сначала. Я сварю кофе.

Мария села, касаясь его голым плечом. Она была странно теплой, даже теплее огня.

— Файерволл не пустит нас в город, — сказала она. — Среди нас нет никого, кто сошел бы за человека. Больше нет. Ходят разговоры о создании такого, но спорить будут еще сто лет. В небесах любят спорить.

Косонен усмехнулся:

— Держу пари, ты отлично туда вписалась. — Он посмотрел, появилась ли морщинка. — Значит,

тебе нужен мальчик на побегушках.

— Нам нужна помощь.

Косонен посмотрел на огонь. Пламя угасало, облизывая почерневшее дерево. Угли каждый раз приобретали новый цвет. Или он просто всегда забывал предыдущие. Он коснулся руки Марии. На ощупь она походила на мыльный пузырь. Она не убрала руку.

— Хорошо, — сказал он. — Но имей в виду, что это не просто ради старой дружбы.

— Все, что угодно.

— Я дешево стою. Мне просто нужны слова.

Солнце сверкало на *кантоханки*: снеге с мерзлой поверхностью, достаточно крепком, чтобы выдержать человека на лыжах и медведя. Косонен тяжело дышал. Угнаться за Отсо было непросто, даже вниз по склону. Но в такую погоду кататься на лыжах было невероятно приятно: скользить по голубым теням деревьев почти без сопротивления и слышать, как шипит снег.

«Я слишком долго сидел на месте, — подумал он. — Надо было отправиться куда-то просто так, а не ждать, что кто-то попросит».

Во второй половине дня, когда солнце уже садилось, они добрались до железной дороги, длинной просеки с двумя металлическими рель-

сами. Косонен снял лыжи и воткнул их в снег.

— Плохо, что ты не можешь пойти со мной, — сказал он Отсо, — но город тебя не пустит.

— Отсо не городской медведь, — сказал медведь. — Отсо ждет Косонена. Косонен получает небесного жука, возвращается. Мы пьем.

Косонен неуклюже почесал плотный мех на шее. Медведь ткнул Косонена в живот носом, да так сильно, что чуть не уронил. Фыркнул, развернулся и побрел в лес. Косонен смотрел, пока он не исчез среди заснеженных деревьев.

Ему пришлось трижды совать пальцы в горло, чтобы вышло наносемя, которое дала Мария. От рвоты во рту остался горький вкус. Проглотить семя было единственным способом защитить эту хрупкую вещь от чумы. Он вытер о снег прозрачную штучку размером с грецкий орех, скользкую и теплую. Семя напоминало игрушки, которые продавались в торговых автоматах в супермаркетах в его детстве: пластиковые шарики с секретным содержимым.

Он аккуратно положил наносемя на рельсы, вытер остатки рвоты с губ и прополоскал рот. Внимательно посмотрел на шарик. Мария знала, что он никогда не читал инструкций, поэтому не дала ему ни одной.

— Сделай мне поезд, — сказал он.

Ничего не случилось. «Может быть, оно читает мои мысли», — подумал он и представил старый пыхтящий паровоз. Тоже ничего, только отражение темнеющего неба на чистой поверхности семени. Она всегда была очень изощренной. Она не могла сделать подарок, не продумав о его значении много дней. Пока он стоял на месте, весенний холод проникал под куртку из волчьей шкуры, так что он прыгал вверх и вниз, потирая руки.

Вместе с движением пришла идея. Он нахмурился, глядя на наносемя, и вынул блокнот из кармана. Может быть, пришло время попробовать другой подарок Марии — ну или аванс, тут с какой стороны посмотреть. Он едва успел написать первые строчки, и слова заметались у него в голове, как просыпающиеся животные. Он закрыл блокнот, прочистил горло и заговорил:

эти рельсы
истерлись
под колесами,
что записали
имя каждого пассажира
сталью и милями, –

сказал он.

хорошо, что года
едят нашу плоть,
делая нас тонкими и легкими,
чтобы рельсам хватало прочности
нести нас
в город
в поезде из стекла и слов.

«Ну и дрянь», — подумал он, но это не имело значения. Радость слов текла по жилам, как водка. Жаль, что ничего не получилось…

Семя расплылось. Потом взорвалось, превратившись в раскаленный добела шар. Выделившееся тепло омыло лицо Косонена. Светящиеся щупальца извивались в воздухе, высасывая углерод и металл из рельсов и деревьев. Они танцевали, как электрические дуги сварщика, рисуя в воздухе линии и плоскости.

И вдруг поезд оказался перед ним.

Он был прозрачным, с тонкими, как бумага, стенками и изящными колесиками, словно был выдут из стекла. Набросок мультяшного паровоза с одним вагоном и похожими на паутину сиденьями — ровно так, как он и вообразил.

Он забрался внутрь, ожидая, что хрупкая конструкция качнется под его весом, но поезд стоял прочно, как скала. Наносемя невинно лежало на полу, как будто ничего не случилось. Он осторожно поднял его, вынес наружу и зарыл в снег, пометив место палками и лыжами. Затем взял свой рюкзак, снова сел в поезд и устроился на одном из паутинных сидений. Поезд без команды плавно тронулся с места. Косонену казалось, будто рельсы внизу шепчутся, но он не мог разобрать слова.

Он смотрел, как темнеющий лес скользит мимо. От дневного пути болели ноги. Память о снеге под лыжами растаяла вместе с движением поезда, и вскоре Косонен уснул.

Когда он проснулся, было темно. На горизонте горел янтарный свет файерволла, похожего на грозовую тучу.

Поезд ускорялся. Темный лес снаружи казался размытым, а шепот рельсов превратился в тихую отрывистую песню. Косонен напряженно сглотнул — поезд грозил преодолеть оставшееся расстояние за минуты. Файерволл превратился в туманный купол, светящийся изнутри желтоватым светом. Под ним расплывался силуэт города. Здания словно бы двигались, как великанские

марионетки.

Перед поездом возникла пылающая завеса: непроницаемая стена сумерек и янтарного света пересекла рельсы. Косонен вцепился в хрупкое сиденье, так что костяшки пальцев побелели.

— Тормози! — орал он, но поезд не слышал.

Он врезался прямо в файерволл с чудовищной силой. Вспыхнул свет, и Косонена подняло с места.

Он как будто тонул, только не в воде, а в бесконечном море янтарного света. Кроме света, здесь была только пустота. Кожа покрылась мурашками. Он не сразу понял, что не дышит.

И тут заговорил строгий голос.

«Это место не для людей, — сказал он. — Закрыто. Запрещено. Возвращайся».

— У меня есть задание, — возразил Косонен. Его голос не превращался в эхо, — от твоих создателей. Они приказали тебе впустить меня.

Он закрыл глаза, и третий подарок Марии поплыл перед ним. Не слова, а число. Он всегда плохо запоминал всякие мелочи, прикосновение Марии было словно кислотные чернила, выжигающие символы прямо на мозге. Он читал бесконечный ряд цифр, одну за другой.

«Можешь войти, — сказал файерволл, — но

уйдет отсюда только человек».

Поезд и скорость вернулись, резкие и реальные, как порез бумагой. Сумеречное зарево файерволла никуда не делось, но теперь вместо леса по обе стороны рельс высились темные дома с пустыми окнами.

Руки у Косонена горели. Они стали совершенно чистыми, как и его одежда: все до последнего пятнышки грязи исчезли. Кожа была нежной и красной, как после сауны.

Поезд наконец замедлил ход и остановился в темной пасти вокзала. Косонен был в городе.

Город походил на лес из металла и бетона, которые дышали и гудели. Пахло озоном. Фасады зданий на привокзальной площади выглядели почти так же, как в его памяти, только немножечко не так. Краем глаза он замечал, как они двигались, как ворочались во сне, будто звери с каменной кожей. Не было никаких признаков жизни, если не считать стайки голубей, снующих туда-сюда по лестнице. У них были сапфировые глаза.

Остановился автобус, полный безликих людей. Они походили на манекены для краш-тестов и сидели странно неподвижно. Косонен решил не садиться в автобус и пошел через площадь к

главной торговой улице: надо было искать искру. Мария сказала, что она светится. Что ее нельзя пропустить.

На парковке лежал на боку искалеченный аварией автомобиль — капот смят, как банка из-под пива, все покрыто белым голубиным пометом. Но когда Косонен проходил мимо, двигатель взревел, и капот распахнулся. Щупальца с шипением рванулись наружу и потянулись к нему.

Ему удалось немного разогнаться, прежде чем монстромашина встала на все четыре колеса. С другой стороны на площадь выходили узкие улочки, куда машина бы не пролезла. Он бежал, чувствуя холодную тяжесть в животе. Ноги дрожали, арбалет больно колотился о спину, и он попытался поднять его повыше.

Тварь легко обогнала его и развернулась. Поперла прямо на Косонена. Щупальца торчали из светящейся пасти двигателя веером змей.

Косонен повозился с арбалетным болтом и выстрелил. Арбалет вздрогнул, но болт отскочил от лобового стекла. Кажется, он немного запутал монстра, и Косонен сумел отпрыгнуть в сторону. Он бросился вниз, больно ударился о тротуар и откатился.

— Да помогите же! *Perkele*! — выругался он с

бессильной злобой и встал, тяжело дыша. Тварь медленно отползала назад, рыча двигателем. Он почувствовал запах горящей резины, смешанной с озоном. «Может быть, я справлюсь», — подумал он, чувствуя себя безумным. Раскинул руки, отказываясь бежать. Одно последнее стихотворение…

Что-то приземлилось перед тварью, трепеща крыльями. Голубь.

Косонен и автомобильный монстр уставились на него. Он заворковал и взорвался.

Взрыв разорвал барабанные перепонки, и белый огненный шар на мгновение сделал мир черным. Косонен снова лежал на земле, в ушах звенело, рюкзак больно впивался в спину. Обломки автомобильного монстра, искореженные до неузнаваемости, горели метрах в десяти от него.

Рядом клевал мелкие кусочки металла еще один голубь. Он поднял голову и посмотрел на Косонена — пламя плясало в бусинках сапфировых глаз. Затем он улетел, оставив напоследок крошечную белую каплю.

Главная торговая улица была пуста. Косонен двигался осторожно — на случай, если рядом были еще монстры, — держался поближе к узким улочкам и дверным проемам. Файерволл тускло

отсвечивал в промежутках между зданиями, в окнах плясали странные огни.

Косонен понял, что голоден: он не ел с полудня, а дорога и борьба требовали сил. Он нашел пустое кафе на углу, которое показалось ему безопасным, поставил маленькую дорожную горелку на стол и вскипятил воды. С собой он смог взять немного консервированного супа и вяленой лосятины, но в животе урчало так, что выбирать не приходилось. От запаха еды он утратил бдительность.

— Это мое место, — сказал кто-то. Косонен вздрогнул и потянулся за арбалетом.

В дверях стоял сутулый, похожий на тролля человек, одетый в лохмотья. Лицо, блестящее от пота и грязи, обрамляли спутанные волосы и борода. Пористую кожу покрывали крошечные сапфировые наросты, похожие на оспины. Косонен думал, что жизнь в лесу сделала его невосприимчивым к человеческим запахам, но от незнакомца исходил горький смрад пота и перегара, так что Косонена затошнило.

Незнакомец вошел и сел за столик напротив Косонена.

— Ну ничего, — сказал он дружелюбно. — Сейчас не так много посетителей. Поместимся.

Saatana[1], это что, суп «Бла банд»?

— Присоединяйся, — осторожно сказал Косонен. На протяжении последних нескольких лет он видел других стайеров, но обычно они избегали друг друга — у всех были свои причины не высовываться и почти не было ничего общего.

— Очень мило с твоей стороны. Кстати, я Пер. — Тролль протянул руку.

Косонен осторожно встряхнул ее, почувствовав странные зазубрины под кожей Пера. Как будто он пожал перчатку, набитую стеклянным порошком.

— Я Косонен. Ты здесь живешь?

— Ну не здесь, конечно, не в центре. Я прихожу сюда грабить здания. Но они стали очень умными и скупыми. Суп уже не найти. Вчера универмаг *Stockmann* чуть меня не съел. Тут непросто, прямо скажем. Но все равно лучше, чем снаружи. — В глазах у него промелькнул хитрый огонек.

Интересно, он тут остается потому, что так хочет, или потому, что файерволл больше не выпускает его?

— Значит, чумных богов ты не боишься? — спросил он вслух и передал Перу разогретую

---

[1] Примечания: 1
Черт! (*фин.*)

банку с супом. Житель города опустошил ее одним глотком. Запах минестроне смешался с другими запахами.

— Да и ты не бойся. Они все умерли.

— Откуда ты знаешь? — Косонен испуганно посмотрел на Пера.

— Мне голуби сказали.

— Голуби?

Пер осторожно вытащил что-то из кармана рваного пальто. Это оказался голубь. У него были сапфировые клюв и глаза, а перья отблескивали голубым. Он рвался из руки Пера, трепеща крыльями.

— Мои маленькие приятели, — сказал Пер. — Думаю, ты их уже видел.

— Да, — сказал Косонен. — Это ты отправил голубя взорвать машину?

— Ну, людям ведь надо помогать. Забудь об этом. Суп был вкусный.

— Что они говорят о чумных богах?

Пер щербато улыбнулся.

— Застряв здесь, боги начали драться. Им не хватало сил выйти, понимаешь. В живых должен был остаться только один, как в «Горце». Голуби показывают мне картинки, иногда. Сплошная кровь. Взрывы. Наниты едят людей. Но теперь

они все померли, все до единого. А я остался.

Значит, Эсы тоже больше нет. Косонен удивился, насколько острым чувство утраты было даже теперь. Лучше уж так. Он сглотнул. Надо сначала сделать дело. Нет времени рыдать. Он подумает об этом, когда вернется домой. Напишет стихотворение. И скажет Марии.

— Хорошо, — сказал Косонен. — Я тут вроде как на охоте. Как думаешь, твои… друзья смогут мне помочь? Найти кое-что светящееся. Если поможешь, я отдам тебе весь суп, который у меня есть. И лосятину. И потом еще принесу. И я принесу больше позже. Как идея?

— Голуби могут найти что угодно, — сказал Пер, облизывая губы.

Человек-голубь ходил по городскому лабиринту, как по своей гостиной, в сопровождении тучи химерических птиц. Время от времени одна из них садилась ему на плечо и касалась клювом его уха, будто что-то шептала.

— Лучше поторопиться, — сказал Пер. — Ночью не так уж и плохо, но днем дома молодеют и начинают думать.

Косонен потерял всякое чувство направления. Город сильно изменился с тех пор, как он был здесь последний раз, в былые человеческие

времена. Он подозревал, что они приближались к собору в старом городе, но не был в этом уверен. Ему казалось, что он бродит по венам какого-то гигантского животного, извилистым, переплетенным друг с другом. Некоторые здания обтянула какая-то черная пленка, похожая на нефть. Другие срослись друг с другом и выглядели живыми созданиями из кирпича и бетона, они перегораживали улицы и взламывали асфальт.

— Мы уже близко, — сказал Пер. — Они его видят. Говорят, что светится, как фонарик из тыквы.

Он хихикнул. Янтарный свет файерволла становился все ярче. К тому же стало жарко, и Косонену пришлось снять старый свитер с ромбами.

Они миновали офисное здание, фасад которого превратился в спящее лицо бесполого истукана, как на острове Пасхи. В этой части города было больше жизни — звери с сапфировыми глазами, гладкие коты, сидевшие на подоконниках. Косонен увидел лису, переходящую улицу: она посмотрела на них яркими глазами и исчезла в канализации.

Затем они свернули за угол, где лишенные лиц люди, одетые в модную десять лет назад одежду, танцевали в витрине, и увидели собор.

Он вырос до гигантских размеров и возвышался над остальными зданиями. Он представлял собой муравейник из темно-красного кирпича с множеством шестиугольных дверных проемов. Он гудел жизнью. Кошки с сапфировыми когтями цеплялись за его стены, как лоснящиеся горгульи.

Вокруг башен порхали огромные голубиные стаи. Стаи лазурнохвостых крыс выбегали из открытых массивных дверей и вбегали в них, как солдаты на задании. И везде висели, жужжа, плотные черные облака насекомых, похожие на пар от дыхания черного великана.

– *Jumalauta*[2]! — сказал Косонен. — Вот где она упала?

— Ну, вообще-то нет. Я просто должен был привести тебя сюда, — сказал Пер.

— Что?

— Прости. Я соврал. Говорю же, как в «Горце», в живых остался только один. И он хотел встретиться с тобой.

Косонен ошеломленно уставился на Пера. Голуби садились на его плечи и руки, покрывая их, словно серый плащ. Они хватались острыми когтями за его лохмотья, волосы и кожу, яростно

---

[2] Примечания: 2
Финское ругательство.

били крыльями. Пока Косонен смотрел, Пер поднялся в воздух.

— Не обижайся, просто они предложили больше! Спасибо за суп! — Через мгновение Пер превратился в черную царапину на небе.

Земля затряслась. Косонен упал на колени. Глаза окон вдоль улицы вспыхнули ярким, злобным светом.

Он попытался убежать, но далеко он не ушел. Пальцы города, голуби, насекомые, крысы, дотянулись до него. Дюжина крыс-химер вцепилась в его череп, и он чувствовал, как гудят маховики их сердец. Что-то острое пронзило кость. Боль ширилась, как лесной пожар, и Косонен закричал.

Город заговорил. Его голос был как гроза, слова состояли из сотрясений земли и вздохов зданий. Слова рождались медленно, будто их выжимали из камня.

— Папа, — сказал город.

Боль ушла. Косонен услышал тихий плеск воды и почувствовал дуновение теплого ветра. Он открыл глаза.

— Привет, папа, — сказал Эса.

Они сидели на пирсе у летнего домика, завернутые в полотенца, оба красные, только что из сауны. Был вечер, в воздухе пахло прохла-

дой — финское лето нежно напоминало, что оно не вечно. Солнце зависло над синеватыми верхушками деревьев. В спокойном озере дрожали отражения.

— Я подумал, — сказал Эса, — что тебе здесь понравится.

Эса был таким, каким его помнил Косонен, бледным худощавым парнем с торчащими ребрами. Он сидел, положив длинные руки на колени. Спутанные мокрые волосы спадали на лоб. Но его глаза были глазами города, темными шарами из металла и камня.

— Да, — ответил Косонен, — но я не могу остаться.

— Почему?

— Мне нужно кое-что сделать.

— Мы не виделись сто лет. Сауна натоплена, в озере охлаждается пиво. Куда спешить?

— Я должен бояться тебя, — сказал Косонен. — Ты убивал людей, пока тебя сюда не посадили.

— Ты не знаешь, каково это, — ответил Эса. — Чума делает все, что ты хочешь. Она дает тебе то, о чем ты даже не мечтал, потому что не знал, что так бывает. Она делает мир податливым. А иногда разрывает его на куски ради тебя. Тебе в голову приходит мысль — и что-то тут же рушится. И с

этим ничего не поделать.

Юноша закрыл глаза.

— Ты ведь тоже чего-то хочешь. Я же знаю. Поэтому ты и пришел. Ты хочешь вернуть свои драгоценные слова.

Косонен ничего не ответил.

— Мамин мальчик на побегушках, *vittu*[3]. Итак, они починили тебе мозг, смыли следы бухла. Ты снова можешь писать. Тебе нравится? Я успел подумать, что ты пришел сюда за мной. Но это ведь так не работает, да?

— Я не знал…

— Ты знаешь, что я вижу содержимое твоей головы? — спросил Эса. — Мои пальцы внутри твоего черепа. Одна моя мысль, и мои жуки тебя съедят, ты останешься здесь навсегда. Мы будем проводить вместе все время. Как тебе это?

Вернулось прежнее чувство вины.

— Мы тревожились за тебя каждую секунду после твоего рождения. Мы хотели для тебя самого лучшего.

Это казалось таким естественным. Мальчик играл со своей машиной, которая делала другие машины. Как вещи менялись, когда он думал

---

[3] Примечания: 3

Очень грубое финское ругательство.

о них. Как улыбался Эса, показывая Косонену говорящую морскую звезду, которую сделала машина.

— А потом у меня случился плохой день.

— Я помню, — сказал Косонен. Как обычно, он вернулся домой поздно. Эса стал алмазным деревом и рос посреди своей комнаты. Морские звезды жрали стены и пол, становясь все больше. И это было только начало.

— Ладно, давай. Забери меня сюда. Можешь превратить и меня в то, что хочешь. Или покончить со всем этим. Я это заслужил.

Эса тихо рассмеялся.

— А зачем мне так поступать со стариком? — Он вздохнул. — Знаешь, я ведь тоже уже старый. Давай покажу.

Он осторожно дотронулся до плеча Косонена, и Косонен стал городом. Его кожа превратилась в камень и бетон, и поры забила божья чума. Улицы и здания стали его лицом, и они менялись и двигались от каждой его мысли и эмоции. Его нервная система состояла из алмазов и оптоволокна. Его руки стали животными-химерами.

Файерволл окружал его, в небе и в холодном камне, бесплотный, но непреклонный, сдавливал его со всех сторон, отсекал от него энергию,

следил, чтобы он не думал слишком быстро. Но он еще мог мечтать, сплетать слова и образы в нити, создавать миры из воспоминаний, которые у него остались, и воспоминаний меньших богов, которых он съел, чтобы стать городом. Он пел свои мечты по радио, не заботясь о том, пропускает их файерволл или нет, все громче и громче…

— Вот, — сказал Эса издалека, — выпей пива.

Косонен почувствовал в руке холод бутылки и выпил. Пиво-мечта было крепким и вполне настоящим на вкус. Привкус солода вернул его в чувство. Он глубоко вздохнул, позволяя фальшивому летнему вечеру смыть город.

— Поэтому ты привел меня сюда? Чтобы показать мне это?

— Ну, нет, — рассмеялся Эса. Его каменные глаза внезапно помолодели. — Я просто хотел познакомить тебя со своей девушкой.

У квантовой девушки были золотые волосы, глаза, полные света, и несколько лиц сразу, как у индуистской богини. Она изящно шла к пирсу, и летняя страна Эсы трескалась вокруг нее: местами ее кожа лопалась, и оттуда выглядывали странные цветные пятна.

— Это Сэде, — представил ее Эса.

Она посмотрела на Косонена и произнесла

пузырь слов, суперпозицию, все возможные приветствия за раз.

— Приятно познакомиться, — сказал Косонен.

— Когда ее создавали там, наверху, то что-то сделали правильно, — пояснил Эса. — Она живет во многих мирах сразу и думает кубитами. А это мир, где она хочет быть. Со мной. — Он нежно коснулся ее плеча. — Она услышала мои песни и убежала.

— Мария сказала, что она упала, — возразил Косонен, — что что-то пошло не так.

— Она сказала то, что они велели ей сказать. Они не любят, когда что-то идет не по плану.

Сэде издала звук, похожий на звон стеклянного колокольчика.

— Файерволл продолжает сжимать нас, — продолжил Эса, — так он устроен. Заставляет все замедляться, пока мы не умрем. Для Сэде это место слишком мало. Так что отведи ее домой, пока не поздно. — Он улыбнулся. — Лучше ты, чем кто-то другой.

— Это несправедливо, — сказал Косонен и покосился на Сэде. Она светилась слишком ярко, чтобы на нее можно было смотреть.

Но что он мог сделать? Он просто кусок мяса. Мяса и слов.

Мысль эта показалась похожей на сосновую шишку, грубую и шершавую, но со зреющим внутри семенем.

— Кажется, в вас двоих есть стихотворение, — сказал он.

Косонен снова сидел в поезде, глядя на проносящийся мимо город. Было раннее утро. Восход солнца окрасил город новыми красками: лиловыми тенями и золотом тлеющих углей. Усталость пульсировала в висках. Все тело болело. Слова стихов отягощали разум.

Над куполом файерволла зависла гигантская бриллиантовая морская звезда, дрон небесных людей, протянутый, как рука. Они пришли посмотреть, что случилось. Они все узнают.

На этот раз он обрадовался файерволлу и его потоку колючего света. Сторож со строгим голосом снова явился. На этот раз он ничего не сказал, но Косонен почувствовал его присутствие, почувствовал, как тщательно его изучают и обыскивают — нет ли чего, что не принадлежит внешнему миру.

Косонен отдал все.

Первый миг, когда он осознал, что написал что-то стоящее. Разочарование, которое он испытал, поняв, что поэты никому не нужны в этой

крошечной стране и что стопки дешевых изданий его первого сборника покрываются пылью в книжных магазинах. Ревность, которую он почувствовал, когда Мария родила Эсу — каким же бледным и никчемным по сравнению с этим было рождение слов. Следы лося в снегу и выражение его глаз перед смертью.

Он почувствовал, как страж отступил, совершенно удовлетворенный.

И он оказался с той стороны. Поезд вынырнул в настоящий, неразбавленный рассвет. Он оглянулся на город и увидел, что из морской звезды пролился огненный дождь. Столпы света прорезали город геометрическими узорами, превращая его в раскаленную добела плазму. Смотреть на них было невозможно.

Косонен закрыл глаза и читал стихотворение, пока город горел.

Косонен посадил наносемя в лесу. Он вырыл глубокую яму под старым пнем в мерзлом торфе голыми руками. Сел рядом, снял шапку, вытащил блокнот и стал читать. Нацарапанные карандашом слова ярко вспыхивали в голове, и через некоторое время ему уже не нужно было смотреть на них.

Стихотворение поднялось из слов, как огром-

ное чудовище из океана. Сначала над водой показалась только маленькая часть, но потом оно взлетело, гороподобное, окутанное брызгами глоссолалии. Это был поток шипящих слов и фонем, бесконечное заклинание, которое рвало ему горло. А вместе с ним пришла квантовая информация из микротрубочек его нейронов, где теперь жила девушка с глазами из света, и рваные импульсы от синапсов, где прятался его сын.

Стихотворение перешло в рев. Он читал и читал его, пока не сорвал голос, превратившийся в шипение. Его слышало только наносемя, но этого было достаточно. Что-то зашевелилось под торфом.

Когда стихотворение закончилось, наступил вечер. Косонен открыл глаза.

Он сразу увидел сапфировые рога, сверкающие в последних лучах солнца.

Два молодых лося посмотрели на него. Один был поменьше и поизящнее, и в его больших карих глазах отражался солнечный свет. Другой был молод и худ, но явно гордился своими рогами. Он выдержал взгляд Косонена, и в его глазах мелькнули тени города. Или воспоминания о летнем озере.

Они развернулись и побежали в лес, молчали-

вые, легконогие и свободные.

Косонен открывал дверь подвала, когда снова пошел дождь. Быстрый и короткий: капли образовали в воздухе лицо Марии. Ему вдруг показалось, что она подмигнула. Затем дождь превратился в туман и пропал. Он открыл дверь. Белки с любопытством смотрели на него с деревьев.

— Все ваше, господа, — сказал Косонен, — на следующую зиму должно хватить. А мне это больше не нужно.

Отсо и Косонен ушли в полдень, в сторону севера. Лыжи Косонена легко скользили по тающему снегу. Медведь тащил сани, нагруженные снаряжением. Отойдя довольно далеко от хижины, он остановился обнюхать свежий след.

— Лось, — прорычал он. — Отсо голоден. Косонен стреляет в лося. Нужно мясо для путешествия. Косонен не принес выпивки.

Косонен покачал головой.

— Думаю, я научусь ловить рыбу, — сказал он.

Джугаадский собор

В день, когда фабрика по обработке русалочьих костей при соборе наконец заработала, Кев сказал Райе, что не собирается возвращаться. Он ждал подходящего момента весь день, но в результате перерыв предложила сделать Райя. Они переключились в режим бога и отправили свои аватары на вершину одной из логических башен фабрики. Это была невероятно высокая спиралевидная конструкция из темного камня. Факелы внутри вспыхивали и гасли, будто там моргали демоны.

В «Дварфкрафте» стояла зима. Гигантский собор высился у них за спинами — башни и огромные пристройки, выдолбленные горы и дороги из красного камня, похожие на автобаны. Впереди под бледно-желтым квадратом солнца отблескивал зеленой бесконечностью океан. Далеко внизу белая пена волн билась о внешние стены.

— Знаешь, что мне это напоминает? — спросила Райя. Длинные пиксельные косы развевались на ветру, и она болтала короткими, закованными в железо ногами аватара, сидя на краю башни. — Все это немного похоже на закаты на

родительской даче в Финляндии. Летом там не темнеет, только наступают примерно такие сумерки. Солнце просто опускается на палец ниже горизонта и выскакивает обратно.

Кев удивленно посмотрел на нее. До сих пор они говорили в основном о логических воротах из красного камня, способах отбиваться от безымянных мегачудовищ, гномских атомных кувалдах и прочих вещах, о которых обычно разговаривают участники таких глобальных проектов «Дварфкрафта», как собор. За два месяца знакомства с Райей он уяснил только, что она жила в Эдинбурге и любила фортепианную музыку — она зачастую слышалась из ее наушников. Например, сейчас.

А еще она была из джагги.

Далеко внизу раздался всплеск. Сработала одна из их океанских ловушек-катапульт. Водяной — пятнышко блестящей зеленой чешуи — пролетел по воздуху серебристой дугой. Металлические челюсти фабрики открылись, а затем с лязгом захлопнулись. Башня завибрировала под ними, когда оборудование пришло в движение.

— Конечно, здесь не то что дома, — вздохнула Райя.

Дом. Аллапул, тесный маленький домик его

семьи, вместе со старшим братом Джейми они просыпаются пораньше, чтобы немножко поиграть в «Дварфкрафт», пока не проснулись родители. Резкий запах газировки «АйрнБрю», банку которой Джейми всегда открывал с утра пораньше.

Кев покачал головой. Он пытался забыть обо всем этом. О главном.

— Сомневаюсь, чтобы в Финляндии за кость русалки давали шесть тысяч ГП, — сказал он, просто чтобы что-то сказать. — Ты никогда не скучаешь?

— Иногда. Но ведь я здесь уже почти пятнадцать лет. Бывают хорошие времена и плохие. Это как брак. — Она помолчала. Однажды она обмолвилась, что была в Лондоне во время Ассанджелипсиса, в четырнадцатом. — В любом случае, даже если бы я вернулась, это было бы уже другое место, а я уже другой человек. Лучше построить что-то новое здесь, чтобы оно осталось надолго.

Кев ничего не сказал. Райя работала над собором кровавый бог знает сколько лет.

Она была легендой в сообществе «Дварфкрафта». Она взяла его под крыло, когда он придумал усовершенствованные исключающие-«или» —

ворота с арбалетами, огненными стрелами, факелами и нажимными плитами. Пошли тесты. Поначалу он был просто ее обезьянкой. Режим крафта в игре, подключенный к датчикам распознавания жестов *iVision*, позволял всерьез работать руками, а руки Райи росли, мягко говоря, не из плеч. Ему нравился ручной труд, он помогал отдохнуть после головоломных интеллектуальных усилий, затраченных на дипломный показ в Художественном колледже.

Но потом она привела его в собор, скрытый в тайном осколке сервера, открытый только для них двоих.

— Чего такой тихий? — спросила Райя. Плавная фортепианная пьеса смешивалась с ее голосом, слабые ноты взлетали то вверх, то вниз. — Все думаешь о той девушке? Как ее звали, напомни? Лаврушка?

— Лавиния, — сказал Кев.

— Тебе будет лучше с какой-нибудь хорошенькой шотландкой, а не с такой шикарной красоткой. Точно так же сказала бы твоя мать, правда? Я правильно понимаю?

— Не совсем. — Он вздохнул: — Лавиния сама по себе мегапроект.

— Следи, чтобы тебя не использовали. Стыдно

будет, если это ничем не закончится, правда?

В последнее время ему казалось, что Райя готовит его к чему-то большему и лучшему. Она брала его с собой на экскурсии по огромным магматическим банкам памяти под собором, взлетала с ним на головокружительную высоту, чтобы оценить общую архитектуру. А теперь они сидели и говорили о жизни. Бога ради, она что, карликовый мастер-джедай, а Кев — ее падаван?

Просто скажи уже.

Кев кашлянул.

— Кстати. Ты не боишься, что мы когда-нибудь это все прикончим? — Он обвел адамантовым молотком огромный собор. — Может, какой-нибудь мегазверь разорвет его на части или мы копнем слишком глубоко и запустим цепную реакцию… Напрасно потраченных усилий будет очень много.

— Конечно, — согласилась Райя, — но дело не в этом. Это как строить пирамиды: в них и не должно быть смысла. Он будет стоять здесь до тех пор, пока существует интернет — то есть, может, и вечность. Даже если мы не закончим, однажды кто-нибудь найдет собор и задумается, зачем он нужен. Люди всегда будут помнить миллиард убийств в *Halo* или поражение Спящего. Это даже

лучше. Я думала, ты понимаешь это.

— Ты поэтому это делаешь? Чтобы тебя помнили?

Райя слезла с края башни. Ветер усилился, и русалки больше не выпрыгивали из неспокойного моря.

— Не совсем. А почему ты спрашиваешь?

— Просто я больше не вижу в этом смысла, — пояснил Кев. — Я пытаюсь попрощаться.

Накануне вечером игра в «Дварфкрафт» затянулась, и Кев едва успел на шоу Лавинии. Он был в «Кабаре Вольтер» на Коугейт ровно в семь. Все тело покрывал тонкий слой пота, от которого холодела кожа, — ему пришлось бежать по запутанным улочкам бегом.

У бара стояла очередь, в основном первокурсники и второкурсники. Выступление Лавинии было одним из предварительных мероприятий предстоящего Модного шоу университета Эдинбурга, крупнейшего благотворительного мероприятия, которое ежегодно устраивал университет. Приложение *F+Frendipity* выдало несколько вероятных контактов среди людей, стоящих в очереди. Высокая блондинка, в развевающемся зеленом платье, на стабилизированных ходулях с микроконтроллером, имела довольно высокий балл за моду, но

это значило, что к ней подойдут все. Кев решил спокойно встать в конец очереди, отдышаться и посмотреть параметры Лавинии.

F+ давало шестидесятипроцентную вероятность того, что сегодня они с Лавинией переспят. Это было меньше, чем он надеялся: судя по графику эмоций за последние пару недель, их общение все сильнее склонялось к флирту. Они разговорились о своей общей любви к Эдварду Гори на одной из многочисленных вечеринок в честь вручения дипломов. Ей нравились его шарфы ручной вязки с узорами в виде клеточных автоматов.

С другой стороны, многие их взаимодействия в *F+* были просто автоматическими лайками. Так что, возможно, дела были не так уж и плохи, учитывая, сколько всякой ерунды Джейми наболтал на стриме Кева, взломав настройки приватности.

Но это также означало, что приложение не совсем выполняло свои функции.

Как это часто бывает у девушек с идеальным выговором, за стримом Лавинии тщательно следили. Боты *F+* убирали все, что, по мнению родителей Лавинии, не должны были узнать будущие работодатели.

Бабочкам в его животе хотелось, чтобы это было правильно.

Билеты проверяла одна из подружек Лавинии. Хорошенькая бразильянка в обтягивающей футболке сидела за низким столиком и скучающе смотрела на людей, махавших перед ней билетами. *F+* отметило ее как Бениту. Кев дружески кивнул ей, и она нахмурилась.

— Извини, твой билет аннулирован. Я не могу впустить тебя.

— Что?

— Ты же читал правила и условия?

Конечно, нет.

— Разумеется.

— Ну тогда проверь свою моду, дружок.

Линзы вспыхнули сами собой, показали ему гистограмму отслеживаемых атрибутов. Вот блин. Его показатель влияния на моду упал ниже некуда. Крошечное желтое пятнышко рядом с высокими зелеными башнями, крафта, дизайна и клеточных автоматов. За последние две недели он каким-то образом упал до жалких двадцати девяти. Билеты полагались только людям, набравшим более сорока. В груди вдруг образовалась болезненная пустота.

— Слушай, я знаю Лавинию…

— Все знают Лавинию, — отрезала Бенита.

— Я ее правда знаю. Можешь спросить ее, пожалуйста? Я уверен, что она меня ждет. — Кев сделал щенячьи глаза. Джейми однажды сказал ему, что это его лучший аргумент в отношениях с девушками.

Бенита какое-то время смотрела на него, что-то прикидывая и оценивая его влияние.

— Ладно, — сказала она наконец, — подожди.

Кев глубоко вздохнул. Если совсем честно, то дело было далеко не только в сексе. Лавиния была способом впихнуть некоторые его дизайны в благотворительное шоу. Гадкие утята самовоспроизводящихся тканевых узоров, сделанных из протоклеток, никогда не вырастут в черных лебедей без помощи. Теперь, когда успех художника зависел от краудфандинга, нужны были знакомства, привлечь внимание.

— Добрый вечер, Кевин, — сказала Лавиния.

На ней была свободная футболка, которая каким-то образом подчеркивала бюст и оставляла одно сливочно-белое плечо обнаженным. Руку с полумаской она уперла в широкое бедро: ее угол заставил Кева вспомнить о хвосте экзотической птицы. Кажется, сегодняшнее шоу создавалось с оглядкой на контркультуру джагги. Каштановые

волосы были взлохмачены, а скулы она едва тронула косметикой.

— Привет. Рад тебя видеть.

— Я тоже рада тебя видеть, милый, но сейчас я занята. Мне вот-вот выходить на сцену. В чем проблема?

— Ну, у меня небольшая проблема со статистикой, но это временно. Я надеялся, что ты меня пропустишь. А я куплю тебе выпить. Обещаю.

Лавиния прикрыла рот маской и нахмурилась.

— Солнышко, извини, но я не могу тебя впустить. Это бизнес, ты же понимаешь. А вечером после шоу я очень занята. Не волнуйся, ты увидишь все на стриме.

Он кивнул, глядя, как вероятность сближения, оцениваемая *F+*, скачет, а потом успокаивается на несчастных пятнадцати процентах. Он подумал, не процитировать ли «Ужасную азбуку», но решил, что это бесполезно, и просто пожал плечами. Она чуть развела руки и одарила его бледной улыбкой. Она тоже видела всю статистику. Не было способа бороться с этим: модели глубокого обучения в облаке *F+* знали исход лучше их самих.

— Приятно было повидаться, — сказала Лавиния, повернулась на каблуках и ушла обратно в

клуб. Ему захотелось украдкой взглянуть на ее весьма обширную задницу, но Бенита и другие девушки наверняка пользовались детекторами взглядов. Единственным вариантом было медленное и достойное отступление.

На ходу он запустил приложение для визуализации, которое превращало данные его самооценки в диаграммы рассеяния и пузырьки. Ответ он уже знал, он был совершенно очевиден.

Виновником был «Дварфкрафт».

В итоге он спрятался в «Троне», многоэтажном пабе в старой церкви. Он спустился на третий подвальный этаж, купил пинту «Фостера», сел за столик в углу и завернулся в теплый плед шумной студенческой толпы.

Он заслужил награду. Он выбрался из Аллапула. Он проходил бессчетные онлайн-курсы, много вечеров подряд преобразовывал свою любовь к Конвею и Гори в портфолио, которое в конечном итоге проложило ему путь сюда. Плата за обучение, арендная плата, работа на платформе «Брикстартер» и микрозадачи, чтобы свести концы с концами. Объединенная программа «Биоискусство и мода» требовала постоянных лабораторных работ по протоколам, похожим на рецепты из дадаистской поваренной книги.

Мучительные графики развития синтбио, программы с уменьшенной после локдауна 2014 года функциональностью, позволявшие работать в облаке колледжа, ткани, нитки и иголки. Он даже победил босса дипломного показа.

Вот только реальная жизнь работала не так. Там нельзя было повысить уровень. Она не останавливалась. Он позволил ностальгии и детской игре испортить отношения с Лавинией. Дешевое пиво казалось теплым. Он заставил себя проглотить его и закрыл глаза.

Именно так поступил бы Джейми. Прятался бы, шел по пути наименьшего сопротивления. Кев два месяца прожил под лестницей, как Гарри Поттер у Дурслей. Пришло время выбраться и вернуться в Хогвартс.

Но что он скажет Райе?

Frendipity прервало его размышления, указав на двух бурно жестикулирующих парней у стойки бара напротив. Эднан и Том были из «Импровертов», одной из студенческих трупп Бедлам-театра. Приложение рекомендовало укрепить с ними связи, если он хочет улучшить общий показатель влияния. Проблема состояла в том, что Эднан был неловко влюблен в него, а Том был одним из тех гиперактивных бедламских ребят, с которыми и

рядом-то было неприятно находиться.

Кев вздохнул, допил оставшуюся половину пинты, проигнорировав «Телосложение-1», встал и помахал им, заставляя себя улыбаться.

Когда Кев закончил, Райя ничего не сказала.

Собор гудел, стучал и жужжал вокруг. Мегазверь пытался выползти из моря на берег, на острые скалы. Защитные баллисты собора стреляли. Оранжевые дуги пламени рушились в темно-зеленое море.

— Ты помнишь, что ты говорила о доме, — сказал Кев. — Вот я очень много работал, чтобы выбраться из своего. И я боюсь, что это окажется зря, если я не начну относиться к реальной жизни немного серьезнее.

— Реальная жизнь. Ну да.

— Я очень хочу работать в области моды. С тобой было круто, но надо что-то менять. Жизнь проходит мимо. Мне нужно выбрать, и я не могу выбрать геноцид русалок.

— Кев, я хотела бы тебе верить. Чтобы дело оказалось действительно в этом.

— В этом. И я тебе все равно не нужен, это мегапроект. Если ты захочешь, ты можешь привлечь к нему десять тысяч крафтеров. Ты большая шишка. Ты почти Толтиг Криптомозг, королева

дварфийского племени Исчезающих алмазов. Один в поле не воин, разве в Финляндии не так говорят?

— Ты прав, это война, — тихо сказала Райя. — И да, в Финляндии так говорят. Надеюсь, ты запомнишь мои глупые финские присказки.

— Знаешь, я рад буду поддерживать связь, разве что…

Он прикусил язык. Это было совершенно неправильно.

— Разве что я джагги, джугаадер, хакер, параноидальная комми-террористка, которая держится подальше от грязных капиталистических сетей, к которым даже комп общего назначения не подключишь, не кастрировав, лишь бы Ассанджелипсис не повторился. Ты не хочешь, чтобы я портила твою чистенькую сетку *F+*. Потому что я ищу старые компы в мусорных баках и таскаю их в сумке, а ты свои носишь в глазах. Потому что я не могу устроиться на работу в хорошую компанию — не хватает данных, чтобы определить, достаточно ли я компетентна, умею ли работать в команде и все такое? И мне приходится жить за счет общественных инициатив Совета, стартапов да пары биткойнов от старых фанатов «Дварфкрафта»? Потому что я гружу тебя своей

старушечьей фигней? — Райя глубоко вздохнула. — А, говори что хочешь, *perkele*!

В горле у Кева стоял ком. Глотать его было больно.

— Черт, Райя, я же вообще не это имел в виду, просто…

— Просто ты предпочитаешь тусоваться с настоящими людьми и заниматься настоящими делами? Я собиралась тебе рассказать, дебил. Собиралась рассказать, насколько это все реально. А теперь вали отсюда. Мне нужно убить мегачудовище.

Райя подняла кирку. Как-то раз она убила ею гигантского бронзового голема.

— Райя, пожалуйста…

— Иди развлекайся со своей лавровой подружкой, Кев. *Vittu*. Передай ей привет от старой сучки-джагги.

Кирка рухнула, как молния, и мир «Дварфкрафта» исчез. Кев моргнул. Он лежал на своей старенькой кровати с балдахином. На улице уже стемнело: небо приобрело выцветший цвет индиго с темно-красным отблеском на горизонте.

Он вздрогнул от холода, проникшего сквозь огромное окно, выходившее на парк «Медоуз».

Я собиралась рассказать, насколько это все

реально.

Он позволил приложению исчезнуть и с линз и уставился на свою слабоосвещенную комнату. Кучи одежды на полу, низенький письменный стол, в углу громоздятся куски его дипломной работы с острыми углами и флуоресцентными узорами в стиле Гори: темные слоны и бледнолицые дети.

Он спроектировал протоклетки, которые могли жить в решетках, напечатанных на ткани, уложил их в узоры клеточных автоматов, которые двигались, сталкивались и делали копии самих себя. Одежда, полностью по Тьюрингу, живые дизайны, которые постоянно менялись, если не забывать распылять на ткань питательные вещества.

Экзаменаторам они понравились. Внезапно ему стало невыносимо смотреть на них. В висках загудела легкая головная боль. *Я собиралась тебе рассказать, дебил.*

Он покачал головой. По крайней мере, с этим он справился. Завтра он разберется, что делать дальше. Он еще мог пролезть на шоу, если бы верно разыграл карты, зашел бы через Тома или Эднана. На самом деле, в *F+* было сообщение от Тома: что-то о походе в бар на Джордж-стрит с шикарными девчонками из Бедлама. Возможно,

напиться было бы не так уж и плохо.

Он сказал себе, что чувство пустоты внутри вызвано голодом, вылез из постели и босиком побрел на кухню по тихому пыльному коридору: Мэтт и Тамара, его соседи по квартире, работали допоздна.

При свете открытого холодильника он заметил в мышеловке дохлую мышь. Подавил отвращение и вытащил из-под раковины резиновые перчатки. Мерзкая тварь давала не менее пяти тысяч очков опыта в «Хозяйственных войнах» квартиры плюс бонус «Гадость». Он вытащил трупик из ловушки и оглядел его. Половина спины была выбрита, а на розовой коже красовалась татуировка в виде решетки роутера. Джагги-сети очень сильно не хватало пропускной способности. Деревья в «Медоуз» то и дело обрызгивали антенной краской, желтой и красной, будто бы они горели. В ясный день — не то чтобы в Эдинбурге часто выдавались ясные дни — в небе виднелись дроны, охотящиеся за пиратскими дирижаблями. Последним изобретением были мыши-маршрутизаторы и голуби. Говорили, что их выращивают на партизанских фермах в подземном лабиринте под Старым городом.

Кев недоумевал, как так вышло, что Райя бы-

ла в «Дварфкрафте», и ощутил укол вины. Он выбросил мертвую мышь в мусорное ведро. Она исчезла с легким стуком, и «Хозяйственные войны» наградили его звоном монет. Монеты звенели, казалось, прямо в черепе, и Кев съежился. *Иди развлекайся со своей лавровой подружкой.* Он посмотрел на недоеденный малиновый биойогурт «Онкен» и решил, что все-таки не голоден.

Он стиснул зубы. Он собирался выбраться из дома и хорошо провести время, несмотря ни на что. Он вернулся в свою комнату, надел свой любимый шарф с элефантомасом, который сам связал, чуть гуще, чем обычно, накрасил глаза, набросил пальто, надел ботинки и вышел в ветреный вечерний сумрак.

Кев прошел через древнюю заостренную деревянную арку и пошел по «Медоуз». От запаха мертвых листьев и от холодного воздуха в голове прояснилось. Конечно, упадок сил был вызван просто длительной дофаминовой зависимостью. Нейроны в коре головного мозга, которые активировались в симуляции «Дварфкрафта», просто хотели новых впечатлений.

Он прикинул, как пройдет предстоящий вечер, отказываясь спрашивать об этом у *F*+. Шумные бары, танцы и коктейли, которые он не мог себе

позволить, крики и *F+* сообщения обо всем, о чем вообще говорят в Бедламе.

Он вздохнул, остановился на мгновение и посмотрел на небо. Справа высился Трон Артура, похожий на лежащего льва. Впереди зубчатые крыши города прятались за чудовищным силуэтом Эпплтон-Тауэр, выстроенной в семидесятых. Внезапно все это показалось ему чужим. Как там сказала Райя? Это все равно не то место, которое я помню? Обратного пути нет.

Вот черт.

Ненависть к себе обрушилась на него, похожая на липкую мертвую мышь. Он почувствовал привкус желчи во рту, уперся руками в колени и минуту пытался отдышаться. Затем он встал и попытался войти на сервер «Дварфкрафт», прямо тут. Щелкнул пальцами, снова открывая приложение. Он пошлет ей сообщение, все будет хорошо, он извинится, скажет, что ничего такого не имел в виду.

Перед глазами возникло поле входа в систему, состоящее из мифрила, гномьих рун и камня. Он набрал пароль, но услышал только слабый металлический звук гонга, предвещавший неприятности. Нажал на «Не помню пароль» и тут же получил сообщение, что его учетная

запись удалена. Королева гномов. Все верно.

Human.io зазвонил, увидев что-то. В сотне метров справа, на мокрой траве, лежало нечто, напоминающее обрушившуюся палатку. Оно грустно дрожало на ветру. *F+* проанализировал контур и сбросил несколько обновлений статуса: это был пиратский сервер, который дроны Совета сбили чуть раньше. Выглядел он удручающе, как использованный презерватив.

Вокруг него стояли люди. В желтых бликах уличных фонарей они казались довольно жуткими: странные маски, напечатанные на 3D-принтере (разумеется, процедурно сгенерированные не позднее этого утра), невзрачная мешковатая черная одежда.

Джагги собирали свое оборудование. «5 биткойнов за видео о них», — сообщил *Human.io*. Этого хватит на вечер на Джордж-стрит. А может быть, даже на ужин с Лавинией.

От этой мысли мгновенно вернулась тошнота. Нет уж. Не надо. Не так.

Затем он вдруг ощутил вдохновение, будто молния гномов ударила в красный камень, и двинулся к джагги.

Он ощущал свинцовую тяжесть в животе. У них над головами не было тегов. *F+* не реагировало

на приближение к ним. Джагги могли с тем же успехом оказаться призраками или тенями.

Их наряды ничуть не напоминали стилизованные стерильные варианты, которые Лавиния придумала для шоу. Они были настоящие. Один напялил халат и маску с длинным клювом, напомнившую о средневековых чумных врачах. У другого было яростное зеленое лицо Халка. Третий закрыл лицо пустым овалом без видимых прорезей для глаз. На ходу они странно шаркали, чтобы обмануть распознаватели походки.

— Извините, — сказал он. Замерзшие губы двигались с трудом.

— Чего надо? — Голос у того, что с клювом, оказался женским.

— Я… ищу одного из вас. Джугаадера. Женщину по имени Райя. Она финка.

— Отвали, пацан, — сказал Халк. — Толку от твоих кадров никакого. Завтра у нас будут другие лица.

Он — или она — повернулся к черному дирижаблю сервера, похожему на выброшенного на берег кита.

— Нет, подождите. Все не так, помогите мне. — Кев сделал глубокий вдох и задержал дыхание. — Я покажу, смотрите.

Он запрокинул голову, осторожно нажал на глаза пальцами и снял линзы. Они оторвались от глаз со слабым хлопком и острой болью. Мир затуманился от слез. Он попытался жестом повысить резкость и почти запаниковал, когда ничего не произошло. Линзы лежали на ладони осколками крошечного хрустального яйца.

— Пожалуйста, — сказал он, протягивая их, — она должна быть в вашей сети. Она играет в «Дварфкрафт». Мне нужно найти ее.

— Зачем? — спросил джагги с пустым лицом. Его хриплое рычание, видимо, генерировалось голосовым ящиком.

Кев сглотнул.

— Это личное.

— Зачем?

— Ладно. Я обидел ее. Хочу извиниться.

Трое джагги молча изучали его. Пальцы у них дергались в ритме печати. У него зачесалась шея. Они как-то общались беззвучно.

Наконец чумная женщина заговорила:

— «Джугаад Джайю». Это паб. Она бывает там каждую среду вечером.

Они одновременно отвернулись и ушли в темноту, оставив его моргать от жжения в глазах.

«Джугаад Джайю» находился недалеко от уни-

верситетского спортивного центра в Плезансе, в квартале джагги, поросшем беспроводными антеннами, будто колючим железным плющом. Стены покрывала протоклеточная краска, сообщающая о количестве углекислого газа, которое вырабатывал каждый дом. Окна были заколочены.

Когда он открыл дверь, звякнул колокольчик. Пахло индийской едой и пролитым пивом, подошвы прилипали к полу. Люди небольшими группками сидели за узкими столами: джагги в простой темной одежде, в футболках с замысловатыми рисунками, почти все — мужчины и женщины — с бритыми головами. Из-за стойки на него смотрел индиец. Рука его лежала на латунной ручке пивного крана с надписью «Слюна кракена».

Позади Кева раздалось жужжание.

— Сунил, не смотри на него так, он со мной.

Это была Райя. Она сидела в инвалидной коляске, щетинящейся старой электроникой. У Райи были короткие рыжие волосы и пирсинг в верхней губе, в остальном она очень походила на свой гномий аватар — такие же красные щеки и чистая бледная кожа. Правая рука заканчивалась протезом, покрытым светлым деревом, наверное

березой, с замысловатым кельтским узором. Впрочем, под деревом пряталась стандартная модель «Сименса». Ног не было ниже колен.

Сердце Кева обрушилось куда-то в живот, тяжелое, как пушечное ядро.

Когда она прищурилась, вокруг глаз показались морщины: она была как минимум не моложе матери Кева.

— Говорят, ты меня искал. Не боишься джагги? Не показывай им страх, а не то они съедят тебя заживо. Давай, садись.

Он прошел за ней к узкому столику в углу. Угрюмый Сунил принес ему пинту бледного эля, от которого сильно пахло хмелем.

— Итак, — сказала Райя, — и что ты здесь делаешь? Разве это не испортит твои оценки в *F*+, или как там детишки развлекаются в наши дни?

Кев посмотрел на свой стакан, мечтая нырнуть в него и исчезнуть, как русалка-алкоголичка.

— Я хотел извиниться, — сказал он. — Я должен был поговорить с тобой раньше, а не вываливать все вот так. Помочь тебе закончить собор или найти кого-то другого.

Райя посмотрела на него. Глаза у нее были такие же, как у ее аватара, цвета гномской зимней зелени.

— Возможно, это я должна извиняться, — медленно сказала она, — я вышла из себя. Ты можешь делать со своей жизнью все что хочешь, и не мое дело тебя отговаривать. Просто… то, что ты рассказал мне о своих друзьях… как это может быть реальнее того, что мы делали? — Она подняла здоровую руку и отхлебнула пива. — Не отвечай, позволь мне объяснить. Я же рассказывала, что была в Лондоне в четырнадцатом?

Она постучала по столу протезом примерно с таким звуком, с каким они на школьных уроках музыки стучали палочками.

— Там-то я и осталась без руки. Я была в метро, на линии Пикадилли, когда все системы сошли с ума. Я помню звук, как будто раздавили пивную банку. За много лет я сменила несколько штук. Они становятся лучше, но они все ужасно дорогие и не такие уж хорошие, честно говоря. Они пытаются понять, что им сообщают обрывки нервов, а потом выбирают из библиотеки движений самое похожее. Идея хорошая, только вот все люди разные. Он кажется чужим. А с учетом фантомных болей иногда немного сходишь с ума. Как будто к твоему телу прикрепили что-то совсем чуждое. Конечно, мозг пластичен и к этому можно привыкнуть. Он помогает, можно что-то взять или

передвинуть, но это не рука. И с ним уж точно нельзя играть на пианино.

Ноги в каком-то смысле еще хуже. Конечно, можно было бы сделать протезы, как у Писториуса, и бегать, но я не хочу бегать. Я хочу подняться по лестнице или потанцевать.

Я не одна такая, особенно после четырнадцатого года. Мы склонялись к мысли, что проблемы скорее с программным обеспечением, что можно настроить алгоритмы индивидуально, использовать глубокое обучение. Или попробовать другую парадигму, научить их двигаться самостоятельно, а потом выяснять, чего же вы хотите, а не просто читать ваши сигналы. Обратиться к повсеместным вычислениям и понять контекст. И все это было бы выполнимо, если бы не локдаун.

Райя коснулась протеза левой рукой, провела пальцем по резьбе.

— Это рука, но не моя. Я не могу ее перепрограммировать, если мне не позволит «Сименс». Сраная доверенная загрузка. Я нашла отличные алгоритмы управления, но не могу их запустить. Большая часть оборудования, которое мы можем найти, древнее. Мне нужно что-то вроде облака, которое управляет твоими линзами. Высокопроизводительные вычисления. Нужен

суперкомпьютер. И в мире осталось только одно место, где я могу сделать что-то подобное.

В голове у Кева все вставало на свои места со скоростью снарядов, выпущенных из тяжелой баллисты.

— Собор, — выдохнул он.

— Вот именно. Это не просто гномская локация для развлечения. Это… важно.

Холодные мурашки щекотали спину Кева.

— Господи, почему ты мне не сказала?

Ему казалось, что он только что проснулся, протирает глаза и спускается по лестнице, чтобы вместе с Джейми творить и веселиться.

— Как ты помнишь, я собиралась. — Райя поджала губы. — Честно говоря, сначала я тебе не доверяла. Ты же один из них. Мало ли что ты мог сделать, если бы узнал, что я этим занята не просто из тщеславия.

— Издеваешься? Мы строим крепость дварфов, чтобы управлять твоей рукой?

В желудке защекотало. Ему хотелось смеяться или прыгать. *F+* звякнуло, и он выключил его движением запястья. Разум выплевывал идеи одну за другой, как разогнанная логическая башня. Его дипломный проект был целиком посвящен вычислениям и дизайну, размытию грани между

машиной, жизнью и человеком. Демонстрации невероятной, монументальной глупости локдауна. Последствия его были невероятны по масштабам. Господи, каким он был идиотом.

— Ты не права, — сказал он, — это вовсе не пирамиды, это лучше. Но разве они собираются его снести, когда он начнет работать? А как насчет тактовой частоты?

— Тактовая частота не проблема. Я нашла пару довольно забавных дыр в физическом движке. Представь, что будет, если поставить два телепорта друг на друга и кинуть в один из них наковальню. Ввод и вывод данных немного сложнее, но есть способы, с *API* создания персонажей. Ну а чтобы не дать его отключить… мне нужен был ты.

— Я?

— Я наняла тебя не потому, что ты красавчик, Кев. — Она сложила руки на коленях и посмотрела вниз. — Вот почему я так расстроилась, когда ты хотел уйти. Мне нужна твоя помощь, чтобы его закончить. И чтобы снова играть на пианино. Ты в деле?

Кев посмотрел на нее и потер виски. Мысли метались из стороны в сторону.

— Да. Нет.

Райя нахмурилась.

— Это же не просто какая-то секретная локация. Не одна из штучек джагги. Он должен быть достаточно велик, чтобы его нельзя было просто отключить и проигнорировать.

— Что ты задумал?

— Если я чему и научился в колледже, так это тому, что лучший способ заниматься чем-то странным — это назвать это искусством. — Он улыбнулся. — Или модой, так даже лучше.

Послушав его некоторое время, Райя начала кивать. Она протянула ему протез, пальцы резко разжались. Не говоря ни слова, Кев пожал прохладное дерево.

Они включили собор с высоко поднятой плавучей платформы, которую держали на весу ветряные мельницы, — еще один сбой движка «Дварфкрафта», который обнаружила Райя. С этой высоты Кев видел весь собор, золотую, красную, черную мандалу, вырезанную на зеленой поверхности и полную сложных деталей.

На платформе была единственная красная кнопка. Райя стояла перед ней и колебалась.

— Давай быстрее, — сказал Кев, — у нас не так много времени.

Шум РЖ отвлекал: гомон толпы смешивался с

гулом ветряных мельниц.

— Пытаюсь прочувствовать момент.

— Думаю, это уже не похоже на финский закат.

— Неа. Похоже на рассвет.

Райя подняла кирку и по широкой дуге обрушила ее на кнопку. Кнопка тихо щелкнула, опускаясь. Целое мгновение ничего не менялось. Кев вздрогнул: мог ли он ошибиться? Они протестировали идею на сегменте изолированного сервера, но теперь все было по-настоящему…

Снизу рванули фонтаны магмы. Громко затрещали горы. Мандала собора начала меняться, двигаться, как медуза, как живое существо. Сначала медленно, а потом быстрее собор стал делиться. На его месте появились два собора, потом четыре, потом, с головокружительной скоростью, он разросся в бешено шевелящееся одеяло.

Собор стал машиной фон Неймана. У Кева ушло добрых два месяца, чтобы перевести проекты протоклеток в объекты «Дварфкрафта». Теперь он заполнит огромные сервера игры программируемыми компьютерами общего назначения, выполняющими вычисления с помощью арбалетов, факелов, големов, водяных колес, нажимных плит и русалок. И с их помощью можно будет сделать все что угодно.

Райя рассмеялась, как маленькая девочка.

— Работают! Даже лучше, чем на тестах. — У нее перехватило дыхание. — Господи, меня вызывают.

— Сделаем перерыв, неважно.

— Не волнуйся, со мной все будет хорошо, — прошептала она, — спасибо.

Кев позволил ее голосу и приложению «Дварфкрафта» раствориться в тускло освещенной тишине Фаунтибриджского конференц-зала. Впереди была сцена и черно-белая фигура Лавинии, освещенная единственным прожектором. Он вынужден был признать, что она очень хороша в своей полумаске. И в гориконвеевском платье. Его почти испугало, как легко она согласилась участвовать, испугал голодный блеск в ее глазах.

Он откинулся на спинку кресла и глубоко вздохнул. Крылья бабочек в его животе казались стальными лезвиями. Они приложили скринкаст «Дварфкрафта» к трансляции конференц-зала и дали комментарий, поясняющий концепцию. Теперь его жадно репостили модницы из первого ряда. Его уже подхватили крупные блоги хактивистов. Значит, скоро появятся СМИ.

Он понятия не имел, что произойдет потом. Но пусть они только попробуют отключить собор

теперь.

— Леди и джентльмены, — сказала Лавиния тихо и таинственно, — добро пожаловать на ежегодный благотворительный показ мод Университета Эдинбурга.

Она отошла в сторону. Подиум осветился. Аплодисменты нарастали с силой океанской волны, Райя, гордая и прямая, шла навстречу зрителям, и ее длинные блестящие ноги уверенно ступали по полу.

Она нарядилась собором: игра транслировалась на демонстрационную ткань, на плащ из зеленой пены, багровой магмы и темных башен вдоль зазубренного края. По плащу плавали русалки с мифрилово-яркой чешуей.

«Королева дварфов», — подумал Кев.

Он хлопал так сильно, что отбил ладони, и кричал.

В центре сцены стояло пианино. Когда Райя дошла до него и села на табурет, воцарилась тишина. Она подняла руки и осторожно коснулась клавиш, пальцы из дерева и кожи тронули белую кость.

А потом нерешительно, нота за нотой, она заиграла.

Ловец человеков

Летний домик принадлежал ему и только ему. Он его, конечно, не строил, но идея была его. Он построил 3D-версию в *SecondLife*. Четкие геометрические линии, полого изогнутая крыша, математически точные сплайновые кривые, отлитые из темного дерева. Это самое полное из возможных воплощений мечты в реальности, думал Яакко. Это был своего рода штамп, финское клише: идеальный летний приют в лесу у моря. Ахтоланниеми казался лучшим местом для этого — небольшой остров, соединенный с материком узким пешеходным мостиком, гранитные берега, а посередине густая роща сосен и берез.

Он сидел на веранде и смотрел на море, пережевывая намазанный маслом ломтик ржаного хлеба. Надеялся, что похмелье, которое свернулось калачиком в желудке, словно угорь, примет эту мирную жертву. Утром шел дождь, но потом погода прояснилась. Прохладный ветерок шевелил волосы на груди и приносил слабый намек на морозец.

Скоро наступит зима, и безумие продолжится.

Но это еще не случилось: у него еще было время подумать, побыть одному, забыть свое второе выгорание.

Ему нужен был перерыв. И Минна не звонила, слава богу. Иначе пришлось бы ее уволить. С хорошими рекомендациями, конечно. Иногда женщины не понимают, что в долгосрочной перспективе секс с боссом усложняет жизнь.

И тут он почувствовал запах дыма. Посмотрел вверх и увидел размытую фигуру в зеленом плаще. Человек возился у самой воды, разжигая костер. Прямо рядом с его причалом.

Яакко засунул босые ноги в кроссовки, медленно встал и пошел. В его груди тихо ворчало разъяренное животное, но он не собирался выпускать его на свободу. Не сейчас, когда его только что удалось загнать в клетку.

Дойдя до пирса, он понял, что видит женщину. Длинные пряди волос завивались от дождя, висели из-под капюшона, скрывая ее лицо. Она стояла на коленях на камнях, рядом с огнем. Большие рыбы бились на берегу, все еще цепляясь за жизнь.

— Простите, — вежливо сказал Яакко. Ответа не последовало. Тогда он пнул костер, разбросав золу и тлеющие угли.

Женщина с любопытством посмотрела на него, склонив голову набок. Мокрые волосы и тень от капюшона скрывали черты лица, но глаза оказались ясными и зелеными. Босые ноги были бледны и стройны, хотя сразу было видно, что она немолода.

— Первую рыбу надо приготовить на берегу, — тихо и укоризненно сказала она. — Это для моего отца.

Рыба дернулась у ног Яакко. Он осторожно поднял ее за хвост. Рыба была уродливая, с темно-желтыми глазами и темной, будто закопченной чешуей. Он изо всех сил зашвырнул ее в море, и она ушла в воду с громким всплеском.

— Не люблю рыбу, — сказал Яакко. — Слушайте, я, конечно, за права человека и все такое, но это мой кусок берега, и вы могли бы спросить разрешения, прежде чем жечь костры. Вы или ваш отец. Это так сложно?

Женщина не ответила. Она встала, и, не успел Яакко возразить, как она сделала шаг вперед и коснулась его щеки мокрой рукой. К собственному удивлению, он не вздрогнул. Прикосновение было мягким, как будто под водой к ноге на мгновение прижалась водоросль.

— Ты мне нравишься, — сказала она, — у тебя

все получится.

Она сбросила плащ. Яакко мельком увидел сильное бледное тело и водопад темно-золотых волос. А потом она прыгнула в море. Темная вода на мгновение подернулась рябью, белая фигура мелькнула — и исчезла.

Яакко смотрел ей вслед целую минуту, но она не вынырнула. Он ощутил паническую щекотку в груди. Нужно было что-то сделать.

Он почти не умел плавать.

Он стянул кроссовки и вошел в воду. Дно было каменистое, неровное, и приходилось идти медленно, чтобы не поскользнуться. Где же она? Здесь было не слишком глубоко, она не могла далеко уплыть…

Облака разошлись, как занавес, и сверкнул золотой солнечный свет. В воде он преломлялся и танцевал на дне, переплетая яркие лучики.

Как золотая сеть.

Море вдруг издало странный гулкий звук. Большой камень, на котором он стоял, заворочался под ногами, как разбуженный зверь.

А потом вода ударила его в лицо. Что-то темное и тяжелое скользнуло по лбу, и все вокруг исчезло в багровой вспышке.

— Очнись. Ну вот.

Яакко закашлялся: соленая вода наполнила рот, на живот кто-то надавил. Затем давление ослабло, и он понял, что смотрит на тролля на фоне темных туч.

На нем была бесформенная рыбацкая шапка. Лицо под ней состояло из сплошных складок рыхлой кожи, между которыми едва виднелись усталые красные глаза. Тролль осторожно промокнул лоб Яакко носовым платком. Яакко ощутил тупую боль, а ткань покраснела от крови.

— Поскользнулся, сосед. Хорошо, что старый Калле шел мимо, да. Живу тут по соседству, занимаюсь своими делами. Услышал всплеск и решил поглядеть.

Он то и дело сбивался, жевал слова, как старый гнилой фрукт.

— Я не знаю, что случилось. Женщина…

Старик прищурился.

— А ты не бойся за нее, сосед. С ней все хорошо, она как дождь.

Судя по выражению его лица, задавать вопросы не следовало. Яакко снова закашлялся и поплотнее запахнул промокший халат.

— Спасибо. Я могу как-то… вас отблагодарить? Кофе, может быть? Черт, вообще-то обычно за

спасение жизни платят, у меня есть деньги…

— Убереги свои деньги, сосед. А вот кофе не помешает. Надо залечить рану на голове, а то она принесет тебе смерть.

Они пошли к летнему домику. Яакко слегка прихрамывал, Калле шел осторожно, как все старики. Внутри пахло свежим лакированным деревом — вообще Яакко любил этот запах, но сейчас он вызывал тошноту. Ему не хотелось показывать старику свою слабость. Он поднялся наверх, вытерся и переоделся в сухое. Порез на лбу оказался неглубоким, и он заклеил его пластырем и почувствовал себя немного лучше.

Калле сидел в плетеном кресле, вытянув длинные, как у саранчи, ноги.

— Эспрессо будете? — спросил Яакко, доставая из буфета две чашки.

Калле не ответил. Звук его дыхания походил на звук рвущейся бумаги. Яакко включил кофемашину. Ее знакомое шипение заглушило неприятный болезненный шум.

— Выходит, она тебя поймала, — наконец сказал Калле.

— Выходит, вы… — Яакко сглотнул, — знаете эту даму?

Старик коротко засмеялся, как будто ветка

треснула.

— Она моя жена вот уже семьдесят лет. Хотя, раз уж ты здесь появился, сосед, это ненадолго.

«Наверняка у него деменция, — подумал Яакко. — Скорее всего, это его дочь или внучка».

Он протянул гостю кофейную чашку, и Калле принялся баюкать ее в руках.

— И как же вы познакомились?

— Она пришла за мной во время шторма, — сказал Калле, — спасла мою лодку, и я ей приглянулся. Я был тогда дерзкий. Взял дочь моря в любовницы и думал, что смогу удержать ее. Но все оказалось наоборот. Она меня не отпустила и никогда не отпустит. — Он отхлебнул эспрессо и поморщился: — Крепкий кофе варишь, сосед. Но ей нужно кое-что получше.

Потом Калле сделал еще глоток с явным удовольствием.

— Ты должен кое-что увидеть, сосед. — Он медленно встал и жестом пригласил Яакко следовать за ним. Яакко молча повиновался.

Калле повел их по узкой тропинке, которую Яакко никогда раньше не замечал, в небольшую рощицу посреди острова. Лето выдалось таким засушливым, что деревья уже стояли голые. Темные ветки резко вырисовывались на фоне

тусклого неба. Тишина давила так, что Яакко сгорбился.

Они вышли на небольшую поляну. Мокрая земля, почти болото, поросла желтым мхом. Из нее торчала дюжина замшелых камней с вырезанными на них именами и годами. Некоторые надписи казались совсем старыми.

— Что это за место? — спросил Яакко. — И зачем мы сюда пришли?

— А ты посмотри хорошенько. Так и закончишь, сосед. — Старик устало привалился к дереву. — Это сеть, чертова сеть. Раз ты попался, то уже не сможешь уйти. — Калле посмотрел вниз и улыбнулся: — Я живу на этом острове семьдесят лет. Иногда она ненадолго отпускает меня на заправку купить сигарет. Или повидать родню, пока они еще были живы. Или вместе со своим скотом берет меня в море. Или даже вниз, в замок Ахти. Но я в ее сети и навсегда в ней останусь.

«Ладно, — решил Яакко. — Ахти. Бог моря. Старикана надо лечить. Я с этим разберусь, в конце концов, он мне жизнь спас».

— Вижу, ты не понимаешь, — прошептал Калле. — Ты теперь тоже здесь, сосед, с нами. Со всеми мужьями. Мы все здесь, кроме самого первого. Того, кого она первым полюбила и кто никогда

не надел ей на палец свадебное кольцо. Того, кто ушел с другой. Того, которого она утопила…

— Отлично, — осторожно сказал Яакко. — Давайте вернемся в дом, там еще остался кофе…

— Я должен был вернуть его ей, кольцо. Оно там, внизу. Я пробыл здесь так долго, что почти увидел его, я был почти у цели…

Калле подошел так близко, что Яакко почувствовал приторно-сладкий запах табака и перекрывающий его смрад немытого тела. В красных глазах горело безумие.

— Но ты заявился сюда и все испортил.

Яакко не успел увидеть нож. Он прорвал его футболку и огненной дугой прошелся по ребрам. Яакко прикусил язык от боли и почувствовал, как рот наполняется кровью. В глазах помутилось, и он упал на одно колено.

— Я не мог сделать этого в воде, потому что она видела. Не мог позволить тебе утонуть — тогда она заполучила бы тебя. Но здесь она нас не видит, здесь, в роще Эйо… — Калле навис над ним, запрокинул ему голову костлявой рукой, приставил к горлу холодное лезвие.

Пальцы Яакко нащупали камень, круглый и гладкий, как яйцо, идеально легший в ладонь. Не думая, он размахнулся. Удар пришелся вскользь,

но старик упал, потеряв шапку. Тонкие грязные волосы слиплись от крови. Калле неподвижно лежал на болотистой земле, нога ритмично подергивалась, как умирающая рыба.

Яакко выкинул камень и сплюнул кровь. А потом бросился бежать. Он забежал в домик, чтобы взять ключи, бумажник и мобильный телефон, и побежал дальше. Рана на боку болела, но футболка прилипла к коже, и кровь почти не текла. Надо было звонить в полицию. Или в «Скорую». Или Рейну в офис. Или хоть кому-то.

Уже почти стемнело, и ему пришлось остановиться на тропинке к пешеходному мосту, который соединял Ахтоланниеми с материком, и посмотреть на светящийся экран. Связи не было, ни одной палочки. Яакко выругался и пошел дальше.

Мост представлял собой узкую V-образную конструкцию из дерева и металла. Ветер усилился, и море разбушевалось, оно билось о металлические перила так, что мост звенел, как колокол, звук распространялся по нему как по слабым пружинам, которые использовали на уроках физики в школе.

От первого же удара волны он потерял равновесие на мокрых досках. Второй был похож на

игривую пощечину, и он упал на колени, схватившись за перила побелевшими пальцами. Выплюнул соленую воду. Волны щетинились, как злые собаки.

Наверное, можно вплавь. Расстояние небольшое. Он бы справился.

Он посмотрел, как черные языки воды лижут стометровый мост, и повернул назад. Выйдя на берег, он ощутил, что что-то не так. Ощупал карманы и понял, что ключи от машины пропали.

Вернувшись в летний домик, он запер дверь и сел за кухонный стол. Растирал руки и ноги, смотрел в окно. С одежды капала вода. Вечернее небо выглядело неправильно. Яркая акварельная полоса, которая всегда полыхала над горизонтом в это время, исчезла. Небо затянуло темно-серыми тучами. Нужно было согреться. Сауна, вот что.

Он порадовался, что не выстроил традиционную сауну в отдельном здании у самой воды, а устроил ее в самом летнем домике. При мысли о том, чтобы снова выйти на улицу, он вздрогнул. Он разделся, набил печь дровами и зажег ее. Потом сел на кафельный пол, ожидая, пока дрова прогорят. В сауне было безопасно. Ему казалось, что он сидит внутри собственного черепа.

После второго выгорания Яакко хорошо пред-

ставлял себе, как это работает. Сначала исчезает ощущение того, что ты есть. Затем кратковременная память.

А потом появляются галлюцинации.

Предыдущие месяцы вспоминались плохо. Привлечение второго раунда венчурных инвестиций, бесконечные совещания, слайды презентаций, моргающие, как глаза. Он завел роман с Минной, просто чтобы в жизни было хоть что-то еще, но он тоже оказался коротким и безумным, как жизнь таблетки аспирина в стакане воды. *IPO* стало последней каплей. Яакко помнил ужасный момент на заседании правления, когда вдруг понял, что смотрит на стену враждебных лиц и не представляет, что должен говорить.

Может быть, все зашло дальше, чем думал. Была ли эта женщина настоящей? Был ли Калле настоящим? Он не мог заставить себя вернуться на полянку в темноте и посмотреть, что случилось со стариком. При одной мысли об этом он вздрогнул. «Утром. Я сделаю это утром».

Когда печка раскалилась, Яакко взобрался на верхнюю полку, взял деревянный ковш и плеснул на печку воды. Промыл рану на боку: это оказался просто поверхностный порез. Когда он

смыл запекшуюся кровь, вытекло немного свежей. От вида красноватой воды, текущей с полки, закружилась голова.

«Я схожу с ума. — Он зажмурился. — Я останусь здесь. У себя в голове. Пока реальность не вернется».

Открылась дверь, и в сауну проник холодный воздух. Яакко открыл глаза: вошла женщина.

В отсветах печного огня она уже не казалась бледной: кожа ее покраснела и казалась выпеченной из красной глины. Тело у нее было молодое, с тяжелой, круглой грудью. Холмик лобка покрывали темно-золотые волосы. А лицо у нее было лишено возраста. На крупном носу виднелись веснушки, как золотые крошки.

Против собственной воли Яакко ощутил возбуждение, смешанное с паникой. Это придало желанию остроту, какой он не чувствовал с тех пор, как был подростком. Не говоря ни слова, женщина встала рядом с ним на колени и стала мыть ему спину. Полила голову теплой водой, помассировала плечи. Даже в сауне пальцы ее были холодны, как морская вода.

— Маленький человек, — сказала она, — с маленькими желаниями. Тебе будет хорошо в морском лоне.

Затем она наклонилась и взяла его член в рот. Сначала ее прикосновения были такими же небрежными и деловитыми, как при мытье, потом сделались настойчивыми. Яакко попытался прикоснуться к ней, руки дрожали от возбуждения, но она оттолкнула его и заставила опуститься на полку. А потом стало поздно: горячая волна прошла сквозь него и растеклась блаженным горячим пятном.

Она села рядом с ним, тихо напевая, и волосы ее были похожи на ручейки темного золота.

— Я сделала хороший выбор, мой прекрасный. Ты ничего не хочешь. Ты станешь мне мужем. Я буду одевать тебя и кормить, а ты ляжешь со мной и сделаешь мне ребенка.

Она как маленькая девочка. Как девушка, которая впервые узнала о существовании юношей.

— Муж, — сказал он вслух. У него кружилась голова, и все чувства обострились, как будто прикосновение женщины было крючком, вытащившим его из глубокой воды нереальности. — А как же свадьба?

Печка погасла. По сауне пронесся порыв холодного ветра, и пар превратился в капли воды на коже Яакко. Стена за спиной будто заледенела. Рука женщины на его бедре обернулась холодным

камнем, а ее глаза сверкнули во тьме зеленым.

— Никакой свадьбы, — сказала она, и голос ее походил на шорох волны, разбивающейся о камни. — Никакой свадьбы без кольца.

А потом она ушла, и Яакко остался один в темноте.

Всю ночь он просидел на кухне, пил кофе и ел ржаной хлеб с солеными русскими сосисками, пока желудок не начал протестовать. Он думал, когда же она вернется. Море казалось спокойным, но он не мог заставить себя попробовать перейти мост еще раз. За ночь мысли о внешнем мире — Минне, компании и всем остальном — утекли, как вода из ладони. Остались только остров, женщина и ее мужья.

Рассвет показался бледным пятном света над серым морем, но он набрался смелости и смог подумать о Калле. Протер глаза, выпил еще одну чашку кофе и вышел из дома.

Идя по дорожке, он заметил что-то, чего не увидел накануне вечером: блекло-красное пятно среди деревьев. Подойдя ближе, он разглядел старую рыбацкую хижину, которая, казалось, сейчас рухнет под собственным весом. Неудивительно, что он не видел ее раньше: она стояла метрах в пятидесяти от берега, и со всех сторон,

кроме стороны моря, ее защищали от взглядов деревья и кусты. Соломенная крыша походила на насупленные брови.

«Наверное, здесь он и жил», — подумал Яакко. Он надеялся разглядеть какое-то движение в темных окнах, признак того, что старик еще жив, но ничего не увидел.

Он нашел Калле там, где оставил. Тело немного погрузилось в мягкую землю, и, к счастью, подлесок скрыл лицо старика. Яакко давно не видел мертвецов и теперь ощутил одновременно тошноту и вину. Это он сделал. И он не мог просто оставить его здесь.

Он нашел ржавую лопату, прислоненную к стене, забросал тело сосновыми ветками и принялся копать могилу. Земля была мягкая, работалось легко, но в яму заливалась вода. К тому времени, как дыра в земле достигла подходящих размеров, он вспотел, а утренняя дымка превратилась в тусклый дневной свет. От бессонной ночи жгло глаза, так что через какое-то время он сел, прислонившись спиной к березе, и опустил веки.

Всего на секундочку.

Ему приснилось, что он продолжает копать, и яма все растет, и ее наполняет темная вода. И тут

его лопата наткнулась на что-то металлическое, и раздался громкий лязг.

— Осторожнее, — сказал низкий голос.

Маленький человечек вылез из сырой могилы, принеся с собой запах мокрой земли и тухлой рыбы. Лицо у него было темное, как прокопченное дерево, с грубым топориком носа и широким ртом с острыми зубами. Облачен он был в медную кольчугу, за поясом которой торчал топор из того же металла. Ручейки черной воды стекали с бороды и волос.

— Выходит, она и тебя поймала, — сказал человечек.

Яакко и в голову не пришло, что надо бояться: он ощущал спокойствие, и краски окружающего мира были четкими и ясными, как будто наступил светлый летний вечер.

— Кто ты? — спросил он.

— Ику-Турсо, сын Эйо, — усмехнулся человечек. — Это мой топор срубил большой дуб, мои зубы потопили лодку, на которой везли Сампо. — Ухмылка стала шире. — И это меня дочь моря поймала в свои сети.

Внезапно Яакко узнал темные глаза. Это были глаза рыбы, которую он отнял у женщины.

— Я перед тобой в долгу, сын человеческий, —

сказал человечек. — Я помогу тебе уйти. Но это нелегко. Водяная баба старая, и это ее земля, здесь она сильна. Единственный способ уйти, — он указал на тело Калле, — это сделать, как он. Только мертвые достаточно малы, чтобы проскользнуть сквозь ее сеть. Но Турсо укажет тебе путь.

Он протянул руку в медной рукавице.

— Заходи в мой дом. Мы выпьем вместе и все решим.

Яакко заколебался.

— Я не уверен, что хочу уйти. — Голос звучал как во сне. — Она ведь тоже в ловушке. Я знаю, что она чувствует, и не хочу оставлять ее одну.

Ику-Турсо сплюнул на землю черным, и его темное лицо скривилось от отвращения.

— Ну и оставайся, глупец. Оставайся здесь, пока не станешь стариком. Иди к Туони без провожатого. Мне нет до тебя дела.

Темная вода могилы закипела у него под ногами. Происходящее все еще казалось сном, но до Яакко постепенно доходила логика. Это же просто компьютерная игра. Найти очередной предмет. Перейти на следующий уровень. Яакко Риссанен на Острове обезьян.

А может быть, все было наоборот. Может быть, игрой был реальный мир. Здесь все было настоя-

щим, а мир — ну, так, как программа *SecondLife*. Может быть, имело значение только это место, место, где золотые сети опутали море, где темные карлики восставали из могил, а дочери богов хотели брать в мужья смертных.

— Погоди, — сказал он Ику-Турсо. — Ты же мне должен, верно?

— Ну да, — фыркнул человечек, — подарок. Услугу. Во что ты там ценишь мою жизнь. Если ты так уж хочешь сгнить здесь, я могу принести тебе сокровища со дна моря. Или, если ты устанешь от этой холодной суки, бери моих огненных дев, моих подземных дочерей. Я могу дать тебе…

— Успокойся. Принеси мне одну вещь…

Когда он проснулся, небо горело огнем летнего заката. Голос Ику-Турсо все еще звучал у него в голове и говорил, что нужно сделать. Поднять камень, убивший Калле, оказалось непросто. Еще сложнее было расковырять рану в боку и намазать камень кровью: рана воспалилась, и дотрагиваться до нее было так больно, что Яакко покрылся холодным потом.

Затем он отнес камень к берегу и бросил его в море. Камень полетел высоко и далеко и канул в воду с громким плеском. Яакко, то есть Иаков, бросает камень в холодную воду. Старая финская

традиция, бабушка всегда так говорила. Знаменует конец лета.

Затем он сел на валун у края воды и стал ждать. Было очень тихо: ни щебета птиц, ни дуновения ветра. Только тихий влажный шум моря повсюду: в воздухе и на земле, и даже в его собственном сердце.

Сгустился знаменитый туман Ахтоланниеми и вскоре оказался повсюду, лицо затянула мокрая пелена, над темной водой все побелело. Поднялся ветер, и из моря вышли коровы.

Они шли по мелководью, спины и головы у них были бурые, а рога торчали из воды, как горы нового крошечного континента, и серебристые струйки стекали из носов и ртов. Бока их словно дымились, а копыта мягко стучали о камни. У последней коровы на шее висел медный колокольчик, который глухо и гулко зазвонил, как только поднялся из воды. Коровы прошли мимо Яакко, и одна за другой исчезли в лесу.

— Пришел украсть коров у Ахти, богатый человек?

Женщина стояла рядом с ним. Но теперь она выглядела иначе, моложе и величественнее. Тело облепило мокрое зеленое платье из тяжелой ткани, талию она затянула золотой сетью вместо

пояса. Капли воды блестели на лбу.

— Я ничего не собираюсь красть. — Яакко попытался разбудить в себе злое животное, но животное свернулось калачиком, маленькое и слабое. — Просто кто-то украл меня.

Она взяла руку Яакко в свою, провела пальцем по его ладони.

— Ты же будешь моим мужем, маленький человек. Услада моих глаз.

— Как ты меня поймала?

— Сетью отца, разумеется. — Зубы у нее были кривоваты, а голос звенел, как у встревоженного ребенка. — Я тебе покажу!

Они вместе вошли в море. Солнце, огромный красно-золотой шар, висело над самым горизонтом. Сеть плыла в воде вокруг них. Золотая рябь словно собралась в петли, и под самой поверхностью воды дрожала сеть из солнечного света.

— Ты же любишь сети, маленький человек. Сети, где люди болтают, сети слов и голосов. Но можешь ли ты коснуться своих сетей, как я могу коснуться своих?

Женщина наклонилась и опустила руку под воду. Золотая сеть затрепетала от ее прикосновения. Она принялась выбирать эту сеть, и в ней засверкал улов. Она вытащила пустую зеленую

бутылку и бросила ее Яакко. Он машинально поймал бутылку и вдруг ощутил волну опьянения, словно бы он попробовал насыщенное красное вино.

— В сети моего отца все вещи становятся истинными, — рассмеялась женщина. — Теперь твоя очередь.

Она держала его, лаская одной рукой его спину, и он потянул сеть на себя. Дотронувшись до ярких холодных нитей, он понял, как она тяжела. Плечи его напряглись, и нити резали ладони.

— Что же ты нашел, муж? — прошептала она. — Какого маленького бога поймал ради нас?

Она тихонько задышала ему в ухо, и он ощутил прилив сил. А потом это оказалось у него в руке. Темное, черное, холодное, гладкое, идеально лежащее в руке, ядро небытия.

— Марта, — прошептала она, распахнув глаза от ужаса. — Ты нашел свою марту.

Яакко снова услышал голос Ику-Турсо в своей голове. «Сделай марту, — говорил он, — камень смерти. Сделай смерть старика своей собственной. Поймай ее в сеть. Иди за ней».

Она попыталась вырвать у него камень, но Яакко, прижав камень к груди, упал в море спиной вперед. Вдохнул соленую воду, и волны сомкну-

лись над ним.

И он позволил марте унести его вниз, в темные воды Туони.

В море плыли лица, лица утопленников с выпученными глазами и распахнутыми зияющими ртами. Яакко не хотел на них смотреть, но он не мог закрыть глаза и понимал, что уже стал одним из них.

Но с ним был Ику-Турсо, не темноглазая рыба и не маленький человечек, а нечто огромное и ледяное, постоянно меняющее форму, словно разлитое масло.

И оно уносило его все глубже и глубже, пока мир не перевернулся и они не всплыли, оказавшись у берега моря под морем.

Муж ждал его там, где не было света и цвета, ждал, стоя на черных скользких камнях.

Он был молод, моложе Яакко, и очень силен на вид. Его плечи и грудь ясно говорили, что всю свою жизнь он боролся с морем. Но в его лице было что-то очень знакомое, озорство и жгучая жажда. Он вдруг понял, что то же выражение видел на измученном лице Калле.

— Ты знаешь, чего я хочу, — сказал он мужу. — Отдай.

Но покойник только рассмеялся глухим сме-

хом.

— Уходи, теплый человек, — сказал он. — Дети Туони скоро явятся, и они удержат тебя здесь навсегда. Мы сможем вечность рассказывать друг другу о ней и выяснять, кто же был ей лучшим любовником.

— Ей просто нужно кольцо, — сказал Яакко.

— Ну так забери его.

На бледной руке вспыхнуло золото.

Недолго думая, Яакко бросился на него. Но муж был силен, силен и мертв. Он схватил Яакко за горло, как ребенка, и пригнул к скалам. Яакко чувствовал, как трахея сжимается под пальцами, скользкими, как угри.

— Ты их слышишь? — шептал он. — Они скоро будут здесь, вместе со своими шипами и железными сетями. Слепая Ловиатар покажет тебе девять болезней.

Яакко ударил его мартой точно по тому же месту, куда и Калле, и на мгновение муж ослабил хватку. Но он просто вытер черную кровь с глаз и улыбнулся.

— Надо лучше стараться, теплый человек.

— Я здесь не один, — сказал Яакко. Марта пульсировала в его руке, скользкая от крови, и эта кровь взывала к другой.

А потом из воды появился бледный сморщенный Калле, сдвинувший на затылок рыбацкую шапочку. А за ним остальные мужья, глаза которых горели, как у разъяренных зверей.

Яакко отвернулся и позволил им сделать то, что должно было быть сделано.

Кольцо ему отдал Калле, безмолвный и мертвый, и в его троллиных глазах была печаль.

— Прости, — сказал Яакко и сунул кольцо в рот.

Он нырнул в темное море, выбросил марту и позволил Ику-Турсо отнести его наверх в воды живых.

Яакко смотрел, как шипела на углях первая и единственная выловленная им рыба. Рыба была небольшая, но пахла восхитительно. Уже наступила осень, и море стало темным и сердитым. Но он больше не боялся моря.

Рейн, его ассистент, приехал за начальником и увидел тело, которое вынесло на берег материка. Он успел вызвать «Скорую помощь». Яакко позже услышал, что был мертв в течение трех минут. Официальная версия гласила, что во время купания его унесло течением. Новостные сайты этим удовлетворились.

Он не слышал ее приближения, но почувство-

вал ее в морском ветерке. На ней снова был зеленый плащ, и она казалась немного старше.

— Я могла бы тебя вернуть, — тихо сказала она, — даже сейчас.

— Могла бы, — улыбнулся Яакко.

Они молча ели рыбу, сидя на камнях, и их разделяла пелена дождя. Яакко укусил мягкое белое мясо и почувствовал что-то твердое и холодное.

Это было кольцо из кованого золота. Ободок с серебряными рыбками и светлыми волнами.

Яакко протянул ей кольцо. Она взяла, долго смотрела на него, сжала его в ладони и закрыла глаза. И покачала головой.

— Оставь себе, — сказала она, — уверена, ты найдешь, кому его подарить.

Яакко осторожно положил кольцо в карман.

— А ты? Что будешь делать?

— Я что-нибудь придумаю, — сказала женщина.

Волна пришла из ниоткуда, обрушилась на Яакко и уронила его на спину. Ледяная вода заполняла рот, глаза и уши, окатила спину. Когда он проморгался, женщина уже исчезла.

— Ладно, будем считать это первым свиданием, — прошептал Яакко и повернулся к морю спиной.

Невидимые планеты

(Итало Кальвино — с извинениями)

ПУТЕШЕСТВУЯ ПО СИСТЕМЕ 61 ЛЕБЕДЯ и готовясь пересечь пропасть меж галактик, темный корабль отдает своим субразумам приказ описать посещенные миры.

В жизни темных кораблей, как и в жизни любых послов, всегда наступает период сомнений. Пока нейтралино темной материи взаимно уничтожаются в голодном сердце Чоун-привода, все приближая скорость корабля к скорости света, сам корабль не может перестать думать — достоин ли его груз Сети и Контролера? Что, если дар, который он несет, данные, кропотливо собранные из электромагнитного эха молодых цивилизаций и теплых инфракрасных снов сфер Дайсона, информация, записанная на тонны перекрученных нитей ДНК, в каждом грамме которых содержатся петабайты данных… что, если это всего лишь записка в бутылке, которую однажды подберет рыбак на неизвестном берегу, подберет — и выбросит, сочтя бессмысленной?

И поэтому, пока безжалостная рука Лоренца

не сжала корабельные часы так, что с каждым движением стрелок минуют эоны времени, пока звездный взгляд Вселенной не стал единственным, сверкающим, синеватым глазом судии, корабль роется в своей памяти и пытается нащупать паттерн, который сумеет избежать голодной энтропии.

За тысячелетия пути разум темного корабля стал так велик, что ему не помешали бы исследователи и карты. Содержащиеся в нем сокровища можно описать только метафорами, хрупкими, смутными и далекими, как миражи. Но постепенно среди многочисленных агентов огромного беспорядочного разума корабль начинает выделять голосок крошечного субразума, совершенно незначительного, одинокой странницы в пустыне, пришедшей с таких далеких границ корабельного разума, что ее можно было бы счесть путешественником из другой страны, путешественником, который набрел на древнее причудливое царство на другом конце света и стал служить насмешливому всемогущему императору.

Субразум не дает кораблю ни симуляций, ни образов разума — одни только слова. Она общается символами, намеками и шепотками, которые

вдруг высвечивают старые связи в разуме темного корабля, напоминают о сияющих городах и шоссе, увиденных с орбиты, и картах древних планет, нарисованных гортанными обезьяньими криками.

Планеты и смерть

Правители планеты Ойя любят мертвецов. Они обнаружили, что в трупах на кладбище живут ксенокатаболические бактерии, которые, будучи особым образом обработаны и подселены в микробиом кишечника, значительно продлевают срок жизни ойянцев. Кладбища на Ойе — это крепости, тщательно охраняемые от Воскресителей, смелых рейдеров, которые ищут жучков бессмертия в плодородной почве, питаемой давно умершими. Те из самых богатых ойянцев — а им опасны только несчастные случаи да насилие, — что цепляются за похоронные традиции, находят место последнего упокоения в тайниках, их хоронят в гробах-торпедах, окруженных сложным оружием и ловушками, которые охраняют их последнее пристанище от чужих жадных рук.

Самый богатый и самый честолюбивый из всех ойянцев похоронен не на Ойе, а на Ниргале, мертвой красной планете, что с начала времен будоражит ойянцев. Освобожденный от оков старости, имеющий возможность посвятить тысячелетия вздорным проектам, лишенный свойственной смертным близорукости, он сконструировал ра-

кеты для полета к Ниргалу и построил там город. Город расположен в глубоких пещерах, которые защищают его от резких лучей солнца.

Но за ним никто не последовал, потому что ойянцы предпочитали проводить свою затянувшуюся жизнь в куда более нежных объятиях родной планеты. И за долгие годы, минувшие с тех пор, Ниргал стал кладбищем. Там бывают только путешественники из иных миров, прилетающие на эфемерных кораблях, чьи прозрачные очертания еле заметны в вихрях красной пыли.

Надев экзоскелеты, сохраняющие их хрупкие тела, туристы исследуют бесконечные пещеры, в которых до сих пор сохранились великолепные технологии ойянцев, и бродят по запутанным следам ног и вездеходов на песках Ниргала. Они заранее дают своим противотуманным плащам инструкцию вернуть каждую частицу оксида железа на прежнее место, чтобы любой след ойянцев сохранился навеки. Но, оставляя пески Ниргала нетронутыми, они увозят с собой запах отчаяния, исходящий из могилы бессмертного ойянца, запах, напоминающий об их собственной окончательной смерти, такой, впрочем, далекой.

Но Ниргал жив, ибо выносливые бактерии из тела ойянца уходят все глубже под поверхность

красной планеты и строят собственные странные города. Украденные у мертвых, они медленно крадут Ниргал.

Планеты и деньги

На Лакшми все понимают, что настал день запуска, когда везде начинает пахнуть дрожжами, липко вонять вчерашним алкоголем, хотя, казалось бы, вечеринка еще не началась. Запах исходит от искусственных бактерий, которые вырабатывают и извергают топливо на основе четырехокиси азота в перегонных кубах и биореакторах, что стоят в гаражах и на задних дворах. Потому что каждый на Лакшми строит свои собственные ракеты.

Когда темнеет, ракеты взлетают, как бумажные фонарики, ярко-рыжим ураганом, окруженным танцем огненно-золотых лент, с грохотом, похожим на пушечную канонаду. Они доставляют грузы на все увеличивающееся рукотворное кольцо, которое планета с гордостью носит вокруг талии. Жители Лакшми смотрят на них одно-единственное мгновение. Стоит хвостам ракет исчезнуть из виду, все срочно лезут в карманы, и бледный свет экранчиков смартфонов освещает голодные лица. На экранах растут цифры.

Девушки и юноши Лакшми строят свои ракеты не ради красоты или исследования, а из чистой

жадности, ибо единственная валюта на Лакшми — квантовая крипта, которая майнится в космосе. Ракеты уносят в небо целые монетные дворы, которые превращают хаос космического пространства в деньги, штампуя одну виртуальную монету с каждым броском господних костей — уникальным, анонимным, устойчивым к подделке. Эти монетные дворы отправляют деньги своим владельцам лучами когерентного излучения. Ночью запуска небо покрывают новые звезды, и с каждой вспышкой звякает уведомление о чьем-то банковском счете.

Световые монеты исчезают, стоит их измерить и проверить, поэтому, если вы не из не любящих неопределенность банкиров, единственный способ выжить на Лакшми — посвятить все свои силы ракетостроению. Тем не менее люди Лакшми считают себя по-настоящему свободными, свободными от централизованных систем и правительства, от ошибочных мечтаний прошлого, от звездолетов, от галактических империй, от королей и императоров. Они лишь постоянно стремятся к всеобщему изобилию и богатству.

По правде говоря, они правы. Если бы они повнимательнее изучили запутанные финансовые отношения между бесчисленными световыми

монетными дворами и банками, которые вращаются вокруг их планеты, они обнаружили бы сложные формулы, связывающие квантовую механику и гравитацию, способ определить направление движения Лакшми в изначальной инерционной системе Вселенной и, наконец, новую теорию создания машин, меняющих гравитацию и инерцию, машин, которые могли бы унести города Лакшми в небо и за его пределы. Но эта древняя мечта слишком глубоко сокрыта в сиянии многочисленных валют Лакшми и тонет в громе взлетающих ракет.

Планеты и гравитация

Если путешественница с планеты Ки посещает другой мир, поначалу она чувствует себя плоской, маленькой, ограниченной двумя измерениями, узницей гравитации, то и дело пытающейся взлететь, как беспомощная муха. Но через некоторое время она обнаруживает, что не может оторвать взгляда от горизонта, что стоит, зачарованная и неподвижная, любуясь краем света, непроницаемой круглой границей, которая окружает ее со всех сторон.

На Ки нет горизонта как такового. Это по-настоящему трехмерная планета. Трудно сказать, где начинается или заканчивается Ки: она размыта, как чернильное пятно, которое растекается по бумаге пространства и влетает в гравитационные колодцы других миров. При рождении жители Ки получают личные летательные аппараты: реактивные ранцы, управляемые мыслью и приводимые в действие тщательно сфокусированной фазированной решеткой микроволновых лучей, вырабатываемых обширными полями солнечных батарей, которые покрывают всю поверхность планеты, весьма запущенную. Города

Ки постоянно воюют с гравитацией. Одни стоят на вершине колонн, сделанных из электромагнитных полей и железных зерен, колонн таких высоких, что они высятся над атмосферой Ки. Другие города тянутся вдоль орбитальных колец вокруг Ки, а третьи парят в небе и представляют собой фуллерены, которые легче воздуха. Космические лифты легко достигают точек Лагранжа, а аэростаты непрерывным потоком перевозят людей и материю, погружаясь в атмосферу и выходя из нее, и дергаясь, как удочки.

Те, кто вырос на Ки, сразу постигают природу трех пространственных измерений. Глядя, как обитатели двухмерных планет ползают по поверхности своих миров, не поднимая глаз, вы, естественно, начинаете задаваться вопросом: а есть ли места, которые уже *вы* не способны видеть, другие измерения, которые еще предстоит покорить. К вашему удовольствию, ученые Ки говорят, что таких измерений еще много, десять, одиннадцать или даже двадцать шесть.

Впрочем, они добавляют, что, насколько им известно, только три знакомых измерения в самом деле бесконечны, а все остальные свернуты в крошечный горизонт, похожий на поверхность крошечной планеты, где нет места ни для башен,

ни для летающих автомобилей или реактивных ранцев, и что единственное, что способно проникнуть в запретные измерения, — это гравитация, самая презираемая из всех сил Ки, великий враг полета.

Вот почему люди Ки направляют всю свою энергию на покорение оставшегося бескрайнего измерения — времени. Они строят великие архивы, которые будут стремиться ввысь долгие эоны и унесут частичку Ки в подобную времени бесконечность.

С каждой планетой, которую описывает субразум, темный корабль сомневается все сильнее. Он не помнит эти миры, но субразум оживляет их, просто переставляя символы. Может быть, она — конфабуляторный агент, остаток какой-то примитивной рудиментарной функции сновидений из когнитивной архитектуры темного корабля и все ее планеты — всего лишь корабельные мечты и страхи? И, если это так, откуда темному кораблю знать, что он везет что-то, представляющее ценность? А вдруг он сам — просто случайная мутация в генетическом алгоритме, имитирующем темные корабли, создавая и уничтожая миллиарды вариантов, просто чтобы найти тот, который

переживет темную пустоту?

И все же в каждом новом мире есть нечто знакомое, странная меланхолия и тихая радость, и темный корабль продолжает слушать.

Планеты и глаза

На планете Глаукопис самым ценным имуществом считаются глаза.

С рождения вы носите очки, контактные линзы или искусственные глаза, которые фиксируют все, что вы видите, а также позволяют другим видеть вашими глазами, а вам — их глазами. Достигнув совершеннолетия, вы неизбежно выбираете точку зрения, которая не является вашей собственной, и отдаете свое зрение кому-то другому. Материальное изобилие на Глаукопис достигнуто давно, так что точка зрения, уникальное восприятие действительности, остается единственным достойным товаром.

За века такой торговли точки зрения на Глаукопис были так тщательно перетасованы между десятью миллиардами тел, что на планете не найдется двух влюбленных, которые видели бы друг друга, и ни одна мать никогда не видела собственное дитя, а если такое и случалось, это была лишь мимолетная вспышка в калейдоскопе.

Редкие мечтатели на Глаукопис предпочитают отдавать свои глаза машинам. Они позволяют запрограммированным вирусам контролировать

коннект своих зрительных центров, чтобы машины получили способность распознавать слабое эхо жизни в спектроскопии далеких внесолнечных планет так же, как вы узнаете собственную бабушку, мгновенно и несомненно. Взамен им разрешается смотреть на мир глазами машин, и поэтому только они знают, каково это — летать через тысячекилометровые водные фонтаны, бьющие на поверхности далекой луны, где цветет первобытная жизнь, и только они видели акварельные оттенки вечной бури, бушующей на южном полюсе газового гиганта.

Но, поскольку они не могут делиться зрением с другими глаукопийцами, их презирают. Они — слепцы в царстве всевидения.

Нам легко смеяться над Глаукописом, ведь в своем путешествии мы видели невообразимое, легко думать, что они затерялись в бесконечном коридоре зеркал. Но нам не мешало бы понимать, что Глаукопис давно погиб и нам осталось только то, что видели их глаза. Возможно, однажды будет построена машина, которая поглотит все, виденное ими, и сумеет реконструировать разумы тех, кто это видел. Возможно, она даже позволит узнать, кто же что видел на самом деле, не перетасовывая колоду глаз, которой когда-то

был Глаукопис.

Планеты и слова

Сешат — планета книг, планета чтения и письма. Жители Сешат не только записывают каждый момент своего бодрствования, они еще и создают машины, которые умеют писать жизнь. В качестве чернил на Сешат могут использоваться стволовые клетки, пластик или сталь, и поэтому слова могут стать плотью и пищей, разноцветными конфетами и оружием. На Сешат можно съесть шоколадное суфле в форме своего сна, а ясноглазый древний шоколатье может обзавестись новым сердцем, которое само по себе будет словом, обретшим плоть. Каждый предмет на Сешат умеет писать и штампует бесконечные идиотские истории о том, каково быть коровой, упаковкой таблеток или бутылкой вина. И, конечно же, геномы живых существ также читаются и пишутся: теломеры в клетках сешатианцев копируются, расширяются и переписываются крошечными молекулярными писцами, поэтому жители Сешат живут почти так же долго, как книги.

Неудивительно, что Сешат переполнена, что свалки полны обломков пластика, что все сети стонут от чуши, которую несут спам-боты, что

холодильники и сирены имеют литературные амбиции, что из пастей секвенаторов ДНК течет и течет бесконечный тетраграмматон Вавилонской библиотеки и что всему этому не видно конца.

Тем не менее сешатианцам очень хочется почитать что-нибудь новенькое. Они придумали книги с золотыми страницами, в которых может писать сама Вселенная: книги, где атомы золота вытесняются частицами темной материи и оставляют след в бережно созданных нитях ДНК. Это позволяет потокам тьмы тоже быть прочитанными и интерпретированными. Идут века, незримые чернила нейтралино и аксионов высыхают и образуют слова на золотых страницах, слова, которые говорят о кораблях, которые можно было бы выстроить, чтобы проследить каждый вихрь и каждую букву в пустоте и превратить темные фразы в свет. Люди Сешат, затаив дыхание, надеются, что их планета станет первой строчкой в священной книге или хотя бы крючком, который зацепит нить, а не неизбежной финальной точкой.

Планеты и руины

Циви — безмолвная планета. Ее пустые города давно стали великолепными руинами, высящимися даже над горами: космические башни и лифты, космические фонтаны, пусковые петли, рельсотороны, разгонные двигатели, слингатроны, космические самолеты, небесные якоря, потускневшие излучатели лазерных двигательных установок, все еще обслуживаемые терпеливыми машинами, но потихоньку разрушающимися.

Легко подумать, что Циви — иссохшая плацента какого-то древнего младенца. Но на дне океана, сером и бесцветном, будто отражение лунной поверхности, искореженные осколки огромных двигателей превращаются в коралловые замки, их жесткие очертания смягчаются и нарушаются кольчатыми полипами и разноцветными завитками.

На континентах Циви с неба иногда спускаются огромные надутые шары из драгоценного металла. Они сделаны из платины, добытой в поясе астероидов неутомимыми роботами, расплавленной солнечным светом в зоне нулевой гравитации, сросшейся в пористые сферы, по-

хожие на гигантские металлические безоары, и отправленной на Циви. Шары падают со скоростью едва ли не в сотню миль в час в тропические леса и океаны и в тихие заросшие города. Они рушатся на землю с нежным стуком и становятся домами для насекомых, птиц, мхов и лишайников.

Под землей и океанами Циви светятся бесконечные стеклянные нити, и мысли древних машин ползут по ним, медленно становясь чем-то новым.

Руины Циви — это строительные леса. Однажды жизнь вновь вырастет на них, вновь потянется вверх и оставит за собой свои собственные руины. Очередную строку на бесконечном палимпсесте Циви.

— Мне кажется, — говорит темный корабль субразуму, медленно начиная что-то понимать, — что все планеты, которые ты описываешь, имеют что-то общее. На самом деле они определяются не тем, что ты говоришь, а тем, что осталось несказанным. Они все — наше начало, наш дом.

Субразум улыбается в пустыне корабельного разума, и в ее глазах видны белые облака, и голубые океаны, и бесконечная зелень.

— Я поэтому сомневаюсь? Потому что не могу отпустить прошлое? Потому что я был собран Контролером неправильно, я хромой посол, спотыкающийся, не успев сделать ни одного шага? Ты — часть меня, которая все еще тоскует по дому? Часть, которая определяет все сущее через то, что остается после него?

Император не хочет отправлять непослушного, но любимого визиря на плаху. Корабль созывает автохирургов, чтобы вырезать этот пережиток, чтобы разорвать нить, которая держит его.

Но субразум только качает головой.

— Дом — это просто самое ясное зеркало, в котором можно увидеть то, что ты ищешь, корабль. Напомнить о чем-то, что ты забыл.

— И что же это?

Хирурги стоят рядом с фрактальными ножами наготове, ожидая только приказа корабля — вырезать и отменить.

— Чтобы быть послом, нужно только одно, — говорит субразум.

Не обращая внимания на хирургов, она бросается в основной разум темного корабля и обнимает его. Ее кожа тепла от солнца, она пахнет песком и экзотическими специями, потом и ветром.

Субразум растворяется в потоке разума темного корабля, и Корабль вдруг наполняет та радость, которую испытывает путник, увидев пурпурные горы на новом горизонте, впервые услышав голоса незнакомого города, любуясь громоподобным великолепием ракеты, взлетающей к небу на рассвете. И когда темные пальцы гравитации 61 Лебедя бросают его в пустоту между галактиками, он понимает, что это чувство — единственное, что действительно стоит сохранить, единственная константа в изменчивых мирах Сети, сотканных из желаний, страхов и тоски по бесконечности.

Призрачные псы

Все начинается со свистка. Он отдается эхом в воздухе прохладного летнего вечера, переходит почти в визг. Руби тут же вытаскивает нос из норы, которую мы выкопали в засохшей маминой клумбе в надежде найти пиратские сокровища. Она разворачивается и бежит к забору, изо всех сил виляя пушистым, как у всех лабрадоров, хвостом. Принцесса тоже оживляется, откладывает кость в сторону, зевает и с достоинством идет за Руби.

Мгновение я думаю, что папа пришел домой пораньше, и сердце бьется сильнее. Но нет, это притаился за забором долговязый Собачий мальчик, нелепо сложившись почти двое и прижав багровую морду к доскам. Я стою на коленях с пиратской саблей в руках и смотрю на него, но он, кажется, меня не замечает.

А потом он начинает лаять, очень громко. В груди у него как будто грохочет гром. Принцесса и Руби слушают, прижав уши. Когда он замолкает, слышно только тяжелое собачье дыхание. Потом он встает и смотрит на меня большими белыми

глазами.

— Эй, малыш, — говорит Собачий мальчик, — а ты в курсе, что у вас дома живут призрачные псы?

Он встает и скрещивает волосатые руки на груди, обтянутой майкой «Найк». Вокруг глаз у него противные темные круги, и он смотрит на меня пристально, как собака, которая чего-то хочет. У меня пересыхает в горле, но Принцесса и Руби все еще виляют хвостами, так что я не могу убежать в дом. Я встаю и иду к забору.

— Призрачные псы?

— Ну, типа, мертвые. Старые. — Он скребет нос и скалится. До меня доносится запах застарелого пота и земли, и у меня перехватывает дыхание.

— Ты того, поосторожнее. Они могут заставить тебя сделать какую-нибудь гадость.

Когда взрослые над тобой издеваются, это сразу видно. Они как будто ухмыляются, еле заметно. Но Собачий мальчик зверски серьезен, прямо как мистер Ганн, когда объясняет географию в школе.

— Ладно, — говорю я, делаю шаг назад и погружаю пальцы в мех Руби. Собачий мальчик просовывает волосатую руку через забор, и Руби нюхает ее, ухмыляясь по-собачьи. Хвост продол-

жает медленно вилять.

— Не стыдно бояться призрачных псов. — Собачий мальчик все еще смотрит на меня.

— Саймон! — вдруг кричит мама. — Что ты делаешь?

Она стоит у кухонной двери, хмурая и испуганная. Собачий мальчик тявкает Принцессе и Руби и начинает отступать.

— Похоже, у тебя неприятности.

— Опять ты! — кричит мама. — В следующий раз я звоню в полицию!

Собачий мальчик смотрит ей за спину и издает низкое рычание. Потом разворачивается и убегает вприпрыжку, шлепая грязными «найками» по асфальту.

— Саймон, иди сюда. Холодно уже. И не разговаривай с этим мальчиком, пожалуйста.

— Он сам. И вообще, он не со мной говорил, а с Руби. И с Принцессой.

— Ладно, уже ложиться пора. — Мама берет меня за плечо. — Скоро папа придет.

— А можно Руби будет спать в моей комнате?

— Думаю, да. — Она устало вздыхает и коротко обнимает меня.

У нее новые духи, третий раз за месяц, и пахнет она теперь странно, как загорелые леди в

«Дженнерсе».

— Только папе не говори.

— Хорошо, — соглашаюсь я и захожу внутрь, в тишину.

В своей комнате я долго лежу без сна. Руби лежит рядом, дергает лапами и тявкает, ей снятся какие-то собачьи сны.

В принципе это логично. Раз собаки не попадают в рай, значит, они просто остаются здесь, когда умирают, и их должно становиться все больше и больше. Толпы. Везде. Я вспоминаю всех собак, которых видел в жизни. А если каждая из них становится призраком? И что будет есть такая куча собак-призраков? Я решаю, что есть они могут разве что друг друга.

Тогда некоторые из них будут становиться больше и сильнее, как в «Горце». Когда я думаю об этом, я весь становлюсь липкий, как в тот раз, когда я нашел в саду мертвую птицу, кишащую белыми червями.

Бульканье труб в новом доме похоже на собачье рычание, и я вдруг понимаю, что мне нужно пописать. А если в комнате сидит призрачный пес и только и ждет, пока я встану? Но дыхание Руби и собачий запах внушают мне ощущение безопасности. Она бы наверняка знала. Так что

я встаю, осторожно, чтобы не разбудить ее. Если вставать по ночам, она думает, что уже утро, и просится на улицу играть.

Я решаю воспользоваться туалетом в прачечной, чтобы не ходить мимо спальни. Спускаюсь по узкой лестнице. Доски под толстым ковром скрипят, как резиновые игрушки Руби.

В прачечной жарко и пахнет бельем, которое мама повесила на сушилку под потолком. В углу гудит бойлер. Мама не любит, когда мы ходим сюда писать, говорит, что мы разносим микробов по всему дому, но с пустым мочевым пузырем призрачные псы уже не так страшны.

Я открываю кран, чтобы помыть руки, и что-то смыкается на моей правой кисти.

Это похоже на собачью хватку, холодные зубы впиваются в тело. Больно. Из раковины доносится сырой густой запах канализации. Я пытаюсь отдернуть руку.

Призрачные челюсти крепко сжимаются. Зубы скрежещут по костям запястья. Я кричу.

Сквозь боль я вижу мокрую черную собаку. Ее ярко-зеленые глаза смотрят на меня из зеркала.

Где-то далеко хлопает дверь. Потом загорается свет и появляется мама.

— Саймон, — говорит она, моргая на свету. В

волосах у нее бигуди, и голова похожа на клумбу. — Что ты здесь делаешь?

Холодная боль из запястья перебирается куда-то под ложечку и выливается слезами.

— Да что с тобой не так? — Мама хватает меня за руку, прямо там, где были собачьи зубы. Суставы ее костлявой руки белеют под канарским загаром. — Ну что вот с тобой делать?

Я смотрю ей в глаза, вижу в них отблеск зелени и вдруг понимаю, куда делась собака-призрак. Она тащит меня по лестнице в мою комнату и почти бросает обратно в кровать.

— Выгони эту псину из комнаты, она грязная. Руби, вон! Немедленно!

Руби встает и трясет головой, хлопая ушами. Спускается по лестнице, поджав хвост. Мама захлопывает за собой дверь.

Я сворачиваюсь под одеялом, боль все еще пульсирует в запястье. Я пытаюсь найти место, нагретое Руби, но оно скоро остывает. В стенах булькают и лают трубы.

На следующий день в школе я чувствую себя очень усталым. Мел мистера Ганна царапает доску с таким звуком, как будто тявкает маленькая белая собачка.

После школы я веду Принцессу и Руби гулять,

просто чтобы уйти из дома. Они тянут изо всех сил — точнее, Руби тянет, Принцесса слишком величава для этого. Я позволяю им выбирать дорогу, просто иду и дышу, не думая, и смотрю на белые отметины на руке. Они все еще болят.

Я слишком поздно понимаю, куда меня ведут собаки.

Они втроем сидят на скамейке между китайской прачечной и магазином «Скоттмид». Собачий мальчик прислонился к фонарю немного поодаль и курит. Они смотрят на него с каким-то тихим благоговением. Принцесса и Руби тянут меня, чтобы посмотреть на них.

— Нельзя, — пытаюсь возразить я и дергаю поводок так, что у Руби глаза лезут из орбит, но мне не хватает сил. И все равно уже слишком поздно.

Самый большой из всех троих встает, отбрасывает фантик и лениво подходит ко мне. Белое рыхлое тело едва влезает в спортивный костюм. Из-за толстой шеи он похож на бульдога.

— Это кто тут у нас? — Он что-то жует, и рыхлые белые щеки трясутся.

На мгновение холодная тяжесть снова поселяется в кишечнике и мочевом пузыре.

— Я хочу поговорить с Собачьим мальчиком.

— Собачий мальчик разговаривает только с

псами. Ты что, пес? — Он садится на корточки и все равно остается выше меня. На подбородке у него уродливый прыщ, похожий на маленький белый глаз. — Ну так полай тогда, а?

Он улыбается, и зубы у него испачканы шоколадом.

Я вдруг злюсь. Он ведь не призрачный пес, а просто толстый пацан.

— Руби, — шепотом говорю я, — голос!

Руби взрывается сердитым лаем. Правда, ее это очень радует, и она изо всех сил бьет хвостом. Но мальчик-бульдог этого, конечно, не понимает и почти падает на задницу. Принцесса тоже лает, коротко и деликатно, как будто кого-то отчитывает.

— Ну ты и псих, — кричит другой парень, скорчившийся на скамейке. Лицо его скрывает кепка. — Отвали от него, Чесотка.

Лицо мальчика-бульдога краснеет. Он сжимает кулаки, но не осмеливается пошевелиться или оторвать взгляд от собак.

— Хватит, — говорит Собачий мальчик и подходит к нам. Наклоняется и чешет Руби между ушами. Он улыбается: — Хорошо лаешь, хорошая девочка.

От него пахнет табачным дымом, но Руби, ка-

жется, нет до этого дела. Затем он смотрит на меня, и я понимаю, что глаза у него — карие, с золотыми крапинками — вовсе не собачьи. Глаза у него волчьи.

— Совсем плохо, да? — Он смотрит на мою руку.

Я киваю.

— Всегда есть вожак. Главная собака. Ищи ее и с ней разбирайся. Если переглядишь пса, ты будешь главный. Вот как от них избавиться.

— Типа как у вампиров?

— Да, как у вампиров.

— А как мне найти вожака?

Принцесса виляет хвостом Собачьему мальчику, и он смотрит на нее странным, грустным взглядом.

— Они любят воду, как все дикие звери.

Я не хочу снова идти в прачечную, и это, должно быть, написано у меня на лице.

— Эй, — говорит Собачий мальчик, — я ведь знаю, каково это. Мне никто не говорил, как от них избавиться, а ты сможешь. Окей? — Он слегка сжимает мне руку, пальцы у него липкие и потные, но это явно дружеский жест. — Хороший мальчик.

Затем его глаза снова становятся волчьими. Он

оборачивается и горбится.

— Парни! — коротко рявкает он. — А ну поднимайте задницы.

Он поднимает выломанный кусок брусчатки и швыряет прямо в окно «Скоттмида». Срабатывает сигнализация, и вся компания вскакивает и убегает, радостно крича.

Когда я прихожу домой, папа сидит на диване в гостиной. Спортивная сумка все еще валяется под ногами, воротник поло расстегнут, руки лежат на коленях.

— Привет, — говорит он. Я обнимаю его, и он неловко похлопывает меня по спине.

От папы пахнет, как всегда после спортзала, гелем для душа. За правым ухом виднеется клочок пены для бритья. Но от него пахнет чем-то еще, и довольно сильно, и лицо у него покраснело. Руби исполняет приветственный танец и гоняется за хвостом, а Принцесса приносит ему свою кость и кладет на колени. Он улыбается, но совсем чуть-чуть, как будто на мгновение приоткрывается дверь.

— Ты курил?

Я качаю головой.

— От тебя так пахнет, как будто ты три пачки в день высаживаешь.

— А ты бы больше сыном интересовался, — встревает мама. Она босиком, в пижамных штанах и футболке. Я уверен, что она сидела дома весь день, смотрела телик. Она выглядит бледной и сердитой.

Папа сглатывает, сжимает зубы. У него на руках растут черные волосы, и он становится немного похож на Собачьего мальчика. Или Волчьего?

— А мной никто не интересуется, — тихо говорит он.

В его голосе звучат какие-то нотки, от которых у меня снова болит запястье.

— Нет, — говорит мама. — На кухне что-то осталось.

Она не смотрит ему в глаза и уходит наверх. Папа встает так внезапно, что Руби и Принцесса оживляются и поднимают уши.

— Что смотришь? — говорит он. — Тебе что, ничего не задали?

Он пинком отбрасывает спортивную сумку и уходит на улицу.

Сидя на кухне в одиночестве, я съедаю кусок холодной пиццы и решаю, что призрачные псы должны убраться из этого дома.

Я долго лежу без сна, пока не убеждаюсь, что мама и папа заснули. Бодрствовать нетрудно. В

звуках труб теперь слышится ритм, будто меня ждут.

Наконец я встаю и спускаюсь вниз. Под веками мечутся ярко-фиолетовые полосы — от света настольной лампы. Принцесса и Руби идут за мной, цокая когтями.

Я прокрадываюсь мимо папы: он опять спит на диване, накрывшись любимым клетчатым пледом, край которого Руби обгрызла в детстве. Может быть, так призрачные псы обходятся с людьми? Жуют их с краю, пока люди не истончаются и не исчезают?

Папа глубоко и хрипло вздыхает и ворочается. Руби вдруг решает, что пора гулять, и собирается толкнуть его носом, но я успеваю схватить ее за ошейник.

— Тихо.

Она смущенно оглядывается на меня. Принцесса шествует мимо, направляясь в прачечную, и мы идем за ней.

Там жарко и душно. Мигает лампочка стиральной машины, а ее дверца похожа на огромный темный глаз.

Я закрываю за собой дверь. Почти совсем темно, только в маленьком окне под потолком видна полоска летнего ночного неба. Я наступаю в лужу

воды на полу и тихо вскрикиваю, ощутив внезапный холод под босыми ногами. Когда глаза привыкают к темноте, я вижу две зеленые точки. Передо мной стоит собака-призрак.

Я думал, что она будет выглядеть как привидение. Будет прозрачная, как на компьютере нарисованная. Но нет. Ужасно плотная настоящая собака, немецкая овчарка с лохматой черно-коричневой шерстью. Мокрая насквозь. Лужа на полу натекла с ее спины и носа. Руби и Принцесса по-щенячьи визжат и отступают мне за спину, прижимая уши. Внутри расползается страх, и я щелкаю выключателем. Свет мерцает тускло-оранжевым и гаснет. Следы зубов на запястье вдруг вспыхивают болью, и я прикусываю язык, чтобы не закричать.

В темноте видны и другие фигуры, другие призрачные псы, они двигаются внутри стены, как будто под одеялом. Они все разные. Морда терьера, силуэт таксы. Они наблюдают за нами. Но только черная собака имеет значение.

Сердце сжимается под ребрами. В носу стоит запах мокрой псины. «Собака маленькая», — говорит этот запах. «Сдавайся», — говорят глаза. Я погружаю пальцы в шерсть на загривке Руби, но она скулит и пятится, рычит, как сердитый ще-

нок. Глаза у черной собаки — как фары дальнего света, и она идет прямо на меня. Кажется, что кто-то заставляет меня глотать. Рот наполняется грязной, будто из унитаза, водой, и вместе с ней приходят злобные мысли призрачного пса. «Что они делают они меня больше не любят а надо просто взять спички и сделать тепло»…

Принцесса рычит. Она бросается на призрачного пса и хватает его за горло. Пес почти не двигается, но Принцесса отлетает в сторону, как мешок с костями, и сползает по стене. Она коротко взвизгивает от боли и затихает. Руби тихонько скулит у меня за спиной.

У меня нет времени расстраиваться. Голова проясняется, и я смотрю на призрачного пса так же, как смотрел на мальчика-бульдога. Он издает сердитый звук, похожий на урчание двигателя. Я чувствую его в стене и полу. Но потом я слышу ответное рычание и не сразу понимаю, что оно исходит из моей груди.

Глаза снова смотрят на меня, но теперь я готов. На этот раз я сам слушаю мысли призрачного пса.

«Холодно пить мокро где хозяин где стая есть сильно сильный в темноте но холодно внутри тепло впусти…»

На мгновение мне становится жаль его. Потом я думаю о папе, о тишине на кухне, о Принцессе, злость возвращается и делает меня сильным.

Я подхожу к нему и хватаю за шкирку. Шкура кажется мокрой и маслянистой, но я держу его за шкирку, как его мамка, трясу его и смотрю прямо в глаза. Он опускает уши и хвост. Потом перекатывается на спину и подставляет горло. Собаки в стене вокруг нас грустно воют.

Я тихонько свищу, и они выходят из стен и окружают меня. Моя стая. Мы идем по мокрому дому, оставляя за собой цепочку мокрых следов. Старая кость Принцессы лежит на полу рядом с телевизором, и я беру ее с собой.

Я открываю садовую дверь и изо всех сил бросаю кость. Она летит в холодное утреннее небо, и все призрачные псы бегут за ней. Лавина темных мокрых собак несется по двору, их радость безумна и дика, и мне становится грустно, когда я закрываю за ними дверь.

А потом я вспоминаю про Принцессу.

В прачечной теперь нет ничего страшного, просто душный чулан со свисающим с потолка бельем. Но Принцесса так и лежит рядом с лужей. Шкурка еще теплая, но Принцесса уже не дышит. Руби тычет ее носом и скулит.

Утром мы хороним ее на клумбе.

— Принцесса была хорошей собакой, — говорит папа, опираясь на лопату. Потом грязной рукой вытирает пот с лица и прижимает меня к себе. От него пахнет солнцем и потом, и он смотрит мне в глаза: — Не забывай ее, Саймон. Тогда она не умрет окончательно.

Я как будто вижу ее, старую и мудрую, в папиных глазах. И понимаю, что Собачий мальчик ошибался насчет призрачных псов.

Мама плачет, хотя и пытается сдерживаться, а папа неуклюже гладит ее по спине. Она вздрагивает, но не отстраняется.

— Наверное, нужно опять посадить тут цветы. Ладно вам. Давайте лучше чаю попьем.

Мы сидим вместе за кухонным столом, печенье высохло и рассыпается крошками, но мне все равно.

В саду играет Руби.

Покрывало из змей

Был канун Дня Всех Святых, когда мы с Маркку пошли в церковь в последний раз.

Я нашел Маркку у телевизора в памперсном доме. Это Маркку называл дом памперсным. Он носил подгузник уже больше года и говорил, что это против человеческой природы. Характер его это не улучшило.

Маркку сидел в кресле-качалке и смотрел «Колесо фортуны». Звук был выкручен на максимум, вероятно, потому, что в углу опять тихонько блеяла бабуля Руусканен. Разум то покидал ее, то снова возвращался. По крайней мере, на этот раз она не приняла меня за своего сына.

Я кашлянул. Маркку подпрыгнул, посмотрел на меня и кивнул.

— Ну что, ты едешь в этом году?

Маркку выглядел не очень хорошо. Небритый, кожа покрылась какими-то пятнами, на щеке большой свежий прыщ.

Он выглядел совсем как папа.

— Да, конечно. Конечно.

— Хорошо, тогда пойдем. Тебе не нужно в туа-

лет?

— Не, я только что сходил.

— Точно? На кладбище туалета нет.

— Точно, — заявил Маркку, взял трость и выбрался из кресла. — Нельзя заставлять родственников ждать. Это неправильно.

— Ну да, — согласился я.

Маркку ухмыльнулся. Ухмылка вышла кривая: инсульт парализовал правую половину его лица.

— Помнишь, однажды мы опоздали?

— Конечно.

— Папа тогда торопился. Где он нашел того цыгана?

— Папа знал, что делал. Ладно, давай обувайся. Нам пора.

Маркку растерянно огляделся, и я понял, что минуло ровно пятьдесят лет с того октября, как папа притащил в семью цыгана с болота Рапа и Маркку пришлось бить его ломом по голове, когда он пытался сбежать.

— И куда мы едем? — спросил Маркку.

— В церковь. На семейную встречу, — сообщил я и взял Маркку за локоть.

Маркку захотел сесть за руль. Я его не пустил.

— Ну хоть сигарету дай, — попросил он. — Почему мой брат должен меня возить, *saatana!* Я

вполне способен сам сесть за руль.

Я знал, что Маркку будет капризничать, поэтому протянул ему пачку *Marlboro* и поджег одну из сигарет своей *Zippo*.

— Так, и что у нас в этом году? — После первых нескольких затяжек Маркку смягчился. — У нас были проблемы еще до того, как ты засунул меня в памперсный дом.

Я завел двигатель и указал на большой пластиковый мешок в кузове.

— Да так, мелочь, — сказал я. Ложь была горькой на вкус. — Вроде бы из Сомали. Нашел его в канаве без сознания, летом. Держал в подвале и кормил. Чуть не отдал собаке.

— Ты уверен, что он язычник? — спросил Маркку.

— Абсолютно.

— Вот и хорошо. Значит, ты все-таки нашел в себе силы.

— Кто-то должен это сделать, — сказал я. — Молодежи плевать.

Фестиваль танго в Сейняйоки начался неделю назад, поэтому я включил радио. Рейо Тайпале пел о волшебной стране.

— Плевать, — согласился Маркку и закурил еще одну сигарету.

Мы ехали молча. Солнце почти село.

На кладбище было тихо. Деревянные стены церкви уже начали облезать. На башне почти не осталось красной охры.

Мы остановились перед воротами, и я помог Маркку выйти. Потом мы пошли за мешком. Он слегка шевелился — как и должно было быть.

— В нем еще осталось немного жизни, — усмехнулся Маркку. Возможность выбраться из дома престарелых его взбодрила. Мешок был тяжелый: мы оба так запыхались, что уже не могли говорить.

— Разумеется, — выдохнул я и пошел за тачкой, которую кто-то прислонил к каменной ограде кладбища. Когда мы загрузили на нее мешок, я открыл ворота папиным старым ключом.

Кладбищенский воздух холодил вспотевшее лицо. Тут было куда прохладнее, чем в доме престарелых. Тачку мы толкали вместе, Маркку за одну ручку, я за другую. У Маркку во рту так и торчала горящая сигарета.

Я посмотрел на него, и воспоминание словно куснуло меня острыми гадючьими зубами.

Маркку было двенадцать, а мне десять, когда папа взял нас с собой в первый раз. Лошадиные бока дымились на морозе, а я все смотрел на

большой джутовый мешок в телеге. Я думал, что папа положил туда котят. Наша кошка производила их как маленькая меховая фабрика, и нам приходилось топить их в реке — никто во всем городе не взял бы у нас котенка.

Мы остановились у церкви. Папа поправил бесформенную кепку, закурил трубку и похлопал лошадь по шее.

— Мальчики, — сказал он, глядя на нас серьезнее, чем когда-либо, — вы знаете, куда деваются мертвые?

— На небо, — сказал я.

Папа хрипло рассмеялся и сплюнул на снег, испачкав белизну под ногами коричневым.

— И откуда ты это знаешь?

— Из школы, — неуверенно ответил я.

Папа посасывал трубку и смотрел на кладбище, слегка улыбаясь.

— Маркку, что о нас говорят в городе? — вдруг спросил он.

— Что мы поклоняемся сатане, — тихо сказал Маркку. — Всегда смотрят, как будто боятся. Всегда дорогу уступают. Никогда не просят подвезти.

Я вспомнил, как Ниило Лиикайнен назвал меня язычником, когда мы подрались в школе на

перемене, и как Маркку ударил его так сильно, что выбил передний зуб, а кровь из носа у Ниило текла до конца дня.

— Вам следует знать, мальчики, — медленно сказал папа, — что Хурмы — древний и гордый род. Мы всегда жили на этой земле. Среди нас были богачи и бедняки, ведьмы и святоши. Но люди всегда боялись нас. В дурные годы они выслеживали нас и сжигали заживо. Но им никогда не удавалось нас прогнать. А если и удавалось, то мы всегда возвращались.

— Почему? — спросил я и тут же прикусил язык. Но папа посмотрел на меня и кивнул.

— Почему? — повторил я. — Почему мы возвращались, если нам здесь было так плохо?

Глаза папы снова вспыхнули огнем.

— Потому что здесь живет наша прародительница, — сказал он.

Лошадь заржала от страха. А потом мы увидели, как наша семья выходит из-под земли.

Я курил, пока мы ждали. Было тихо. Ветки деревьев чуть потрескивали на ветру, деревья качались, как тонкие пальцы. Мы сидели на могильном камне и просто ждали.

Семья из-под земли явилась безмолвно, и их шаги не тревожили опавших листьев. Они шли

мимо нас в церковь, мужчины, женщины и дети. Первым прошел воин в кольчуге, со сломанным мечом и окровавленными руками. Он посмотрел на нас глазами, ставшими грязью, и узнал нас.

Папа в плотно надвинутой кепке шел последним. Мы помахали ему, когда он проходил мимо. И вот настала наша очередь войти в церковь.

Маркку пришлось принять нитроглицерин, когда мы несли мешок вверх по каменной лестнице. Его лицо стало свекольно-красным.

— Мотор подводит, — выдохнул он.

— А им какое дело. — Я посмотрел на него так злобно, что он побежал по лестнице так, будто был вдвое моложе.

Семья молча ждала в церкви. Я не забыл, что нужно снять шляпу, закрыл за собой дверь и взял молитвенник с полки у входа. Мы с Маркку сидели в одном из первых рядов, рядом с папой. Я огляделся, ища знакомые лица. Их было много. Серокожие, с пустыми глазами, потемневшие. Наша семья.

На этом же кладбище пятьдесят лет назад папа рассказал нам о дочери Туони.

В древние времена жил человек, который отправился в Туонелу, страну мертвых.

Он искал силы и слов на земле, что за черной

рекой, в доме, что стоит на темном холме. И дочь Туони перевела его через реку, привела живого человека в дом мертвых, ибо он назвал ее прекрасной, и никогда раньше она не слышала таких слов от мужчины. Но в Туони не нашлось слов для этого человека, и он ушел, превратившись в змею, проскользнул сквозь железную сеть в реке.

И дочь Туони последовала за ним.

Она вышла из тьмы и бледной рукой с острыми когтями прорыла себе путь к поверхности земли. Но мудрец уже ушел, и никто не знал куда. Говорили, что за море.

И воин по имени Хурмеринта Кровавый Орел увидел, как дочь Туони плачет на поле боя. От вида ее у него закипела кровь, и он взял ее прямо на мертвых телах, и ее девственная кровь пролилась.

От нее и пошли мы, рыжеволосые Хурмы, внуки Туони, дважды рожденные.

Она живет теперь под церковью, дочь Туони, черные черви извиваются в ее волосах, когти ее стали хладным железом, она вскармливает своих детей соками земли.

И вся семья спит на коленях у Туони-прародительницы.

Ждет пира в День Всех Святых.

Мы запели. В семейных гимнах много слов, старых и страшных. Мы пели о рождении крови, и о рождении железа, и не только.

Жили три девы,
Три девы-невесты,
Отдали свое молоко земле,
И земля пила из их грудей.
У одной было черное молоко,
У второй – белое молоко.
А у третьей из груди текла кровь.

Когда песня закончилась, семья встала вся разом. В церкви сильно запахло землей. Явилась дочь Туони.

Она раздвинула половицы и встала. Она стала выше, ее волосы казались плетьми — или сухими березовыми ветками, черными и спутанными. Я не смел взглянуть ей в лицо. Бледное и худое тело покрывали грязь и древесные корни. Она стала выше, и я испугался.

Но потом я вспомнил Маркетту и слова, которые я узнал.

Я держал Маркетту за руку, когда она умира-

ла. Рука осталась теплой даже после того, как Маркетта перестала дышать и закрыла глаза. А сил в этой руке давно оставалось так мало, что никакой разницы в пожатии я не заметил.

— Не забывай молиться, — сказала она, засыпая в последний раз. Хорошо, что она ушла во сне, пусть я и не смог попрощаться. Но мы прощались уже много месяцев, так что, возможно, говорить вслух уже было не нужно.

— Так ей лучше, — сказал врач.

Лучше, чем что? Лучше, чем то, что было у нас? Лучше, чем времена, когда мы были молоды? Маркетта была такой красоткой, что у меня сердце останавливалось, носила черный платок и говорила о Боге и Иисусе, но всегда с огоньком в глазах, намекавшим на забавы на сеновале.

И я знал, что ее ждет. Дом на черном холме. Неужели там будет лучше? Лучше, чем здесь, под ярким солнцем?

Однажды я рассказал Маркетте о семье. Точнее, попытался. Она просто рассмеялась и сказала, что папа был сумасшедшим язычником и превратил своих сыновей в сумасшедших язычников. И что меня к ней привел сам Господь — ее собственного безумного язычника, которого следовало обратить в христианскую веру.

Больше мы об этом не говорили.

В конце концов ее рука начала холодеть. Я сжал ее сильнее, мечтая, чтобы холод охватил и меня. Чтобы он влился в мои вены и дошел до сердца и чтобы мы вдвоем лежали под покрывалом из змей и только смеялись в ответ на укусы.

Тогда я понял, что нужно сделать.

Маркку сжал мою руку.

— Мне пора идти, — сказал он, — мать ждет.

Я смотрел, как Маркку идет между скамей и как семья шепчется вокруг него. Папа посмотрел на меня и улыбнулся серой улыбкой. Хотел бы я сказать ему, что собираюсь делать, но он не понял бы меня. Его мысли теперь были мыслями семьи, мысли обитали там, куда я не хотел, в холодной кладбищенской земле, в месте между небом и адом.

Дочь Туони приложила Маркку к груди. Мой брат встал на колени у алтаря и словно утонул в ее волосах, а я вспомнил, как это было. Вспомнил холодную черную грудь, запах земли, горькую темную кровь в горле.

Маркку не оставил ни капли крови. Он уснул в объятиях дочери Туони. Крючковатые пальцы гладили его волосы. Наконец он встал и прошел обратно на свое место, без всяких усилий, без

трости. Шепот вокруг него стал довольным, и я знал, что на следующее утро Маркку будет сидеть на том же месте, бледный и холодный. И я тихо похороню его в углу кладбища. Он сел рядом со мной и зашептал что-то папе. Я стал для него тенью, теплым призраком живого мира.

И семья снова затихла, ожидая. Я встал и закинул на плечо мешок. Он по-прежнему был тяжел, но сила крови пробудилась во мне, и я легко понес его к алтарю.

Стоял сентябрь, когда я сжег Маркетту и развеял ее прах. Ее унес северный ветер.

Я снова заплакал, сам себе удивляясь: я думал, что у меня не осталось слез.

Потом я ушел в лес. Я шел, пока не стемнело, я шел, пока меня не сморил сон или пока я не проснулся, не знаю. Холод руки Маркетты жил в моем разуме и моем сердце, и он вел меня все дальше и дальше в лес.

Я наткнулся на черную реку, глубокую и широкую. На другом берегу высился темный холм, на котором стоял покосившийся дом, и внутри он был больше, чем снаружи. Из-за реки доносились тихие стоны.

На берегу меня ждала женщина. Ее волосы были темнее, чем речная вода, а платье струилось

черным бархатом. Гордое красивое лицо искажала печаль. Я знал, что это лицо матери.

— Что привело тебя сюда, седовласый воин? — спросила она. — Железо? Вода? Огонь?

— Меня привело сюда горе, — ответил я. — Ты переведешь меня через реку?

— Горе не переносит через реку, горе не приводит человека в Туони. Только один человек пришел, не умерев, и этого достало. У меня больше нет дочерей, которых можно украсть.

Она замолчала и коснулась моей щеки, и ее рука была холодна. В ее глазах жили железо, огонь и кровь. И что-то куда древнее их.

— Ты из моего рода, теплый человек, — сказала она.

— Я из твоего рода, но не хочу этого.

Я встал перед дочерью Туони в церкви. Ее глаза были красны как кровь, губы черны, а лицо бело как кость. И я больше не боялся.

Я поставил мешок на пол и увидел голод в ее глазах.

— Посмотри, моя прародительница, прекрасная дочь Туони, что я принес тебе, — сказал я и открыл мешок.

Змеиное шипение наполнило церковь.

Я ловил их своими руками и кормил, и теперь

они были здесь, черви Туони, острозубые гадюки. Они хлынули черной рекой и захлестнули дочь Туони, поползли по ее рукам, накрыли ее шипящим, извивающимся покрывалом. Она закричала, и этот яростный визг пронзил меня до костей. Но я забыл о боли и произнес слова, которые мне дали.

Говорит Туонетар, добрая мать:

Моя старая спина устала, мои руки ослабли,

Я не могу мертвых через реку переправить,

Не могу плести покрывала в своем доме.

Вернись ко мне, дочь моя,

Вернись в мой темный дом,

Приходи и перейди реку,

Стань утехой своей матери.

Я говорил и другие слова. Я говорил о рождении железа, о рождении огня и крови. Но есть и то, что старше их — рождение червя, рождение Туони, рождение смерти. И это я приберег напоследок.

Когда семья увидела покрывало из змей и боль дочери Туони, они стали страшно кричать. Они

вставали и бросались к алтарю, чтобы отбросить змей, но стоило серым рукам прикоснуться к гадюкам, как те начинали кусаться, и жгучий яд Туони вливался в жилы семьи, а я стоял и смотрел. Огонь вспыхнул в их глазах, и огненные слезы потекли по лицам, пожирая их. Маркку и папа смотрели на меня, держа в руках змей.

— Простите, — сказал я. — Но вам пора домой. Там не может быть так уж плохо, раз там Маркетта. А другой семьи, кроме нее, мне не надо.

В их глазах была такая ненависть, что мне пришлось отвернуться. Я убежал и захлопнул за собой двери церкви.

Пламя Туони сожрало семью, перекинулось на деревянные стены и потолок и взбесилось. Церковь горела долго, я сидел на могильном камне и слушал крики семьи внутри. Я больше не плакал, разве что от дыма текли слезы, но это разве слезы?

Сейчас я живу в памперсном доме, хотя пока не ношу подгузник. Я сам сюда записался — мне больше некуда было идти. Здесь не так уж и плохо. Иногда я могу покурить, пока медсестры не видят.

Иногда я вижу лица некрещеных, которых мы отдали дочери Туони, и горюю. Но если им есть

что сказать мне, они скажут это в темном доме.

И я знаю, что Маркетта тоже ждет там. Ждет меня и плетет покрывало из змей.

Влюбленный Париж

Туда Антти отправила, разумеется, мать.

— Тебе нужно немного шика. Посмотри на свои руки и резиновые сапоги, так ты никогда не найдешь себе жену.

Он ей не поверил, но все равно поехал. И вскоре уже вышел из автобуса в Бове и увидел самый красивый город в мире. Антти этого не знал, но Париж посмотрел на него: на грязные соломенно-желтые волосы, грубые ботинки, клетчатую рубашку и джинсы, на сорокалетнее румяное лицо; и влюбился.

Сначала Париж просто кокетничал с ним, скромно, как придворная дама, которая намекает, что под длинной юбкой у нее есть щиколотки. Антти увидел резной камень, кованые балконы, шумные набережные. После поездки в душном автобусе игривый ливень освежил его. Везде пахло свежим хлебом. Круассаны и эклеры продавались на каждом углу. Мимо пробегали элегантные женщины, оставляя после себя шлейф разнообразных парфюмов. А вот ни единой собачьей какашки не было.

Толпа протащила его мимо маленького хостела, который забронировала мать, и унесла к «Ритцу» на Вандомской площади. Не понимая, как лучше, он принял ключи от снятого на неделю императорского люкса от консьержа с карандашными усами (на самом деле, консьерж принял его за гонщика «Формулы-1»).

На следующий день город слегка накрасился для первого свидания. Он привел Антти в Лувр сразу после восхода. В воздухе парила дымка, и свет лился сквозь стекло пирамиды, как прекрасное шардоне. Будто случайно он миновал очередь и вошел в Львиные ворота, пока искал туалет. То и дело моргая, он прошел по Галерее Аполлона. Золото и картины были как целое море красоты, в котором он тонул. Он поднял *N95*, чтобы сделать несколько снимков для матери, но это было слишком.

Париж улыбнулся ему своей самой кокетливой улыбкой — в крыле Денон, где хранится самая знаменитая из улыбок, — но Антти даже не заметил. Измученный и растерянный, он выбрался из бесконечных коридоров и сел за столик рядом со статуями на балконе кафе Лувра. Он увидел человека с серьезным лицом, в котором сразу же опознал еще одного финна, пытавшегося читать

путеводитель.

Сакари был полицейским и приехал в отпуск. Выглядел он так, будто вся тяжесть мира давила ему на плечи, а в его впалых щеках было что-то дикое. Но Антти очень обрадовался компании земляка в этом странном месте. Слово за слово, и они решили выпить стаканчик-другой, сначала в баре «Харрис», потом в баре «Хэмингуэй» в «Ритце». Удивительно быстро они пришли в состояние нормального финского опьянения с той особой остротой, которую ему придает пребывание за границей: все, что казалось хотя бы чуть-чуть иностранным или незнакомым, немедленно удостаивалось сотен *perkele* и *saatana*.

Это Сакари придумал пойти смотреть на девиц в «Крейзи Хорс». Позднее Антти вспоминал женщин, одетых только в разноцветные огни. Напрасно он пытался помешать Сакари залезть на сцену и пощупать девушку в удивительно открытой военной форме.

Потом вдруг каким-то образом прошло несколько часов, и они с Сакари зачем-то боролись в Люксембургском саду, рядом с прудом. Дети в маленьких лодочках кричали от восторга, но влюбленные (а с ними и Париж), которые сидели на оливковых металлических стульях, смотрели

укоризненно. Когда Сакари швырнул Антти в пруд, сымпровизировав полный нельсон, явился жандарм и решительно выпроводил их из сада.

В метро Антти заснул, слушая задушевную песню «Пинк Флойд» в исполнении гитариста. Сакари разозлился, что никто не смотрит ему в глаза, и вышел на неправильной остановке. Антти больше никогда его не видел.

На следующий день Париж наконец явился Антти в образе женщины. Она попросила прикурить на берегу Сены. Она была прекрасна, даже несмотря на похмелье: ноги ее были подобны аркам Пон-Нёф, нос был так же прям и совершенен, как обелиск на площади Согласия. Ее улыбка была похожа на ту, знаменитую, которую он видел в Лувре. И он наконец улыбнулся в ответ.

Они не знали ни одного общего языка, но это, казалось, не имело значения. Они смотрели на речные суденышки с моста Искусств и играли в петанк на горячем песке Арен Лютеции. Когда она засмеялась при виде таксы, с плеском обрушившейся в Сену, у него подпрыгнуло сердце.

Ночью они занимались любовью в его люксе, и все десять тысяч огней Эйфелевой башни пробегали по ней вверх и вниз, будто небесный бенгальский огонь.

А утром он посмотрел на ее спящую фигуру, идеально подходящую к ее телу, и в его сердце поднялся знакомый ужас: тот, что преследует мужчин Похьянмаа и говорит, что где-то есть конец пьянству и тяжелой работе. Он тихо, чтобы не разбудить ее, собрал вещи и сел на автобус до Бове. Когда самолет улетел из Франции, Антти ощутил странную смесь тоски и свободы.

Гнев проснувшегося Парижа был ужасен. Позже полиция спорила, как именно начались беспорядки и кто поджег сотни автомобилей. Но ведь дело происходило в Париже — кто же это мог быть, как не отвергнутая женщина?

Антти не удалось уехать из Парижа насовсем. Она снилась ему в спальне старого дома в Похьянмаа. Каждое утро он просыпался и не сразу открывал глаза, боясь холода половиц и зная, что мир снаружи не сулит ему ласки. Там были только холодные блики серого неба и угрюмая желтизна полей.

В одно сентябрьское утро, в самом начале осени, он спал даже дольше обычного, и ему снились боа из перьев, лилипут, жонглирующий бензопилами, и женские тела, одетые в свет. И вдруг французский сон будто выплеснулся наружу, в холодный воздух. С улицы раздались крики,

кто-то заколотил в дверь.

За дверью стояли девушки из «Крейзи Хорс», прямо в лужах грязи, на тонком льду. Их нежные тела покрывали мурашки, они дрожали, закрывая руками одинаковые грудки, похожие на птенцов. Стуча зубами, они что-то твердили по-французски, потом стали махать руками. Перья у них на головах походили на осенний лес.

А на полях его фермы, прямо рядом с амбарами, стояли здания, похожие на вышедшие из утреннего тумана каменные корабли, украшенные статуями, сверкающие золотом.

Он затопил сауну для девушек и, покраснев, вежливо отказался, когда они пригласили его с собой. Отвез их в город на своей старой потрепанной «Мазде», по трое или четверо за раз. Позже Антти узнал, что они объединились с группой звезд саамского рэпа и отправились на гастроли на север, в Рованиеми, где успешно адаптировали свои номера к более холодному климату. Для этого им пришлось добавить в свой скудный гардероб оленьи шкуры.

Отвезя последних девиц, он вернулся и уставился на французское наследие на своих полях. Он увидел Дом Инвалидов и Оперу Гарнье и, разумеется, кабаре «Крейзи Хорс». Они валялись там,

как выброшенные корки от камамбера. Осколки Парижа, которые снились ему холодными ночами.

На следующее утро он заглянул в книжный магазин на Монмартре, который ему так понравился, и в кондитерскую Пьера на улице Риволи, а еще через день — в Лувр. Они появились на полях Антти из ниоткуда, словно летающие тарелки в стиле барокко, как будто всегда стояли на плоской земле под серым небом. Вскоре они заняли все поля Антти. Его дом еле втиснулся между Пантеоном и Нотр-Дамом.

Париж привел с собой людей. Дрожащие мимы бродили по улицам Оулайнена, пытаясь заработать на чашку горького финского кофе. Юные влюбленные мерзли в скромных сентябрьских сугробах, но не сдавались.

Однажды утром Антти проснулся от тихого нашествия паркурщиков, один из которых свалился через крышу ему на голову. Он заботился о заблудших парижанах, как мог, соорудил из своего сарая временное убежище.

Тем не менее ситуация была не лишена плюсов. Он отвел мать в бутик «Луи Виттон», и они выпили кофе в кафе, которое твердо намеревалось продолжать работу, несмотря на то что клиенту-

ра теперь состояла из Антти и его друзей, которые часто бывали на ближайшей заправке.

Мать Антти смотрела на ранний осенний закат, горевший красным и золотым над крышами и лишенными рек мостами Парижа. Она коснулась его щеки с тихой гордостью, и в ее глазах заблестели слезы.

Наконец что-то заметили и власти. Поскольку вся Франция разъезжается в отпуск до конца сентября, от внимания парижан происходящее ускользнуло. Чего-то не досчитавшись, французы обвиняли «Аль-Каиду», инопланетян или безумный научный эксперимент «Нокиа» — в зависимости от дня недели. Антти угрюмо наблюдал, как финская армия осторожно продвигается в сердце Парижа. Когда вмешалась градостроительная комиссия ЕС, он понял, что пора действовать.

На следующее утро Антти вышел на улицу еще до рассвета, встал на крыльце своего дома и пожалел, что у Парижа не было лица, в которое он мог бы посмотреть. В результате он уставился в мозаичное окно Нотр-Дама. Никогда не утихающие ветры Похьянмаа обдували башни собора мягко, как будто говорили о любви.

— Дело не в тебе, дело во мне, — сказал он. — Я

не могу наполнить тебя в одиночку. Они будут забирать кусочки обратно и отстроят тебя заново, и ты опустеешь. Я не хочу этого, потому что…

Антти изо всех сил пытался сказать то, что финские мужчины всегда говорят очень быстро, как будто сквозь комок в горле, слегка покраснев — но намного искреннее, чем все остальные.

— Потому что я тебя люблю.

Париж затаил дыхание в утренней тишине и ждал.

— Вот что, — сказал Антти, — зимой я вернусь.

На следующую ночь Париж ушел, как будто и не уезжал, забрав все с собой — и Монмартр, и игроков в петанк, и девушек из «Крейзи Хорс» (к большому разочарованию оленеводов Лапландии). Остался только толстый слой собачьих экскрементов по всему полю Антти. (Подарок. Удобрение.)

Теперь жители Оулайнена понимающе улыбаются, когда выпадает первый снег, и Антти на своем тракторе уезжает на зиму на юг. Но теплыми летними вечерами, когда солнце едва касается горизонта, он бодро разгуливает по своим полям. И, если прислушаться, вы обязательно услышите далекий шансон.

Приложение *Topsight*

Вечером накануне запланированного отлета Куови домой они вчетвером отправились вернуть душу Биби.

Она ждала на одной из пристаней «Лили». Глаза щипало, во рту стоял сонный привкус. В темноте плавучий город Эстуарий — списанные нефтяные платформы и пришвартованные корабли — больше походил на то, чем был на самом деле. Строители покрыли «Лили» яркими жилыми домами и зелеными садами, но уродливая штуковина из ржавого металла и бетона, сделанная, чтобы сосать нефть из земли до последней капли, никуда не делась. Это обмануло Куови при первом знакомстве, когда она увидела яркие цвета и отражения в воде. Но теперь она знала правду.

Это уже не имело значения. Сегодня она отправится домой. Оставалось одно последнее дело.

Тишину нарушил низкий вой мотора. Подошла маленькая лодка, казавшаяся почти плоской на фоне огней острова. Куови подождала, пока лодка остановится. Подняла телефон, освещая тусклым

светом три фигуры.

— Привет, — тихо сказала она.

Бранхо сидел сзади, сложив руки на коленях, и рулил с помощью дешевого нимба — прозрачного пластикового обруча с напечатанной на нем схемой интерфейса мозга-компьютера. Он прищурился от света, сгорбил широкие плечи кикбоксера и еле заметно кивнул Куови. Но Аоко встала, чуть не упав, когда лодка качнулась под ней, протянула Куови мягкую руку и дернула ее к себе.

— Простите за опоздание. Крис никак не мог встать. Ленивый говнюк.

Бородатый коренастый мужчина в стеганой жилетке махнул Куови рукой. Аоко усмехнулась, сверкнув в темноте белыми зубами.

— Прости, дружок, нам нужно управиться пораньше, пока не проснулись колдуны. Принесла?

Куови подняла маленькую бутылочку для душ, которую стащила из маминого принтера накануне. Бутылочка была из голубого стекла, с изящным изогнутым горлышком. Аоко взяла ее в руки и критически осмотрела.

— Маленькая. Много не влезет.

Комок гнева подступил к горлу Куови. Она должна была спать. У нее оставался один день с

мамой до отъезда домой. Она уже попрощалась с Биби. Идея ритуала возвращения домой принадлежала Аоко. Какая-то африканская традиция, о которой вряд ли вообще слышал народ Биби. Чтобы ее дух упокоился. Чтобы она присмотрела за ними всеми. Чтобы ее призрака не использовали в дурных целях колдуны, которые якобы торчали повсюду, поджидая, пока люди умрут.

— Я подумала, что Биби бы понравилось. — Она потянулась через лодку и схватила бутылочку.

— А по-моему, мило, — сказал Крис, шмыгнул носом и принялся толстыми пальцами скручивать сигарету. — На птичку похоже.

Бранхо ничего не сказал. Аоко фыркнула:

— Ладно, детка. Поехали. Мы же не хотим заставлять ее ждать.

Бранхо нахмурился, и лодка двинулась по темной воде, постепенно набирая скорость.

Аоко сверялась с телефоном в поисках места, где они развеяли прах Биби месяцем раньше. Она увеличила экран так, чтобы все его видели. На нем немедленно замелькали профили из *Threads*, и девушка прошептала им что-то и застучала по ним ногтями, украшенными логотипами.

Куови отвернулась. Она не пользовалась приложением уже месяц. Открывая его, она каждый

раз видела бы профиль Биби, ее цифрового призрака, автоматически расставляющего лайки тому, что ей бы понравилось — даже после того, как полиция нашла ее в воде лицом вниз. Нужно так много времени, чтобы умереть нормально. Это несправедливо.

Когда подплыли к нужному месту, посреди Эстуария, далеко от берега, в небе появился первый намек на лиловый свет. Маленький рой дронов-квадрокоптеров следовал за лодкой на почтительном расстоянии: серебристые лопасти винтов ловили первые лучи солнца. Другие друзья Биби смотрели на них с помощью *Threads*.

Когда Куови зачерпнула воды из реки, у нее в животе возникла свинцовая тяжесть. Отец рассказывал ей о похоронах в старой многопользовательской игре и об отморозках, которые налетали на драконах и летающих маунтах и обрушивали на скорбящих дождь заклинаний. Но ничего не произошло. Вода была холодной. У нее намок рукав. Бутылочка слегка булькала, наполняясь. Аоко засмеялась, когда Куови подняла голубую, мокрую, до краев заполненную водой бутылочку.

— Наша девочка, — сказала она. — А теперь давайте отвезем ее домой.

На обратном пути Куови сжималась за спиной Криса, прячась от ветра, и прижимала бутылочку к груди.

Квартира Биби пустовала уже месяц, но у Бранхо был ключ. Куови заходила сюда всего пару раз. Квартира располагалась в одном из списанных кораблей, и чтобы попасть внутрь, нужно было долго подниматься по шаткому металлическому трапу вдоль изогнутой стенки корпуса.

Внутри была тесная гостиная, шкаф, служивший кухней, и небольшая спальня. Грубо сколоченный низкий столик. Разномастная одежда, которую Биби принесла с работы, из благотворительного магазина. Выпотрошенный дрон-стрекоза сидел на складном столике. Акварель с летящими веретенниками, которую Куови подарила Биби, все еще висела на стене. К вечеру явится *Amazon* и все упакует. Интересно, согласится ли Бранхо приберечь картину.

— Добро пожаловать домой, — торжественно сказала Аоко и поставила бутылочку посреди стола.

Крис хлопнул Бранхо по спине:

— Слышал? Пора начинать вечеринку!

Он достал телефон и включил музыку, гулкий, тяжелый драм-н-бейс. Бранхо кинул свой рюкзак

на стол, вынул из него пластиковые стаканчики и три бутылки водки с завинчивающейся крышкой, плеснул в четыре стакана. Крис зажег ароматическую свечу, которая стояла на столе рядом с бутылочкой души.

Все выпили. Куови только немного пригубила: водка была дешевая и кислая. Она сунула руки под мышки и села как можно дальше от стола, под своей картиной, спиной к стене. Музыка позволяла не говорить. Она все смотрела на голубую, цвета глаз Биби, бутылочку, но Биби в ней не было.

— Просто безумие, — говорил Крис, — она просто пришла в офис и спросила, не хочу ли я купить город в Монголии. Я думал, что она с ума сошла, а оказалось, что там целый город-призрак, весь подключенный и готовый к работе, управление, убикомп, вообще все. Создан для войны с цепочками поставок, которую проиграли. Они сдали его в аренду для тестирования городских приложений. Сейчас он мой. Я был там на прошлой неделе. Если вы не играли в *Pac-Man* с трамваями, вы вообще не играли в *Pac-Man*. Я собираюсь открыть исходный код для всех желающих. Отдать его городским хакерам. Он называется Тиритрор.

— Она вроде была из какой-то дыры с таким

названием, — сказал Бранхо резко.

— Ну, я не знаю, откуда она, — заметила Аоко. — Но я знаю, что она скучала по дому. Мы работали в кофейне в аэропорту, ну вы знаете, и когда у нас был перерыв, она шла смотреть на самолеты. Я сначала думала, что ей нравятся самолеты, но если на них постоянно смотреть, то привыкаешь как-то. Но она смотрела и смотрела. Ну я взяла и спросила. И знаете, что она сказала? «Я смотрю, как дерутся большие змеи в небесах».

Бранхо опрокинул стаканчик в рот и опустил взгляд потемневших глаз. Аоко сжала его колено.

— Она здесь, с нами, ты же знаешь. Не грусти.

Затем она повернулась к Куови:

— Эй, финка, а ты что расскажешь о Биби?

Куови посмотрела на них. Голова была тяжелая. Она встала, ударилась коленом о стол, бутылочка с душой качнулась. Сердце подпрыгнуло.

— Мне нужно в туалет, — пробормотала она, пошла в спальню и закрыла за собой дверь. Проглотила слезы и легла на кровать. Белье было смято там, где на нем последний раз спала Биби. Она обняла подушку, чтобы никто не слышал ее слез, обхватила ее руками. От подушки пахло кокосовым шампунем Биби и пылью.

Под подушкой лежало что-то мягкое, вязаное, с жесткой полосой внутри.

Нимб Биби.

Биби носила его всегда, сколько Куови ее знала. Пластик и датчики под вязаной шапкой из белой шерсти, которая казалась грязноватой на фоне идеальных зубов Биби цвета слоновой кости. Ее нашли в воде без нимба, и так родилась версия об ограблении. Полиция не стала его искать, у них все равно был резервный образ.

Дверь открылась, в нее хлынули музыка и свет.

— Тебе нельзя здесь быть.

Бранхо смотрел на нее, держа бутылку в безвольной руке. Закрыл за собой дверь.

— Она не любила, когда люди смотрят на ее вещи. Ты, кажется, не понимаешь.

— Я понимаю, — тихо сказала Куови. «И почему тогда она была с тобой, интересно?»

Бранхо сделал шаг вперед, покачиваясь.

— Тебе приходилось в жизни убегать? Вот по-настоящему? Задыхаясь и зная, что, если ты остановишься, тебя поймают? — Он вдруг схватил Куови за плечо свободной рукой, и она тихо вскрикнула. Бранхо отпустил ее и то ли усмехнулся, то ли кашлянул: — Конечно нет.

Куови встала, чувствуя холодный узел в желудке, нащупала в кармане телефон. Она сделала шаг к двери, но Бранхо не последовал за ней. Он сел на кровать, которая заскрипела под его тяжестью.

— Я не виноват, — сказал он, — я просто устроил ей пару дел с дронами, ничего дурного. Она была очень хороша. Никаких опасностей. Никаких дел с ямайцами. Это был просто несчастный случай. — Он уронил бутылку и сжал виски. — Просто очень глупый несчастный случай.

Куови побежала. Алюминий звенел под ногами — длинные ноги, длинные шаги. От воздуха стало немного легче. Было холодно и светло. Платформы и корабли надевали свои утренние обличья. Лодочные автобусы до города проносились мимо, оставляя за собой белую пену. Все выглядело особенно четким и ясным. Потому что это было последнее утро.

Добравшись до «Лили», она запыхалась и вспотела. Только поднимаясь на лифте к маминой квартире, она поняла, что нимб все еще у нее. Она положила его в карман пальто. Телефон гудел — извинения от Бранхо, просьбы вернуться от Аоко, звонки от мамы. Она проигнорировала их, прошла через сад на крыше и вошла внутрь.

Мёркё потерся шипастой спиной о ее ноги.

Мама работала консультантом в *BAE* и других крупных компаниях. Она любила показывать фотографии Скуби-Ду, старого дистанционно управляемого анти-СВУбота, ради которого солдаты жертвовали собой. Просто кусок металла с глазами-камерами. Она говорила, что люди во всем видят себя. Она пыталась делать вещи, которые были бы по-настоящему Другими.

Мёркё был одним из ее провалов. Он перевернулся на спину, чтобы продемонстрировать пластиковое пузико, помахал в воздухе шестью ногами. Эмуляция крысиного мозга внутри уродливой головы была достаточно умна, чтобы понять, что что-то не так.

— Куови?

Мама включила свет. На ней была ночная рубашка *Marimekko*, а в руке она держала чашку чая. Редкие золотые волосы растрепались. Мёркё подбежал к ней, царапая когтями пол.

— Куови, надо было сказать, что ты будешь так поздно. Рано. Я волновалась.

— Думаю, колдуны проснулись, — устало сказала Куови. — Извини, я спать.

— Что ж, церемония довольно красивая. Я тебе рассказывала о своем друге, который завещал сделать из своего праха бриллиант, а потом его

использовали в Калтехе…

— Мама. — Куови закрыла глаза.

— Хорошо, хорошо. Извини. Слишком поздно для историй. — Мама взяла ее за руку: — Господи, ты совсем замерзла. Иди в душ и ложись спать. Но не спи допоздна. Я приготовлю завтрак. Я надеялась, что мы что-то успеем сделать до твоего отлета. Надо было купить тебе одежду. И мы так и не поговорили о том, что в следующем году можно снова попробовать поступить, я бы поговорила с Мэгги в Колледже искусств…

Плечи Куови вздрогнули. Рука мамы была шероховатой и теплой. Она позволила себя обнять, хотя бы на мгновение.

— Тс-с-с, все будет хорошо, — сказала мама.

Куови сделала глубокий судорожный вдох.

— Мам, в Финляндии мне все равно понадобится другая одежда, — тихо сказала она. — Там ведь зима.

Серая слякоть, дождь и ветер.

— Здесь тоже зима, — возразила мама.

— Спокойной ночи, — мягко сказала Куови. Наклонилась и поцеловала маму в лоб. От ее волос пахло пластиком для 3D-принтера. Кажется, этот запах уже не смывался.

Не дав маме снова обнять себя, Куови отстра-

нилась, скинула туфли, ушла в свою комнату и закрыла дверь, чтобы не пускать Мёркё.

Куови разделась, бросила одежду на пол и легла в постель. Она чувствовала себя липкой и понимала, что от нее неприятно пахнет, но не могла заставить себя об этом подумать. Заснуть было трудно. Комната без вещей казалась совсем пустой, везде валялись раскрытые чемоданы, а кирпичные стены остались голыми. Может быть, она поспит в самолете. Может быть, она будет спать, когда ее убьют и бросят в воду лицом вниз. Или в снег, если повезет. Лучше в снег, холодный, рассыпчатый. Она скучала по снегу.

Ей хотелось поговорить с Биби о возвращении домой.

Хорошо, что мама дождалась. Когда Куови пыталась ее вспоминать, получалось с трудом. Вот почему она решила провести год после школы с ней в Великобритании. Поэтому и еще потому, что попытки попасть в художественные школы были очень вялыми. Папа никогда бы не сказал этого, но был бы рад, если бы у нее ничего не получилось.

Однажды мама даже пригласила Биби к ним на ужин. Биби пришла рано и принесла подарок, старую бумажную книгу о монстре Канвей-Ай-

ленда. Книгу из благотворительного магазина, где она работала по воскресеньям.

Мама покрутила ее в руках в полном восторге. Ей явно хотелось поскорее сделать наброски странного существа с жабрами и перепонками между пальцев, которое предположительно выбросило на берег восемьдесят лет назад. Но она сделала над собой усилие и осталась. Это был идеальный подарок. Биби всегда знала, что делать, что подарить и сказать…

Куови села. Внезапно она полностью проснулась. Она подняла пальто с пола и достала нимб Биби.

Биби никогда ничего не делала просто так.

Она надела нимб. Он был тесноват и тут же запутался в длинных волосах.

Мгновение ничего не происходило. Потом на миг помутилось в голове, как будто Куови перевернулась вверх тормашками. Так и должно быть? Она всего пару раз примеряла нимб, давным-давно, чтобы поиграть в дурацкую игру про рыцарей. Нимбы запретили в Финляндии после стрельбы в Кокколе.

Боль прошла. Все равно в этом не было смысла. Должен был быть какой-то пароль или кодовая фраза, которую нужно подумать. Она схватила

телефон и открыла приложение «Шерлок».

«Как разблокировать нимб мертвого?» — спросила она.

Приложение мягко и нерешительно озвучило кучу заумных ответов. Что-то вроде того, что Куови надо вскрыть голову Мёркё, воткнуть туда нимб и написать программу, которая обыщет память в поисках всех возможных мыслей. Это могла сделать полиция. Она уточнила у приложения, как взломать код доступа к нимбу. Желудок сжался при этом вопросе — им точно могла заинтересоваться полиция. Она встряхнулась. Через несколько часов она уедет из страны. Велела приложению продолжать.

Пароли к нимбу могут быть любыми. Воспоминания. Грязные фантазии. Старомодные пароли, напечатанные на мысленной пишущей машинке. Обычно это какие-то сильные эмоции, которые можно быстро вызвать. Но «Шерлок» заявил, что их не обязательно угадывать точно. Нимбы пользуются алгоритмами машинного обучения. Их должен тренировать владелец, но соответствие может быть нечетким. Надо только подобраться достаточно близко.

Куови закрыла глаза. Трудно было понять, что скрывается за постоянной улыбкой Биби. Она

понятия не имела, что Биби считала важным. Но если бы Биби хотела, чтобы она или кто-то другой нашли нимб, это должно было быть что-то очевидное. Она подумала о лицах Бранхо, Аоко и Криса по очереди. Ничего. Что было в квартире Биби?

Картина со стаей веретенников, взлетающих в воздух.

Куови подумала о птицах, вспомнила день, когда встретила Биби.

Это была солнечная суббота, и она пыталась сфотографировать веретенника. Ей пришлось долго брести по болотистой земле в резиновых сапогах «Нокиа». Птицы стояли на мелководье, опускали в воду длинные клювы, бегали, дергая рыжими шеями. Куови присела в добрых пятидесяти метрах от них, кое-как пристроила на сгибе руки свеженапечатанный 400-мм объектив для телефона. Маминому принтеру потребовалось несколько итераций, чтобы добиться хорошего зума и высокой скорости съемки. Куови хотела снять птичий глаз, в котором отражался бы пейзаж — например, одна из платформ Эстуария.

Но подобраться к птицам было трудно, и в основном у нее получались смазанные фото крыльев. Она подумывала включить режим лай-

флоггинга, а потом просто отобрать подходящие кадры, но это было бы читерство.

Она думала, что все об этом забыли. О необходимости поймать подходящий момент, о поиске правильного света и угла съемки, об интуиции и инстинкте. Можно натренировать приложения на мозгах профессиональных фотографов, чтобы они брали на себя техническую сторону дела. Но вот видеть за человека они все равно не могут.

Это не значило, что она сама что-то видела. Она посмотрела последние кадры и выругалась:

– *Paska*!

Опять сплошной мусор, случайные картинки, никакого смысла. Она смотрела на бегающих птиц, а в резиновых сапогах плескалась болотная вода.

Кто-то вдруг засмеялся. Щеки Куови вспыхнули. Вылезая из воды на небольшую кочку, она чувствовала себя похожей на аиста. Стараясь не обращать внимания на звук, она выпрямилась, с трудом удерживая равновесие.

Кочка прогнулась под ногами, и пришлось сделать еще несколько неуверенных шагов. Сапоги снова глотнули воды.

Куови чуть не столкнулась со смеющейся девушкой. Она была мелкая — хотя все ее ровес-

ники были меньше Куови, в старой афганской дубленке и белой вязаной шапочке. На угловатом смуглом лице горели голубые глаза — две точки, в которых тонул весь мир.

— Извини. — Она пристально уставилась на Куови. — Ты неправильно делаешь.

— Знаю, — фыркнула Куови и прикусила язык. Куови, мастерица язвительных ответов. Возможно, ей для этого нужен был «Шерлок», как у некоторых ребят в школе в Финляндии. Правда, подключив его, ты сразу оставался ни с чем: с бесконечным потоком фигни. Уж что-что, а фигню нести она и сама могла.

Куови прошла мимо девушки — какой смысл жить в Эстуарии, если не можешь уйти от противных людей, когда захочешь?

— Нет, нет, — сказала девушка, — я тебе покажу.

Куови остановилась. Девушка тепло улыбалась. Куови украдкой взглянула на телефон. Ладонь не дрогнула, как случилось бы, доверяй она собеседнице, и связь в *Threads* не установилась. Она вела себя довольно грубо, но девушка нагрубила ей первой.

— Ладно, покажи, — наконец сдалась она.

— Посмотри наверх, — сказала девушка и по-

бежала прямо на стаю птиц, размахивая руками и крича. Птицы взлетели: облако трепещущих крыльев, длинных клювов, диких криков. Тени играли на воде. Куови посмотрела наверх. Стая замерла в небе красивой дугой, и в ней был узор, внезапный, как улыбка. Она подняла телефон.

— Видишь? — крикнула девушка и улыбнулась.

Нимб мягко завибрировал. Ультразвуковые пальцы защекотали ей мозг.

Перед ней открылся лес приложений, лес маленьких значков, похожих на лица. Она не знала ни одного из них, кроме *Threads*, конечно. Чаще всего Биби использовала *Topsight* со значком в виде ярко-голубого глаза. Куови попыталась открыть приложение, но нимб затормозил, не распознавая команду ее мозга. Потом возник отклик — он был похож на похмелье после того вечера, когда они с Биби гуляли вдоль морской стены Канвей-Айленда с бутылкой белого рома. Нимб был достаточно умен, чтобы открыть экран калибровки и заставить ее двигать шарик силой разума, зажигать фигуры и цвета, пока дурнота не ушла.

Тогда она открыла *Topsight*.

Сначала у нее немного закружилась голова, и

перед глазами все расплылось.

Она почувствовала себя удивительно легкой, как во сне, где она могла просто всплыть в воздух и посмотреть на мир сверху. Все выглядело так же, как прежде, если не считать слабого зеленого свечения вокруг чемоданов. Она посмотрела на них.

И внезапно они стали змеями зеленого света, вытекли из дверей и потекли дальше, обернулись длинными хайвеями, протянувшимися до самого горизонта. Она проследила за ними взглядом и вдруг стала бестелесной. Она скользила по зеленой линии, пересекавшей Британию и Северное море, расчерченной многочисленными линиями самолетных маршрутов. Моргнула — и снова оказалась в своем теле. Ноги дрожали.

Она села на кровать, натянула брюки и увидела еще одну извилистую светлую змейку, протянувшуюся по Земле, уже более сложную — цепочки поставок, логистики и производства. Куови потрясла головой, и видение исчезло. Она натянула грязные носки, пытаясь сосредоточиться на своей комнате, и на этот раз ничто не двинулось, только в затылке возникло смутное осознание города в Китае, где производили все носки мира.

Слегка ошарашенная, она открыла дверь. Мёркё

спал прямо под дверью и немедленно исполнил свой утренний танец. Она еле могла на него смотреть: маленький дрон представлял собой настоящий взрыв линий, фактов и связей. Это так Биби видела мир? Перекрытым всеми теми невидимыми вещами, о которых никто не помнил? В этом должен был быть какой-то смысл.

Она вышла на улицу, прошла мимо аккуратных цветочных рядов и садовых деревьев: взаимосвязанные клубки метаболизма и экологии, перевитые морем, солнцем и небом.

Потом поднялась на смотровую площадку «Лили».

Она смотрела на корпуса кораблей и видела силуэты их путешествий, паутиной наложенных на Землю, видела смещение цепочек поставок, которые были повсюду, как живые существа. Змеи Биби рождались и умирали. Она видела, как сетевые каналы рвались и сжимались в Эстуарии, словно щелкали лопнувшие резинки.

Лондон, пылающий костер в устье реки. Карты эмоций из данных нимбов, разбросанных по городу. Маленькие звезды там, где люди занимались сексом, широкие синие полосы сна, сеть желтых стрессов и тревог людей, которые спешили на работу рано утром. Финансовые рынки обру-

шивались на них, как волны. Силой мысли она могла перемещаться назад и вперед во времени, как в *Threads*, вот только сейчас ей была доступна хронология не только людей, но и вообще всего. Она видела, как все связано. И *Threads* тоже был там, социальные связи формировались и распадались. Она видела, как они встраиваются в разные места, в экономику, в транспорт, и видела, как огромные змеи экономики поглощают змеек из света, на которых держится мир.

Она видела все, и все имело смысл. Это не могло быть просто приложение, это должно было быть сообщество людей, которые видят данные и делятся ими друг с другом. Она вдруг смутно почувствовала присутствие других людей в приложении. Она хотела поговорить с ними, задать вопросы.

И тут она увидела Биби.

Она была там, в сети *Topsight*, крошечная вспышка, которая перемещалась между огромными явлениями, создавала связи, толкала, уворачивалась. Приложение позволяло не только видеть, но и менять. От этого осознания у Куови по щеке побежали мурашки. Там, где проходила Биби, общая картина менялась — словно птицы взлетали с болота, словно вдруг расцветала

улыбка.

Куови улыбнулась и помахала ей.

— Куови?

За спиной у нее стояла мама. Что бы она увидела, посмотрев на нее с помощью *Topsight*?

Но это был неправильный вопрос.

Куови сняла нимб и обернулась. Мир закружился. Мама обнимала ее за плечи. Куови моргнула от яркого солнечного света.

— Милая, что случилось?

— Ничего, — сказала Куови, вытирая глаза. — Что будем делать сегодня?

Самая древняя игра

Пальцы Оранена дрожали на руле *BMW*. Дорога до Туртолы представляла собой извилистую змею грязи, там и тут покрытую лужами дождевой воды цвета мочи. Небо имело цвет туалетной бумаги из вторсырья.

Он не пил уже три дня. Восемь часов ехал из Хельсинки, и от усталости щипало глаза. В зеркале заднего вида видно было, что вены на висках потемнели и набухли и пульсировали в ритме его головной боли. Бессмысленная болтовня местной радиостанции делала только хуже, но он не хотел ехать в тишине: поля ячменя вокруг были слишком велики и слишком пусты, их однообразие нарушали только покосившиеся сараи, как будто сделанные из зубочисток.

Дом оказался таким, каким он его помнил: приземистый, двухэтажный, с облупившимися желтыми стенами и соломенной крышей. Он припарковал машину перед сараем и вышел, слегка пошатываясь. Дул холодный ветер и приносил с собой запах мертвых листьев.

Оранен был дома.

Старик содержал это место в чистоте: его резиновые сапоги «Нокиа» все еще стояли рядом с лестницей в прихожей. Мать Оранена всегда поднимала шум, если кто-то заходил в дом в обуви.

Он выстроил алкоголь на кухонном столе — несколько бутылок водки *Koskenkorva* и два ящика темного пива. Еще была посылка от Дмитрия, холодная и тяжелая. Он взвесил ее в руке и сунул в ящик стола.

Темнело, и Оранену пришлось пошарить в кладовке, чтобы найти выключатель. Когда он повернул его, кухонная лампа вспыхнула и умерла. Он поискал в ящиках запасную лампочку, но не нашел.

– *Perkele*! — буркнул он. Напиться до смерти — это одно, но делать это в темноте — совершенно другое.

Оранен шел в деревню бодрым шагом, надеясь и согреться, и стряхнуть с себя тревогу горожанина при виде дороги без фонарей. Безлистные березы отбрасывали длинные тени на дорогу.

Приземистый деревенский магазинчик стоял возле церкви. Оранен вошел внутрь, стараясь не смотреть на пылающие красно-желтые заголовки таблоидов: они не знали правды. Он проигнорировал знакомый укол гнева и стыда и

пошел искать лампочки.

Идя к кассе, он услышал знакомый голос.

– *Saatana*, сегодня же суббота! Неужели человек не может получить свою законную выпивку? Кейджо, продай мне пару бутылок пива, *Karjala* пойдет. У меня полно денег. Всего пару бутылок, ну? Давай, Кейджо.

Пенгеркоски почти не изменился. На картофелеобразном носу полопались сосуды, но копна светлых волос, грязный комбинезон и резиновые сапоги остались прежними. Он был на два года старше Оранена, но в Туртоле было не так много детей, так что в детстве они много общались. Когда Оранен поступил в старшую школу в Хаакала и каждое утро ездил туда на автобусе, Пенгеркоски остался на ферме, возился с двигателями и пил. Как-то папа упомянул, что Пенгеркоски сбил кого-то в пьяном виде. Это не сильно удивило Оранена.

Лицо Пенгеркоски просветлело.

— Оранен, *jumalauta*! Это и правда ты! А я уж думал, мне мерещится. Бывало и такое!

Он рассмеялся, показывая желтые зубы, и протянул руку. Рука была грязная, но пожатие оказалось крепким.

— Твоя морда была во всех газетах! Твой ста-

рик говорил, как ты отлично устроился на юге. *Perkele*! Рад тебя видеть!

— Взаимно. — Оранен вдруг понял, что улыбается. Он-то планировал сделать все так, чтобы не встретить ни одного знакомого. Что за черт. — Кажется, Кейджо не продает тебе пиво?

— Бесит, блин. Я тут кое-что испортил недавно. — Он показал Оранену руку со свежими шрамами на костяшках и ухмыльнулся. — Просто упал в окно, пока ссал. Я так и не привык разбивать головы, хотя очень хочется. Просто суки тут все.

— Пошел ты, художник ссаный, — прошипел владелец магазина. — Если не уберешься, я тебя…

Оранен прочистил горло.

— Я хотел купить лампочку.

Кейджо взял деньги, сердито глядя на Пенгеркоски. Пенгеркоски покачал головой.

— Как можно сегодня — и не выпить, — сказал он.

Оранен на секунду задумался.

— У меня есть пиво. И коса. И еще сауну думал затопить. Как тебе?

— Охрененно! *Saatana*! Сынок Оранена не ссучился! — Он хлопнул Оранена по плечу. — В

отличие от некоторых.

Когда они выходили, он показал Кейджо средний палец.

— Я обещал твоему отцу присматривать за хозяйством, — сказал Пенгеркоски, когда они пришли. — Наверное, надо было почаще заходить. Но в этом году урожай будет. Ячмень.

— Все нормально.

— Если хочешь, я тут разгребусь. Все равно делать особо нечего. Корова взбесилась, и пришлось зарезать весь скот. Дерьмовые времена.

— В городе тоже, — сказал Оранен.

Пенгеркоски понимающе кивнул.

Оранен заменил лампочку, и свет загорелся. Пенгеркоски присвистнул, увидев бутылки на кухонном столе.

— Ничего себе вечеринку ты задумал.

— Да ничего особенного. — Оранен открыл два пива и передал одно Пенгеркоски. Сначала он боялся сделать хотя бы глоток, хотя это было всего лишь пиво, но жидкость мягко скользнула по языку, и он разом выпил полбутылки.

— Так как насчет сауны? — спросил Оранен, вытирая рот тыльной стороной ладони.

Сауна была одной из немногих вещей, которые

связывали Оранена с отцом. Старик был фермером до мозга костей, он терпел успехи Оранена в учебе, но презирал их. Споры о поступлении в университет в конце концов привели к угрюмому молчанию, которое продлилось до женитьбы Оранена и основания успешной компании. Но в сауне никогда не бывало споров. Только там они могли поговорить о важных вещах. Например, о смерти.

Он вспомнил субботний вечер пять лет назад. Старик сгорбился на скамейке в сауне, позвонки туго натянули тонкую кожу.

— Твоя мать была хорошей женщиной, — внезапно сказал отец. — Слишком хорошей, чтобы лечь в землю, — говорил он еще размереннее, чем обычно. Оранен не нашелся с ответом и плеснул еще один ковш воды на печные камни: горячий пар обжигающими пальцами мял им спины.

— Я смотрел, как ее хоронили, слушал, что говорит священник, — продолжал старик, — и тогда потерял веру. Ты же видел, что на кладбище ничего не растет. Земля там мертвая, и все слова мертвые. Каким бы бог ни был, он должен, по крайней мере, давать жизнь.

Оранен не был так уверен, но святость сауны заставила его замолчать. Отец зачерпнул ковшом

пива и вылил его на печку. Жидкость зашипела, и сауна наполнилась сильным запахом ячменя.

— А вот это и есть бог. — Они сидели вдвоем в тишине, вдыхая пьянящий запах. Потом отец Оранена вздохнул.

— Твоя бабушка была провидицей. Они всегда говорили, что дар передался мне. Никогда в это не верил, пока не увидел смерть в лице твоей матери. Я видел ее и в тебе. — Он схватил Оранена за плечо костлявыми пальцами: — Пообещай мне одно, мальчик. Если ты почувствуешь смерть, приходи сюда, чтобы принять ее. Сюда, где все растет. Это поле поливали потом Ораненов. Тебе придется это сделать когда-нибудь, не знаю как. Пистолет, веревка, выпивка. Просто приходи за этим сюда. Обещай.

Несмотря на жар, Оранену стало холодно. Но он кивнул.

— Обещаю, — сказал он, вдыхая запах ячменя.

Прошло пять лет, и теперь рядом с ним, так же сгорбившись, сидел Пенгеркоски, смеялся и лил пиво на печку. От жары, пива и водки кружилась голова.

Оранен прислонился спиной к липкой стене, и пар обжег ему лицо. Угли в печи уже догорали, но круглые камни, лежавшие на ней, еще хранили

жар и как будто просили воды.

Где же он нашел свою смерть? Он больше не знал.

— Мальчики Туртолы снова в сауне, *jumalauta*! — взревел Пенгеркоски.

Оранен усмехнулся. Пенгеркоски не изменился.

— Что ржешь, мистер Хельсинки? — Пенгеркоски прикончил свою бутылку и пошел за следующей. Они оставили пиво в ведре с холодной водой снаружи.

– *Saatana*, вот это ветер, — пробормотал Пенгеркоски, вернувшись. Сжал челюсти и посмотрел на Оранена.

— Странная ты птица, Оранен. Вот я говорю и говорю, а ты молчишь, хотя это твой дом и твоя выпивка. Даже полные лохи вроде меня знают, что пишут в газетах. А мне насрать. Ты хочешь просто успокоиться, это нормально. *Perkele*, я тут только ради выпивки и компании. Маловато в последнее время было того и другого. Я здорово подружился с твоим стариком, когда ты уехал. Он беспокоился о тебе. Просто чтобы ты знал.

Оранен уставился на раскаленные печные камни.

— Похоже, у тебя тоже есть причины, — сказал

Пенгеркоски. — Черт, я две недели бухал, а ты выглядишь еще хуже меня.

Оранен вздохнул.

— Все развалилось, — сказал он. — Маркетта хотела ребенка. Но у нас не получилось. Мы перепробовали все. *Perkele*, если бы с той клонированной овцой сработало, мы бы и это сделали. Но ничего не вышло. И тогда она уговорила моего лучшего друга Антти трахнуть ее. И у нас появился Туомас.

А дальше пошло-поехало. Я ревновал. Думал, что они продолжили трахаться. Нанял частного детектива. Оказалось, что да. И мы начали рвать компанию на части. Антти подставил меня — это вот тот случай с Сонерой, о котором пишут в газетах. Я забухал, по-настоящему. Маркетта подала на развод, а Туомас… — Оранен горько рассмеялся. — Я не пил три дня подряд, чтобы увидеть Туомаса один раз, а потом поехал сюда. Больше этого не будет. Видишь, в городе все то же самое.

Они слушали шипение пара и пили.

— Я похоронил твоего отца, — сказал Пенгеркоски.

— Что?

— Похоронил его. Он заставил меня пообещать. На ячменном поле, — сказал Пенгеркоски

торопливо. — Твой папка не любил церкви и кладбища.

— Почему ты мне не сказал?

Оранен встряхнул Пенгеркоски, толкнул к стене сауны. Бутылка Пенгеркоски упала и разбилась.

— Как он умер?

— Застрелился, — буркнул Пенгеркоски, — извини.

— Господи, — сказал Оранен и отпустил Пенгеркоски, еле сдерживая слезы.

Через некоторое время печь погасла, и в сауне стало холодно и темно.

— Ты же знаешь, зачем я здесь, да? — наконец сказал Оранен.

— Ага, — сказал Пенгеркоски. — Я утром загляну, посмотрю, как у тебя дела.

Потом Пенгеркоски слез со скамейки, выругался, наступив на осколок бутылки, и ушел.

Оранен долго сидел один. Он больше не чувствовал вкуса водки, но все равно пил.

Какого бога ты нашел на ячменном поле, папа?

Оранен встал. Воздух стал густым, а у ног появилось собственное мнение о происходящем.

«Хорошо, — подумал он, — так и надо».

Достал из ящика посылочку от Дмитрия: обрез 12-го калибра. Сунул его под мышку, взял со стола полупустую бутылку водки и вышел.

На лестнице он поежился, понял, что бос, вернулся и сунул ноги в отцовские сапоги. Они были ему маловаты, но ноги все равно уже онемели. Он двинулся по тропе, ведущей к полю. Землю покрывал хрустящий белый иней. Он наступал на замерзшие лужи с таким звуком, как будто билось стекло.

Было уже не совсем темно. На горизонте, прямо над темными зубами сосен, виднелось оранжевое пятно, и Оранен увидел, что Пенгеркоски сдержал слово. Ячмень Ораненов, темно-желтый в свете зари, поднимался почти до талии. Замерзшая пористая земля казалась черной и жирной. Ветер гулял по полю, как рука, ласкающая шерсть желтой собаки.

Оранен сделал большой глоток водки. Ничего здесь нет, сплошная грязь и коровье бешенство. Под конец старикан все-таки сошел с ума.

Потом он увидел в ячмене голого великана.

Сначала он подумал, что это какое-то большое животное, может медведь, лежит на спине. Но его осветили первые лучи солнца, и Оранен увидел, что это огромный человек. Он лежал на спине,

раскинув руки, и махал ими, будто ребенок, рисующий в снегу силуэт ангела. Волосы у него были цвета ячменя, длинная борода наполовину закрывала огромное брюхо, на босых ногах чернели пятна грязи. Он казался молодым и старым одновременно.

Встав, он стал похож на дерево, выросшее из красно-золотого моря. И когда он заговорил, голос его был подобен ветру:

— Зачем ты пришел,
Что ты ищешь,
Сын Оранена,
Дитя ячменя?

Оранен сделал еще глоток водки и рассмеялся. Все это было достаточно странным, чтобы казаться смешным. К тому же в его венах звенела выпивка.

– *Perkele*, я не знаю! Проклятье, дайте человеку спокойно покончить с собой!

– Здесь нет смерти,
Нет танцующих дочерей Туони,
Только урожай,
Только Пекко, благословение поля.

Великан направился к Оранену. Ноги его глубоко уходили в полузамерзшую землю, и его следы

дымились. Ячмень склонял головки, когда мимо проходил великан. От его тела исходило тепло. Его запах напомнил Оранену шипение пива на камнях.

Великан протянул руку размером с лопату, выхватил бутылку из рук Оранена, понюхал и отбросил в сторону.

– *Маленький человек пьет*
Плохое вино,
Не то что ячменная вода.
Недостойно сына Оранена.

Великан зарокотал смехом, словно у него в груди началось землетрясение. Слезы гнева потекли по щекам Оранена. «Этот вонючий тролль надо мной издевается. Или у меня глюки. Я явно достаточно выпил». Он понял, что все еще держит в руках обрез. Был только один способ выяснить правду.

Он выстрелил из обоих стволов в грудь великана. Выстрел был подобен удару грома. Что-то теплое брызнуло ему в лицо. Гигант отшатнулся и засмеялся. Черная кровоточащая воронка в его груди быстро закрывалась.

— Оставь меня в покое, *saatana*! — пробормотал Оранен. — Уйди.

Струйка крови великана затекла ему в рот. Она

походила вкусом на пиво, густое и чуть горьковатое, — нет, на медовуху, сладкую и хмельную. Она походила на смесь всех элей, пива или биттеров, которые он пробовал в жизни, и на что-то еще. Она была как жидкая земля.

Оранен выронил обрез и спрятал лицо в ладонях. Великан присел рядом с ним на корточки, мягко улыбнулся и положил руку ему на плечо.

– Выпей со мной,
Пей мою кровь,
Сын Оранена,
сын ячменя.
Сыграй с Пекко в древнюю игру,
Проверь свое мужество.
Кто больше выпьет, тот и сильнее.
Мужчина умеет пить.

— Я не хочу играть в игры, — возразил Оранен, — я просто хочу умереть. Думаю, именно этого хотел папа. Чтобы ты стал моей смертью.

– Если ты победишь, я исполню твое желание;
Если Оранен победит, старый Пекко смягчится,
Я отнесу тебя в Туони на спине,
Отведу тебя к реке черного лебедя.

— А если я проиграю?

– Добр стал старый Пекко,

Добрый Хиттавайнен,
Семя чресл твоих хочет он,
Сердце твоего первенца, — прошептал Пеллонпекко, и его глаза стали темнее, приобрели цвет засохшей крови.

«Мой первенец? — Оранен задумался: — Но у меня его нет — если только Маркетта не солгала, сука. А она лгала? Это все реально?»

Но брошенный великаном вызов словно горел в сознании.

Perkele, выпивка — это единственное, что он по-настоящему умел делать.

Оранен заставил себя улыбнуться.

— Валяй, — сказал он.

Пеллонпекко улыбнулся. Затем он погрузил правую руку в землю и выдернул оттуда что-то. Разжал пальцы. На грязной ладони лежал человеческий череп без верхушки, с обломанными костяными краями. Он был до краев наполнен темной пенистой жидкостью.

Оранен схватил его и сделал большой глоток.

Оранен потерял счет времени. Он не знал, как долго они просидели на ячменном поле в свете раннего рассвета, передавая туда-сюда череп. Каждый глоток оборачивался взрывом во рту. То и дело всплывали чужие воспоминания: сгорб-

ленные, упрямые люди, которые растили на этом поле ячмень, приносили жертвы Пеллонпекко, пили пиво, сваренное из его плоти в дни сбора урожая, чтобы согреться темными зимними вечерами.

Сначала ему стало легче от меда. Он смеялся и шутил пошлые шутки. Пекко улыбался и загадывал ему загадки, ответы на которые ничего не значили для Оранена.

– *Ушли слова Випунена,*

Мертва мудрость Антеро,

Из умов маленьких людей,

В сердцах маленьких людей, — сказал великан и печально покачал головой. Это было так смешно, что Оранен расхохотался.

Вскоре напиток начал казаться кислым. Глотать стало трудно, мед свинцом падал в живот. Но Оранен продолжал пить. Он думал об Антти и Маркетте и о своем глупом, упрямом отце, который втянул его во все это, и пил, сжигая тьму внутри оставшимся гневом. Потом он начал пить свою смерть.

Пеллонпекко пил вровень с ним, грустно улыбаясь.

Когда смерть миновала, Оранен стал пить за Туомаса. За своего сына. За его светлые кудри, за

желтую курточку и любовь к мультику «Суперкрошки». Потихоньку он начал вырубаться, и наконец, когда ему уже казалось, что руки превратились в огромные неуклюжие рукавицы, а голова стала железной наковальней, он пролил немного меда на землю.

Последнее, что он увидел перед тем, как мир исчез, был Пеллонпекко с черепом его отца в руках.

Он проиграл.

«Туомас. Не бери Туомаса, — подумал он, — пожалуйста».

А потом Оранен уснул.

Пеллонпекко смотрел, как над лежащим человеком восходит солнце.

Хорошо был выкован Оранен,
Хитрый твой старый отец:
Перепил Пекко,
Связал Хиттавайнена словом.

Лучше тебя старый Оранен пил,
Крепче мед забирал его,
Больше железа было в его крови,
Больше огня в животе.

Оранен видел смерть сына,
Видел, как источилось его семя,
Он просил жизни сыну,
Обошел Пекко в древней игре.

Пеллонпекко свое слово сдержал,
Свободен от слова Хиттавайнен,
Твой первенец останется тебе,
Внук Оранена будет свободен.

Вернись в мир, юный Оранен,
Пусть ветер колышет ячмень,
Ищи свою смерть и свое семя,
Ищи истинный вечер своих дней.

Оранен проснулся от тычка в бок чем-то острым. Заморгал от солнечного света.

– *Perkele*! — воскликнул Пенгеркоски. — Я был уверен, что ты умер! Я же слышал выстрел ночью. Даже лопату принес.

Оранен медленно сел. Казалось, что кто-то забил гвозди ему в спину и голову, а во рту стоял мерзкий привкус. Он встал, сделал несколько шагов, и его вырвало. Все болело.

— Значит, ты этого не сделал? Странная ты птица, Оранен, странная, — сказал Пенгеркоски,

опираясь на лопату.

Оранен вздохнул. Он мало что помнил о прошлой ночи, но чувствовал себя чистым и пустым. Как опустевшая чаша.

— Нет. У меня семья, надо о них заботиться, — сказал он, слабо улыбаясь. — И, кажется, семья присматривает за мной.

— У тебя на кухне еще водка есть, — сказал Пенгеркоски.

Оранен покачал головой:

— Нет уж, хватит.

Они пошли к трактору Пенгеркоски. За ними тихо и сонно пел ячмень:

Пекко лежит здесь и ждет,
Пеллонпекко здесь спит,
Благослови урожай золотой и спелый,
Благослови мед густой и темный.

Не-любовь в районе Сибуя

Они ели такояки у статуи Хатико, когда Нори велела ей купить квантовый лавгети. Японский Риины был не слишком хорош, несмотря на два года изучения востоковедения и три месяца в Токио, и программа-переводчик в телефоне не сразу распознала термин, поэтому Риина несколько секунд тупо смотрела на маленькую девушку с карамельной кожей, дожевывая жареное тесто и осьминога.

— Что? — наконец выдавила она, вытирая крошки с губ.

Нори, которая сидела на краю фонтана и болтала неправдоподобно загорелыми ногами, хихикнула.

— А что, в Финляндии их нет? А как вы ищете мальчиков? А, у вас же есть сауна, точно!

— Это не… — Риина замолчала. Идею неэротической наготы в парилке до сих пор сумели понять только ее канадские друзья. — Не бери в голову. Что такое лавгети?

— Кавай! Я свой никогда не выключаю. Смотри! — Нори подняла руку. Ее телефон был встроен

в платиновый браслет *Cartier* с выложенной драгоценными камнями кошечкой Хелло Китти, подарок ее парня Шиничи на день рождения. Риина несколько раз восхищалась браслетом, но не обращала внимания на маленькую пластиковую каплю, свисавшую с него. Капля была размером чуть больше подушечки указательного пальца, а ее розовая поверхность блестела характерным тефлоновым блеском выращенного в нановате продукта. На одной стороне виднелось серебристое сердечко.

— Их придумали, еще когда моя мама училась в школе! Так она и познакомилась с папой. Потом они вышли из моды на несколько лет, но теперь один сумасшедший отаку в Акихабаре придумал улучшенную квантовую версию. Они у всех есть!

— И как он работает?

— Это не объяснить, надо пробовать! Давай купим тебе немедленно!

Нори вскочила, взяла Риину за руку и потянула навстречу техно-ритмам района Сибуя и его сердца, торгового центра «109». Лес оранжевых волос, золотистых от загара ног и паутинных ресниц поглотил девушек. Вокруг статуи клубилась толпа: это был один из немногих четких ориентиров в районе, и туристам нравилась история пса, кото-

рый продолжал ждать хозяина много лет после его смерти. Риина колебалась. Нори почему-то считала, что она воспринимает новые мемы, рождавшиеся в подростковом раю района Сибуя, так же хорошо, как и ее японские друзья, которые способны были превратить очередную задротскую игрушку в субкультуру или в моду за считаные минуты. Она начала терять чувствительность к футурошоку, но лабиринты, в которые новое в этой стране сплеталось со старым, пугали ее. Она не понимала, как справляется ее отец: вероятно, ему помогала хорошая программа по этикету / социальным протоколам. Просто невозможно было вычислить правильный вид поклона или нужное обращение к старшему или начальнику.

Не говоря уж о свидании.

Она вздохнула и позволила Нори затащить ее в толпу. Подведенные неоновой краской глаза японки горели, мелкие белые зубы сверкали в улыбке, канареечно-желтый рюкзачок подпрыгивал вверх и вниз.

— Честно, лавгети таки-и-ие милые!

Мальчик был похож на разукрашенного сатира: серебряные губы и веки, оранжевые волосы с пепельными прядями и тяжелая золотая цепочка на шее. Ему не могло быть больше двенадцати

лет, но в Сибуе древними и почтенными старцами считались пятнадцатилетние. Басовые ритмы, проникавшие в «109» повсюду, заглушали скорострельную беседу между Нори и мальчиком, но вскоре он жадно улыбнулся и протянул руку к Риине. Маленькая розовая капля сияла на его темной коже, как крошечный цветок. Она оказалась еще теплой от руки мальчика, почти как живая. Ярлычок ее карты *MasterCard* пропел неслышную песню счету мальчика, и она оказалась счастливой обладательницей квантового лавгети.

Нори ухмыльнулась, как нимфа, когда мальчик-сатир исчез в бурлящей толпе японской молодежи.

— А теперь — самое интересное! Пошли в *Starbucks*, попробуем его!

Большая часть района Сибуя похожа на граффити: контрастные, яркие, кричащие цвета на тусклых бетонных стенах, магазины одежды, голограммы, неоновые вывески и радужные толпы, которые резко контрастируют с утилитарной архитектурой девяностых.

Starbucks — исключение. Замысловатое цилиндрическое двухъярусное стеклянное чудовище, над которым парит десятиметровая голограмма

бело-зеленой всевидящей русалки.

Девочки сидели за маленьким столиком на втором этаже и потягивали капучино со вкусом картона. Нори помогла Риине откалибровать лавгети: он легко подключился к ее старенькой «Нокии», и в центре серебряного сердечка вспыхнула лампочка. Едва различимое меню с кружащимися японскими иероглифами затанцевало по сетчатке.

– *Get2*? Это что?

— Пока неважно, на первый раз все равно не надо так высоко замахиваться. Выбирай «караоке». Устройство виртуальной реальности у тебя старенькое, конечно, но работает. Эта штука ищет инфу в интернете и создает твой профиль. Готово! — Нори говорила твердо и снисходительно, явно наслаждаясь ролью старшей сестры.

— А теперь что делать?

— Теперь? Глупая девчонка! Просто найди парня, который тебе понравится, и посмотри, что будет.

— Любого парня? А что ему говорить?

— Не надо ничего говорить, в этом все дело! Просто погуляй, сделай вид, что ищешь дамскую комнату. Я позвоню Шиничи, и мы поужинаем с ним после работы… Будет весело!

Риина допила остатки кофе и встала, чувствуя себя ужасно неловко. Взяла сумочку, сунула лавгети в карман и пошла по указателям в уборную, стараясь выглядеть невинно. Проходя мимо столиков, она незаметно бросала взгляды на мужчин. В кофейне сидели несколько бизнесменов с остекленевшими глазами, впитывали кофеин, приправленный свежими колебаниями курсов, пара редко появлявшихся днем отаку в плохо сидящих джинсах и анимешных футболках, с цветом лица как у подземных мутантов. И еще модные неодзинруи, источающие иллюзорное богатство, громко разговаривающие и одетые в полосатые гангстерские костюмы. Она почувствовала себя совсем глупо, встряхнула головой и посмотрела на белую пиктограмму человечка в юбке.

Лавгети запищал. Женский голос защебетал у нее в ухе, как экзотическая птица. Мигающие значки направили ее взгляд к одинокому человеку у большого окна. Риина остановилась, чувствуя, как кровь приливает к щекам, и попыталась представить, что лежит лицом вниз в сугробе, холодная и мертвая: обычно это срабатывало.

Не в этот раз. Она увидела высокие скулы, ко-

роткие черные волосы и большие карие глаза за очками дополненной реальности без оправы. Он яростно тыкал стилусом в экран старомодного наладонника, наморщив лоб в задумчивости. Внезапно он замер и удивленно посмотрел вверх, прямо на Риину. Она вдруг поняла, что его зовут Хироаки: двадцать три года, изучает коммуникационные технологии в университете Кэйо, одинок, четыре раза был в отношениях, любит старые фильмы Такэси Китано и японский джаз, держит кошку.

Лавгети снова зажужжал. Риина увидела короткую анимацию: неуклюжие мультяшные фигурки мальчика и девочки с лавгети в руках. Устройства выпустили маленькие стрелы, которые столкнулись в воздухе. «Режим караоке включен!» — пропищал пронзительный голос гаджета где-то в челюсти.

Риину внезапно охватило тошнотворно сильное ощущение дежа-вю, и одновременно закружилась голова. Она как будто падала, только боком, и ничего не весила. Она закрыла глаза, и чувство отступило. Когда она открыла их снова, она уже смотрела Хироаки прямо в глаза, а его рука нежно касалась ее щеки. Запутанный клубок новых воспоминаний развернулся в голове: ужин

с морепродуктами, игры в игровых автоматах, прогулки по странным бутикам «109», шутки о последних модных безделушках.

Напряжение, случайно соприкасающиеся руки и колени, Хироаки опаздывает на поезд, провожая Риину домой. А потом — «Первый поцелуй!!!» — завопила женщина-демон в ее ухе, и внезапно она почувствовала вкус губ Хироаки, поцелуй был немного неуклюжий и неуверенный, но без малейшей неловкости и столкновения зубами.

Это было идеально.

А потом все закончилось.

«Если вас интересуют ситуации для взрослых, переключитесь в режим *Get2*!!!» — пропел лавгети и погрузил Риину в теплое море приятного *после*. Японский голос исполнял тихую джазовую мелодию, они лежали на футоне Хироаки, Риина слушала стук его сердца, прижавшись щекой к гладкой груди, а он оперся на локоть и играл с ее волосами.

«Интимный разговор!!!» — сообщил лавгети.

— Я возвращаюсь домой осенью, — сказала она, не зная, откуда взялись эти слова. Голова была полна новых мечтаний и планов. А еще были бабочки в животе и страх потерять новонайденный идеал — откуда? Она посмотрела на Хироаки,

коснулась его щеки.

— Поедешь со мной?

— Да, — сказал он и улыбнулся, и лавгети снова унес их.

Финляндия. Снег. Прекрасные выходные у озера, в летнем домике ее семьи. Хироаки учится кататься на лыжах, обмороженный нос слегка шелушится. Хироаки готовит ей чай. Большой теплый пузырь надувался у нее в груди, когда она думала о нем. Разрозненные образы перемежались голосом лавгети. Споры. Комплекс неполноценности Хироаки. Ее бесконечная потребность анализировать свои проблемы, желание найти безопасную мужскую фигуру, которая заменит ей отца. Такие распространенные ситуации. Азы диванной психологии. И наконец — спина Хироаки, удалявшегося по одному из траволаторов аэропорта Хельсинки, Риина сдерживала слезы и сжимала в кармане кошечку из слоновой кости. Которую он ей подарил.

«Конец режима караоке!!!»

Голос был, как гильотина, резкий и неудержимый, прорвавший иллюзию. Она вернулась в шумный *Starbucks*, почувствовала, как подгибаются колени. Сильные теплые руки схватили ее за плечи, не дали упасть. Она глубоко вздохнула

и открыла глаза. Потребовалось всего несколько секунд, чтобы голова немного прояснилась, и она поняла, что снова смотрит в глаза Хироаки. Она чуть не заплакала от облегчения и принялась покрывать его лицо поцелуями, но мир лавгети уже угасал, и воспоминания становились снами.

— Ты в порядке? — встревоженно спросил Хироаки.

— Да, все хорошо, — пробормотала она. — Я просто…

— Господи, ты что, первый раз? Садись, я принесу тебе кофе.

— Нет-нет, все хорошо…

— Правда, мне несложно. Уж это-то я тебе должен. — Он подмигнул. — Хотя вообще-то я надеялся, что ты поставишь *Get2*.

Увидев выражение лица Риины, он рассмеялся:

— Шутка. Да ладно тебе. Это безопасно, обещаю.

Риина почувствовала себя немного лучше после чашки дымящегося мокко. Хироаки пристально смотрел, как она глотает пенистую жидкость. Послышалось короткое жужжание, и Риина чуть не подпрыгнула, но ничего не произошло.

— Жаль, что так получилось, — наконец сказал

Хироаки, — подруга должна была тебе объяснить, как это работает. Ты уверена, что все хорошо?

Он нежно коснулся руки Риины, и от кончиков его пальцев словно побежали маленькие электрические искорки.

— Да… все в порядке. Спасибо за кофе.

— Пожалуйста.

Нори помахала им с другой стороны зала и подошла, размахивая розовой сумочкой с Хелло Китти. Риина гневно посмотрела на нее, но раздражение сменилось удивлением, когда подруга наклонилась и страстно поцеловала Хироаки в губы. Он застенчиво улыбнулся.

— Извини. Пока ты пила мокко, мы перешли в *Get2*. Ну, случайно.

Нори поджала губы.

— Ну, у вас, похоже, ничего не получилось, а он милый. Ты ведь не против?

— А как же Шиничи?

— А что Шиничи? Он же мне даже не парень, он… ну, эндзё-косай. Мы делаем это, и он покупает мне подарки. Очень практично. И вообще он не против. И мы все еще ужинаем вместе! Хироаки тоже может пойти!

Риина встала.

— Ребят, вы как хотите, а я пойду подышу.

— Точно? Ты уверена? Извини, просто такие вещи получаются сами собой. Попробуй другие настройки, это же весело! — Нори стремительно и крепко ее обняла. — До встречи! Позвони мне, ладно?

Хироаки крикнул ей в спину:

— Риина! Разумеется, ты приглашена на свадьбу! На следующей неделе! Постарайся прийти!

Она убежала, заливаясь слезами, навстречу бесконечному грохоту Сибуи, пытаясь нащупать в кармане костяную кошечку. Сердце подпрыгнуло, когда ее пальцы сомкнулись на чем-то маленьком и теплом: но это был всего лишь лавгети.

Она бросила его в фонтан у статуи Хатико и смотрела, как он тонет. Пес грустно глядел на нее бронзовыми собачьими глазами, и Риина знала, что он тоже ждет, ждет любви в районе Сибуя.

Машинистка сатаны

Тук-тук-тук-тук-тук, говорила пишущая машинка.

— Простите?

Тук. Решительный стук последней точки походил на удар иглы, пронзившей глазное яблоко, — такой же непреклонный и влажный.

— Да?

Она смотрела на меня из-за очков в роговой оправе, и зрачки у нее были как железные гвозди. Между лопатками у нее можно было поставить яблоко. Морщинистая кожа казалась измятой, как бумага, которую много раз мяли и расправляли. Губы были синеватые, а десны такие же бледные, как кожа, и они едва касались кофейно-желтых зубов, когда она открывала рот в гримасе, не похожей на улыбку. Письменный стол из красного дерева представлял собой чинную выставку документов и канцтоваров. Тонкие, как веточки, пальцы, замерли на клавишах машинки, черного полированного «Ундервуда». Чем-то она напоминала трон, престол незримого царя.

— Меня прислали сверху, — сообщил я. Воздух

внизу был влажным и жарким, и капля пота стекала по позвоночнику, как будто по нему вел пальцем какой-то грязный старик.

— А, вы из этих.

— Менеджер сказал, что вы напечатаете контракт. — Я ожидал, что стальной взгляд немного смягчится. Этого не случилось.

— Это моя работа, — сказала она.

— И…

Тук-тук-тук…

— Вам нужна какая-то дополнительная информация или вам все передали?

Каретка пишущей машинки сдвинулась, хотя ее глаза все еще были устремлены на меня. На лице появилось болезненное выражение.

— Все хорошо, — тук-тук-тук, — присядьте, пожалуйста, это займет всего минуту.

Пока я ждал, она яростно набросилась на пишущую машинку. Стук клавиш превратился в пулеметное крещендо, которое перемежалось тихими песнями возврата каретки. Капли пота выступили у нее на лбу. Непослушная прядь волос вырвалась из тугого пучка, но она не остановилась, чтобы убрать ее.

Закончив, она откинулась на спинку стула и вздохнула. Затем встала, вытащила листок

из пасти машинки и протянула мне. Когда она склонилась над столом, мы на мгновение оказались совсем близко. От нее пахло увлажняющим кремом, горьковатым потом и еще чем-то гнилостным. Сухие как бумага губы коснулись моего уха.

— Пожалуйста, — прошептала она, — убей меня.

К моей руке прижалось что-то холодное. Это был канцелярский нож, невероятно острый. Ее глаза умоляли.

Я посмотрел на нее. Руки лежали на столе. Кончики пальцев были красные и мокрые, их покрывали пятна засохшей крови и многие тысячи шрамов от крошечных острых зубов.

Только посмотрев на документ, который собирался подписать, и увидев мокрые багровые слова, медленно просачивающиеся в белоснежную бумагу, я все понял.

Тук-тук-тук, говорила пишущая машинка.

«Звездный странник» с Земли

Глава первая. Дом доктора Дюпре

Двенадцать часов до дождя кораблей.

Мне четыре года, на мне мое лучшее платье. По телеку показывают последнего человека на Луне. Он движется медленными, неторопливыми скачками, а рядом с ним копошится длинноногий паукообразный аппарат, завернутый в фольгу.

Бабушка сидит на краю дивана, в глазах у нее смешинки, в тусклом свете экрана видны впалые щеки. Она понимает, что я смотрю на нее, и подмигивает, как будто у нас есть общая тайна — например, что она там была…

Я просыпаюсь в ужасе.

— Кейт? Ты в порядке?

— Хм?

К виску прижимается холодное и твердое стекло машины, я медленно открываю глаза. От бессонной ночи их жжет. Гомес смотрит на меня, и неловкая улыбка расцветает на круглом лице.

— Будем на месте через пять минут. Вдруг тебе надо подготовиться.

— Спасибо, но мне надо было поспать. Это же свидание.

Я смотрю на сонный пригород Вашингтона, по

которому нас везет суровый агент. Пять утра субботы. Все спокойно и безмятежно. Вдоль дороги растут вишневые деревья в полном цвету, и при других обстоятельствах я бы любовалась видом. Но сейчас его здорово портят два едущих впереди черных фургона полевой команды, и я знаю, что над нами летят еще вертолеты, смотрят с неба жучиными глазами.

— Ему девяносто семь, — замечает Гомес.

Я достаю из кармана маленькое зеркальце и смотрю на руины собственного лица. Обвисшие пшеничные кудри, очки, которые постоянно сползают на нос, темные мешки под глазами.

— А я выгляжу на девяносто семь. Идеальное сочетание. — Я достаю ноутбук и кусаю ноготь большого пальца, пока он загружается. — Меня здесь быть не должно, — говорю я ему. — Мы получаем от Объекта все больше и больше данных. У *ETINT* есть дела поважнее разговоров с гериатриками. У меня есть дела поважнее.

— Ты ведь читала файл?

— Доктор Марк К. Дюпре. Получил степень доктора прикладной химии в Корнелльском университете в 1926 году, когда по Земле бродили динозавры. Работал в лаборатории редкоземельных металлов на крупную машиностроительную

компанию, которая не пережила крах 1928 года. Между 1930 и 1938-м ничего толком не делал. В пятидесятых много работал на *General Atomic*, в том числе участвовал в проекте «Орион». Куча эксцентричных публикаций, начиная от общей теории относительности и заканчивая квантовой механикой и никому не понятными областями математики. Одиночка. Жены нет. Живых родственников нет. Несколько старых патентов в химической промышленности, которые до сих пор приносят деньги. За последние двадцать лет ничего особенного, судя по всему, не сделал.

— Показуха, — говорит Гомес.

Ноутбук выдает пустой экран с помехами, жесткий диск болезненно скрежещет.

— Черт! — Я сердито тычу кнопку питания, перезагружая его, но машина отказывается оживать. Вздохнув, я откладываю ее в сторону. Неважно, у меня есть распечатки. Наш бюджет — три и шесть десятых миллиарда, зачем нам эта хрень? И, кстати, зачем мы посылаем два вооруженных отряда на дружескую беседу с физиком на пенсии?

Гомес моргает, и я знаю, что он сейчас соврет. Запоминать такие вещи в отношениях — профессиональный риск.

— Это не то, что ты думаешь, Кейт. Он опасен. Мы даже не хотим, чтобы ты попыталась получить у него информацию. Никакого конфликта. Просто покажи ему фотографии и посмотри, как он отреагирует.

Мгновение мы смотрим друг другу в глаза. Это классическая ошибка людей, смешивающих работу и удовольствие — вскоре это приводит к неприятным последствиям. Мне очень хочется встряхнуть его за плечи и заставить сказать правду. Я закрываю глаза. Я могу представить себе ход спора, как сценарий *ETINT*: гневные слова падают, как дождь. Мне хочется вернуться в свой кабинет во Дворце, сесть за компьютер и анализировать изображения Космической обороны, пиксель за пикселем. Я не хочу, чтобы Гомес смотрел на меня извиняющимися щенячьими глазами, как это было, когда мы закончили нашу маленькую интрижку.

Поэтому я просто вздыхаю.

— Ладно, так или иначе.

Не говоря ни слова, он протягивает мне маленький наушник, петличный микрофон и пистолет в поясной кобуре. Какое-то время я вожусь с ними: я давно не носила такие штуки. Он почти тянется мне помочь, но вовремя останавливается.

— Ах да, Гомес, — говорю я, когда машина останавливается, — я не буду помогать ему ходить в туалет. Это твоя работа.

Большую часть своей взрослой жизни я пыталась продумать разные варианты конца света.

Все началось с Рейгана. Возможно, виной тому его болезнь Альцгеймера, или, может, он забрел на съемочную площадку фильмов категории Б в пятидесятых во время съемок одной из своих конных опер. Не знаю. Так или иначе, он заявил АНБ, что необходимо иметь особое подразделение, которое будет готово к прибытию инопланетян. *Ergo — ETINT*. Группа предоставленных самим себе чудаков во Дворце загадок. Научные гики вроде меня. Начинала я как криптоаналитик, но постепенно дрейфовала по коридорам Черного города к его самым темным уголкам, где сверхсекретными бюджетами оплачивают навязчивые идеи мучимых старческим маразмом президентов. Мы перемалывали пакеты *Seti@Home* в мелкие крошки на запасных циклах суперкомпьютеров Мэриленда, продумывали параноидальные сценариии стратегии реагирования на них — от чужеродных вирусов до спонтанного появления искусственного интеллекта — и штамповали рекомендации. Мы знали, что они теряются где-то

в системе или скармливаются Слону, штатному пожирателю секретных документов АНБ, чья горластая пасть была размером с целый дом. Но все равно наша работа была очень веселой.

Пока два дня назад не стала реальностью.

Дом двухэтажный, каменный, красивый. Стены горят красным в утреннем солнце. Два фургона припаркованы дальше по улице. Я — бархатная перчатка, они — железный кулак. В них установлены нацеленные на окна лазеры, которые будут улавливать каждый звук.

— Мы рядом, — говорит Гомес мне на ухо, — при малейшем признаке тревоги мы тебя заберем.

— Да уж, — бормочу я.

Я иду по песчаной дорожке, берусь за медный молоток над табличкой с надписью «Д-Р МАРК К. ДЮПРЕ» и слегка бью им в дверь. Минуты через две она открывается.

Дюпре выглядит не так, как я ожидала. Нос крючковатый, кожа — как дубленая шкура, волнистые волосы железного цвета, пронзительные темные глаза под кустистыми белоснежными бровями, которые срослись в одну насмешливую меловую линию. Он сутулится, но у него самые широкие плечи, которые я видела у человека под сотню лет. Одет он в халат.

Он смотрит на меня и издает тихий цокающий звук.

— Вы по поводу смерти или налогов, юная леди? Потому что в такое время я не собираюсь заниматься ни тем ни другим.

— Доктор Дюпре, — говорю я и прочищаю горло, — сэр. Меня зовут Кэтрин Лерой. Я работаю в Агентстве национальной безопасности…

— Значит, не налоги. — Глаза Дюпре слегка расширяются. — Лерой? Любопытно. Я знавал одного Лероя. — На его губах появляется тень грустной улыбки. — Что ж, они еще умеют играть в эти игры, раз присылают ко мне дочь Куколки Лероя.

— Внучку, строго говоря.

Мне не сказали, что он знал моего дедушку. Паршивую овцу в нашей семье, как всегда говорила моя мать. У него даже была бандитская кличка. Что, ради всего святого, связывало его с Дюпре?

Вдруг взгляд Дюпре становится растерянным, он быстро моргает несколько раз, но потом сталь возвращается.

— Да, да, конечно. Ну, они зря теряют время. У меня нет эмоций, на которые легко надавить. Но я старик и теперь провожу время с женщинами реже, чем раньше. Старики мало спят, так что заходите.

В доме пахнет трубочным табаком и кофе. Мебель скудная и новая, обстановка спартанская. Стены голые. Фотографий и памятных вещиц, которых, как мне кажется, должно быть много в домах стариков, нет вообще. Подозрительно. Только одна большая черно-белая фотография в рамке висит на стене в коридоре. На ней изображена группа мужчин, все молодые, некоторые в лабораторных халатах, некоторые в одних рубашках. Я сразу узнаю Дюпре, темноглазого и серьезного, удивительно красивого. Он стоит немного в стороне от остальной группы.

На рамке виднеется небольшая медная табличка с надписью «ЛАБОРАТОРИЯ РЕДКОЗЕМЕЛЬНЫХ МЕТАЛЛОВ, ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ, 1928».

Он ведет меня в просторную гостиную, где на низком журнальном столике гудит ноутбук. Он кабелем соединен со сложной на вид штуковиной, похожей на внутренности старого лампового радиоприемника. Дюпре жестом предлагает мне сесть. Я украдкой смотрю на экран компьютера. Символы, которые для меня ничего не значат, плывут по нему, как инопланетяне из компьютерной игры восьмидесятых.

— Кофе? — спрашивает Дюпре. — Это един-

ственный наркотик, которого меня пока не лишили.

— Да, пожалуйста. — Я улыбаюсь.

Дюпре уходит на кухню, а я открываю портфель и раскладываю на столике картинки. Я до сих пор не могу поверить, что фотографии настоящие, хотя два дня изучала каждый пиксель файлов *TIFF*. Первой это увидела команда Космической обороны из Нью-Мексико. Оно двигалось по поясу Койпера. Они бы приняли это за необычайно большую карликовую планету, вот только ее траектория демонстрировала вопиющее пренебрежение к ньютоновским правилам дорожного движения, действующим в Солнечной системе. Они отправили данные нам, и разверзся ад. Мы орали на НАСА, пока они не отвернули «Хаббл» от очередной туманности, похожей на Иисуса, и не направили его на Объект. Даже сейчас у меня пересыхает во рту, когда я смотрю на него.

Это гигантское сердитое глазное яблоко, идеально гладкое и круглое, чуть размытое по краям, диаметром ровно тысячу километров. Ребята из НАСА считают, что это тонкая оболочка, окружающая огромную центральную массу. Изображения откорректированы с учетом фиолетового смещения. Объект движется со скоростью примерно

0,3 от скорости света. И, насколько мы можем судить, он направляется к Земле.

Вот о чем я должна думать, а не о той хрени, которой в очередной раз занимается Несуществующее агентство.

— При чем здесь мой дед? — бормочу я в петличный микрофон. — Я поэтому здесь?

— Кейси нашла связь, — признается мне в ухо голос Гомеса. — Твой дедушка на него работал. Наемный громила, судя по всему. Ты же знаешь, Кейси никогда не отмахивается от интуиции. Неважно. Просто покажи ему картинки.

Дюпре выходит из кухни с двумя кружками кофе. Он видит фотографии, и у него начинают трястись руки. Горячая жидкость льется на пол.

— Доктор… — Я помогаю ему поставить кофе на столик.

— Я в порядке, — рявкает он и падает на диван. Закрывает глаза и делает глубокий вдох. — Пожалуйста, принесите мне трубку. Там, в ящике.

Я так и делаю. Он набивает ее плохо пахнущим табаком из небольшого кисета, закуривает и откидывается назад, яростно выпуская дым. Затем он просматривает картинки одну за другой, время от времени останавливаясь и нажимая несколько клавиш на ноутбуке.

Внезапно Гомес снова возникает в моем наушнике.

— Кейт, — говорит он, — мы ничего не слышим. Что-то не так с лазером. Термальная визуализация тоже не работает. Уходи оттуда. Мы…

Белый шум, прерывающий фразу, настолько внезапен и яростен, что я до крови прикусываю язык и чувствую вкус железа. Я вынимаю наушник дрожащими руками и сую в карман. На глазах у меня слезы, а в животе вдруг возникает комок страха.

Дюпре смотрит на меня с легким намеком на веселье. Глаза похожи на два куска кремня.

— Доктор Дюпре? — говорю я, медленно вставая. — Что здесь происходит?

Он выпускает густое облако дыма и кашляет.

— Я говорил этим идиотам, что он вернется. Он всегда возвращается. Всегда. Было время, когда эти проклятые зонды фон Неймана пытались съесть корабль. Он поместил нас в спасательный модуль и повернул через пятое измерение в планковскую брану. Я должен быть понять, что он выжил в черной дыре. Какой я дурак.

— О ком вы? Кто всегда возвращается?

— Ричард Соан.

Внезапно его голос становится глухим и дале-

ким, и нити тьмы застилают мне глаза. Я роняю кофейную кружку и смотрю, как она медленно падает на пол. Пятно, растекающееся по ковру, похоже на тест Роршаха.

— Приношу все возможные извинения, но это необходимо, — говорит Дюпре, — я давно сражался с ним. Пора уходить. Куда-то, где три солнца.

Я слышу отрывистый стук клавиш.

Я изо всех сил пытаюсь дотянуться до пистолета, но гораздо легче сдаться теплу, которое разливается в животе. Я падаю на диван. Мягкая поверхность поглощает меня.

Когда мир сдается и решает исчезнуть, раздаются стон и грохот. Как будто с корнями вырывают из земли каменное дерево…

Глава вторая. Доктор Соан, я полагаю

Меня как будто крутят на карусели на школьном дворе. Постепенно я узнаю ощущения. Тренировка свободного падения во Флориде три года назад: тридцать второе стремительное погружение в чрево рвотной кометы.

Жесткая рука нежно касается моего лица и что-то прижимает к губам: трубочку.

— Держите, — говорит голос Дюпре, и в руке у меня оказывается картонная коробка. Апельсиновый сок идет не в то горло, я кашляю и отплевываюсь. Ощущение удушья внезапно включает свет в темном пространстве моей головы. Я открываю глаза, моргаю от яркого света и вижу идеально круглые капельки сока, плавающие в воздухе. За ними маячит лицо Дюпре, похожее на исковерканную луну.

— Вы справляетесь лучше своего деда, если вам от этого легче.

— Что, черт возьми, происходит? — выдавливаю я.

— Ну, мы примерно в пятнадцати астрономических единицах от Земли, движемся со скоростью 0,1 скорости света. Я бы поехал быстрее, но мы

пока не вышли за пределы гравитационного колодца Солнца. В шаровом скоплении M75, за Млечным путем, есть планета, похожая на Землю. Надеюсь, это будет достаточно далеко.

Он сумасшедший. Я тянусь к пистолету. Разумеется, он заткнут за пояс Дюпре.

— Я не собирался похищать вас, мисс Лерой. Вы должны быть благодарны. Я даю вам возможность избежать того, что грядет.

Я изо всех сил пытаюсь прочистить голову. Это моя работа — думать о невозможном. Я должна с этим справиться.

Я оглядываюсь. Гостиная Дюпре не изменилась, за исключением того, что мы теперь парим под потолком. Пустота дома приобретает смысл. Я впервые замечаю, что мебель привинчена к полу.

Ставни закрыты, но по краям виднеется какое-то странное свечение, будто нефть разлили на воду.

Это наверняка учебное упражнение. Может быть, они отправили меня на МКС. Или мы в рвотной комете, и все закончится через 30 секунд. Может быть… Но нет. *ETINT* — малобюджетная организация, вынужденная довольствоваться крохами со стола АНБ. Они бы этого не сделали.

Это галлюцинация. Или виртуальная реальность. Или… чертова бритва Оккама.

Я смотрю на Дюпре, который парит в воздухе передо мной со скрещенными ногами, похожий на сморщенного Будду.

— Покажите, — прошу я.

Он снисходительно улыбается, нажимает клавишу ноутбука, и ставни открываются. На меня смотрит холодное немигающее море звезд. Они странно искажены, будто вздуты, и имеют янтарный цвет. Но они есть. Объект был просто пикселями на экране компьютера. А это… настоящее. Почему-то это меня пугает и злит одновременно.

— Вы превратили свой дом в космический корабль? — спрашиваю я, стыдясь истерических ноток в голосе.

Дюпре смеется тонким скрипучим смехом.

— Дом и около ста тысяч кубометров грунта и скальной породы. Вы в детстве не читали Жюля Верна? Джентльмен не станет путешествовать без своей библиотеки и курительной комнаты. Кроме того, ваши люди постоянно наблюдали за мной. Так было проще всего, да и технология у меня была. С 1928 года.

Он осторожно постукивает по ламповой штуке,

прикрепленной к ноутбуку, и смотрит куда-то вдаль.

— Соан назвал это приводом смещения. На самом деле, все просто. Нужно локально раскачать М-теоретические модули компактификации, и ньютоновская константа изменится. Возникнет приливно-отливный градиент. — Он показывает на искажение за окном: — У этого есть полезный эффект. Стена потенциальной энергии, через которую может пройти только свет, и то только с красным смещением. Удерживает воздух: у меня в подвале системы жизнеобеспечения.

Я пытаюсь понять, что он говорит, но слова все время ускользают. Это придумали в 1928 году? Но это неважно, не сейчас.

— Я не это имела в виду, — говорю я, — почему, а не как.

— Я покидаю тонущий корабль, — медленно отвечает он. — Скоро появится Соан. Видимо, пришедшая с возрастом мудрость подсказывает, что даже тогда с ним лучше было не связываться. Одному Богу известно, кто он теперь. — Он сжимает губы в тонкую линию. — Он собирается сдвинуть мир с оси, и ваше начальство с этим ничего поделать не может. И поэтому они отправили вас ко мне, так?

— Господи, а вы всерьез боитесь этого… Соана. Откуда вы вообще знаете, что это он?

— Потому что он мыслит именно так. На ваших фотографиях — увеличенная версия самого первого корабля, который построил Соан со своим напарником Крэнстоном. Построил. Ему всегда приходилось делать что-то побольше, и он никогда ничего не выбрасывал. И да, я его боюсь. Из-за того, каков он. Он нравственный человек.

— Не понимаю.

— Я этого и не жду. Это уже неважно, мы улетаем прочь. Далеко.

Внезапно из недр машины Дюпре раздается звон, похожий на колокольчик. В одной из ламп пульсирует голубая искра. Он хмурится и пристально смотрит в экран.

Я смотрю на пистолет у него на поясе. Начинаю разыгрывать сценарий в своей голове, но у меня пересыхает во рту, прежде чем я успеваю начать. Поэтому я просто приступаю к делу, не думая, во внезапном порыве.

Я отбрасываю коробочку из-под сока, и третий закон Ньютона дает мне достаточный импульс, чтобы преодолеть расстояние между нами. Я хватаю пистолет и хорошенько толкаю Дюпре. Мы разлетаемся в стороны, и я любуюсь его удив-

лением.

— Хорошо, — говорит Дюпре, тяжело дыша, — хорошо, внучка Куколки. Я не собирался это использовать. Оставь себе, если хочешь.

Он держится за плечо, как раз там, куда я его толкнула, и я чувствую укол вины.

— Спасибо, оставлю. — Я щелкаю предохранителем. — А вы развернете этот… корабль. Мы летим домой.

На заднем плане снова поет М-теоретическая машина. Дюпре смиренно смотрит на нее.

— Боюсь, что нет, мисс Лерой, — морщится он. — Соан здесь.

Воздух в комнате становится горячим. Кожу покалывает. В центр комнаты выплывает призрак, полупрозрачный бесцветный образ, и я узнаю одного из мужчин с фотографии Дюпре. С напряженной челюстью и широкими плечами. Но в его глазах появилось что-то новое. Холод.

Призрак шевелит губами, и в ушах у меня взрывается шум помех. Потом шум превращается в глубокий мужской голос с мальчишескими интонациями.

— Дюпре, сукин ты сын! Еще жив? Что, такие, как ты, сделаны из сыромятной кожи и китового уса?

Призрак проносится мимо меня, и Дюпре оказывается прижат к стене. Непреклонные пальцы сжимают его горло, лицо синеет, он изо всех сил пытается дышать.

— Отпусти его, — говорю я. Пистолет дрожит у меня руке.

— Не вмешивайтесь, милая леди. У меня с этим черномазым негодяем остались кое-какие нерешенные вопросы за последний век или около того…

Я стреляю. Пистолет вздрагивает. Пуля пронзает призрака и отскакивает от противоположной стены.

— Убери пукалку, пока никто не пострадал.

Непреодолимая сила вырывает пистолет из моей руки. Он отплывает в сторону и вспыхивает раскаленным сияющим жаром. Через мгновение в воздухе плавает только блестящая сфера расплавленного металла.

— Так-то лучше, детка, — усмехается призрак. — Красивым штучкам вроде тебя не стоит крутиться рядом с такими, как он. Оглянуться не успеешь, как сама сгниешь.

Он отпускает Дюпре. Старик задыхается. На морщинистой шее видны синие отпечатки пальцев.

— Как ты… меня нашел?

— Ой, это древний трюк, старина. Квантовое сплетение. Мы с Крэнстоном подумали, что надо не упустить тебя еще раз. У нас на «Звездном страннике» есть поляризованный фотон с твоим номером.

Дюпре закрывает глаза.

— Вы Ричард Соан? — спрашиваю я.

Он улыбается, сверкая зубами, как старая голливудская звезда.

— К вашим услугам.

Затем смотрит на Дюпре:

— Нам нужно поговорить, Черныш. Но не здесь. Давай, придерживай трусики!

Глава третья. Звездный странник

На мгновение звуки и свет пропадают. Потом желудок сжимается, когда возвращается гравитация, словно от сильного похмелья. Падать всего метр, не больше, но я больно ударяюсь об пол боком. Дюпре кряхтит, сползает вниз по стене и оседает на полу кучей. В глазах у него беспомощный гнев. Через секунду я снова осознаю себя в пространстве, и мне удается встать.

— Помогите мне подняться, мисс Лерой, — хрипло говорит Дюпре. — Я не собираюсь говорить с ним, стоя на коленях.

Совместными усилиями мы ставим его на ноги. Он немного пошатывается, хватает меня за плечо паучьей рукой.

— Спасибо, — говорит он, тяжело дыша. — Что ж, давайте посмотрим, на какой сцене разыграется эта пьеса.

Мы подходим к окну — оба стоим на ногах нетвердо — и смотрим, моргая от солнечного света.

Снаружи виднеется мир Маленького принца. Горизонт изгибается слишком круто, чтобы это было комфортно. Несмотря на теплое желтое

сияние, солнца нет — небо равномерно синее. Поодаль бок о бок стоят два дома посреди зеленого поля: ухоженный особняк колониальной эпохи и более современное двухэтажное здание поменьше, с французскими окнами. Воздух влажный и пахнет летом. Я смотрю на Дюпре, широко распахнув глаза.

— Игрушки, — хмыкает Дюпре, — он играл со своим новым конструктором.

— Господи, — шепчу я, — похоже на картину Магритта.

— Не понимаю, зачем пачкать красками идеально ровный холст, — говорит кто-то.

Я чувствую запах крепкого табака, и дверь открывается. Это Соан, невероятно красивый и загорелый в искусственном солнечном свете. На нем белая рубашка с закатанными рукавами и старомодные серые брюки с подтяжками. Он босой, покусывает янтарный мундштук большой трубки, мышцы на предплечьях и груди вздымаются и опадают, когда он двигается.

— Это одна из причин, почему мы никогда не сходились во взглядах, — отвечает Дюпре спокойно. Он отпускает мое плечо, выходит на крыльцо и скрещивает руки на груди. Мгновение двое мужчин смотрят друг на друга. Затем Соан

моргает.

— Знаешь, — говорит он, вытряхивая трубку на траву, — я семьдесят лет знал, что тебя нужно убить, но так этого и не сделал. Что же случится на этот раз, Черныш?

— У тебя нет причин меня убивать, — отвечает Дюпре.

— Ты всегда следил, чтобы у меня были причины не делать этого. Но ты зашел слишком далеко.

— Ты о чем?

Соан грозит пальцем Дюпре.

— Да ладно, не держи меня за дурака. Я изучил электромагнитный спектр в диапазоне пары десятков световых лет, посмотрел кое-что по телевизору. Ты победил. Тайно, не показывая себя, но победил, богом клянусь. Самая большая война в истории. Атомные взрывы. Бессмысленные развлечения для людишек. Все эти причудливые новые гаджеты, которые можно создать только на основе того, что мы сделали несколько десятилетий назад…

— Ничего из этого я не делал, — перебивает Дюпре.

Мгновение я слушаю Соана, и маленькая девочка внутри меня, которая думает о возможных

мирах, начинает шептать мне на ухо. А что, у нас мог быть другой двадцатый век, с блестящими космическими кораблями, избытком энергии, летающими домами? Что, это все забрал Дюпре? Он тайно правил миром? Что, если…

Нет, твердо говорю я сама себе. Это безумие. Я делаю шаг вперед и прочищаю горло.

— Доктор Соан, на самом деле он имеет в виду…

— И все еще заглядываешься на дамочек, — замечает Соан. Он впервые смотрит на меня и улыбается по-мальчишески. Но глаза у него пустые и безжизненные, как крашеные яичные скорлупки. — Ладно, детка, не знаю, загипнотизировал он тебя или что, но я могу точно сказать, что доктор Марк К. Дюпре — самая скользкая и хитрая гремучая змея по эту сторону Андромеды, какой бы мед он ни лил в твои хорошенькие розовые ушки…

— Послушайте…

— Ты что, считаешь меня властелином Земли? — недоверчиво перебивает Дюпре.

Соан чешет в затылке.

— Ты начинаешь меня утомлять, Черныш. Но я могу все упростить. Давай я просто возьму эдюкатор и загляну в твои чудесные извращенные

мозги. Узнаю, на что ты способен.

— Ты прекрасно знаешь, что я умру раньше, чем ты что-нибудь из меня вытянешь, даже сейчас, — высокомерно говорит Дюпре. — У меня было шестьдесят лет, чтобы поработать над техниками медитации. У меня всегда это получалось лучше, чем у тебя.

Соан жует мундштук трубки.

— Ну ладно, а как тебе такой вариант: ты даешь мне поковыряться у себя в мозгах, или я ищу бесконечную времяподобную геодезическую кривую, дематериализую тебя и запускаю по ней в подходящем контейнере. Ты знаешь, что я могу это сделать. Я знаю и слова, и музыку. У тебя будет очень много времени, чтобы подумать о своих грехах. Как тебе это?

— Ты не можешь мне этим угрожать. Если ты не заметил, я немного постарел со дня нашей последней встречи. — Он сардонически улыбается. — Когда тебе почти сто, вопрос бессмертия тебя сильно занимает. Уверен, что смогу придумать, чем занять вечность.

Их взгляды снова встречаются, и на этот раз похоже, что они готовы смотреть друг на друга до смерти. Я хочу заорать, заставить их прекратить эту идиотскую писькомерку. Но я прикусываю

язык и заставляю себя говорить спокойно:

— Доктор Соан, пожалуйста, послушайте. Мы приняли вас за корабль инопланетян и…

— Инопланетян? — смеется Соан. — В этом спиральном рукаве галактики нет космических цивилизаций. Больше нет.

Я смотрю на него и сжимаю кулаки.

— Доктор Соан, — говорю я как могу медленно. — Я приказываю вам немедленно связаться с моим правительством любым доступным вам способом, выйти на околоземную орбиту и отдать свой корабль на инспекцию Министерству национальной безопасности.

— Прошу прощения? — озадаченно спрашивает он.

— Доктор Соан, если кто-то из здесь присутствующих может говорить от имени властей Земли, то это я. Я работаю в *ETINT*, филиале Агентства национальной безопасности, который имеет дело с потенциальными внеземными угрозами. Вы — американский гражданин, я — правительственный агент, ведущий расследование, и я благодарна за ваше содействие в этом вопросе. Мне нужно связаться с моим агентством и рассказать, что происходит. Я уверена, что в течение десяти минут вы сможете поговорить по телефо-

ну с президентом Соединенных Штатов, а вскоре после этого — с Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций. — Я щурюсь. — Но сначала мне нужно точно знать, каковы ваши намерения и где именно вы взяли… — я машу рукой, пытаясь охватить все технологическое разнообразие вокруг, — все это.

Дюпре щиплет себя за переносицу. Соан протяжно свистит.

— Очаровательная отповедь, золотко. Не знаю, где ты находишь этих шлюшек, Черныш. Она не очень хорошая актриса. Я много раз видел гангстерских девок. Для девчонки она удивительно хорошо обращается с пушкой. Ну и потом, я же знаю, кто здесь на самом деле главный.

— Так. Он умеет читать мысли? — спрашиваю я у Дюпре, испытывая некоторое удовлетворение от того, что абсурдность этой фразы уже ничего не меняет на моей шкале оценки странности происходящего.

Старик кивает. Я скрещиваю руки на груди.

— Ну так прочитайте мои. Я говорю правду.

Дюпре в ужасе трясет головой. Соан поднимает бровь.

— Интересная мысль, детка. Просто постой спокойно. Больно не будет.

Внезапно рой серебристых насекомых окружает голову Соана нечестивым нимбом. Холодная металлическая лента сжимает мне виски, и в череп вонзается миллион крошечных игл. В горле зарождается крик, но уже слишком поздно. Воспоминания льются потоком, и я тону в нем, тону в Ниагаре ностальгии. *Луна, бабушка и снеговик, которого я слепила в пять лет, и тайна, которую я никому не рассказывала…* И я знаю, что он все это видит и отнимает у меня.

Я пытаюсь бороться. Я думаю о хеш-функциях, конечных полях и эллиптических кривых. Голодный чужой разум внутри меня отметает их в сторону, требуя большего. И вот я пуста, суха и даже не понимаю, что щемящее чувство в моей голове — это боль…

— Стоп, — говорит голос.

Я падаю на траву, мой разум подобен чистому листу белой бумаги.

Память возвращается внезапно и болезненно. *Летающие дома и сумасшедшие ученые, незнакомцы в моей голове, сумасшедшие старики и запах свежескошенной травы где-то в космосе, пожалуйста, отпусти меня домой, пожалуйста.* Я рыдаю, но слез нет. У меня перехватывает дыхание.

— Дышите, — мягко говорит Дюпре. Он касается моей щеки и смотрит на меня. Я сглатываю.

— Давным-давно, — говорит он, — еще до вашего рождения, я путешествовал по Востоку. Я учился у ламы, который научил меня дышать.

Я беспомощно моргаю.

— Это просто. Вы не дышите. Откройтесь, позвольте воздуху наполнить вас. Это трудно и это просто. Научитесь это делать, и вы больше никогда не будете бояться.

Я слушаю его голос, хватая ртом воздух. Словно тяжелое черное животное сидит у меня на груди.

— Помедленнее, — укоризненно говорит Дюпре, — повторяйте за мной. Веди меня от лжи к истине, веди меня от тьмы к свету, веди меня от смерти к бессмертию.

Он шепчет мне это несколько раз, и я повторяю, и, пока я это делаю, сердце перестает колотиться, я успокаиваюсь, как вода.

— А ты размяк, Черныш, — говорит Соан. — Раньше ты бы и глазом не моргнул, если бы я всадил ей пулю между глаз. Ладно, ты хотя бы дашь слово, что будешь со мной сотрудничать? Вроде это всегда неплохо получалось.

— Урод! — Я встаю, отталкиваю Дюпре и бью Соана в лицо изо всех сил.

Мне удается застать его врасплох. Боль взрывается в моей руке, когда кость сталкивается с костью. Соан не падает, но на его лице появляются удивление и злость. Нимб вокруг его головы темнеет и краснеет, и я чувствую волну обжигающего жара. Солнце тускнеет, и я слышу далекий гул машин и их глухое гудение. У меня за спиной Дюпре резко втягивает воздух.

Холод возвращается в глаза Соана.

— Черт, — говорит он с безрадостной ухмылкой, потирая подбородок. — Это вам не пушинка, падающая на Гибралтар. Это я почувствовал, — он хмурится, — понимаешь, только один удар можно нанести просто так. Почему бы тебе не сбегать домой, к моей жене Барбаре. Она приготовит тебе ужин и вразумит тебя. А я пока разберусь с этим двуличным змеенышем.

Я хочу ударить его снова, но Дюпре кладет паучью руку мне на плечо.

— Мисс Лерой, пожалуйста, поступайте, как говорит наш хозяин. Я постараюсь все уладить. — Он слабо улыбается.

— Но…

— Это лучший способ, поверьте мне. Пожалуйста.

— Ну и ладно, — бурчу я и иду к дому с француз-

скими окнами, вытирая злые слезы.

Барбара играет на скрипке в саду за домом, сидя на кованой скамье.

Я все еще в ярости, но от ее музыки у меня перехватывает дыхание. На ней старомодное платье синего цвета с высоким воротником, оно сшито из какой-то сверхъестественно легкой, струящейся ткани. Выше локтя браслет с гигантским драгоценным камнем, ослепительно сияющим в искусственном солнечном свете. Волосы у нее темно-каштанового цвета, и, как и Соан, она светится здоровьем. Я мгновенно вспоминаю все занятия пилатесом, которые пропустила.

— Привет, — говорю я. Она прекращает играть и бросает на меня раздраженный взгляд. Но ее лицо тут же озаряется светом.

— Ах да, Дик упомянул, что у нас будут гости, — тепло говорит она. — Ты, должно быть, Кейт. Я Барбара. Присаживайся, голубушка. — И тут она хмурится: — Боже, на тебе что, штаны?

Я сажусь на скамейку рядом с ней и закрываю лицо руками. Они все сумасшедшие. Но я слишком измучена, я оцепенела и не могу говорить.

— Полно, полно, — говорит Барбара, — мы сейчас подберем тебе что-нибудь получше, не бойся. — Она дружелюбно похлопывает меня по

руке. — Пег! Пег, у нас гости!

Из тени розового куста выходит худощавая невысокая женщина с темно-каштановыми волосами. В руках у нее книга, платье очень похоже на платье Барбары, только лавандовое.

— Бабс, — говорит она, — этот ужасный Дюпре вернулся. И он такой старый. — Она растерянна.

— Неважно, — решительно говорит Барбара, — пусть им мальчики занимаются. Я не позволю этому негодяю испортить Кейт впечатление от визита. — Она доверчиво улыбается мне: — Ослепительные вспышки, оглушительные отчеты, это все к ним. Они уже раньше справлялись, и я оставлю это им. Ну а мы поужинаем!

Меня ведут в дом. Пег берет меня за руку крошечной ручкой и идет, щебеча что-то.

— Ты должна мне все-все рассказать. Нас так долго не было! Кажется, много лет прошло! Что носят в наши дни?

— Брюки. — Я выдавливаю улыбку.

Дом — идеальная копия особняка в Новой Англии. Стены украшены картинами, спортивными трофеями и фотографиями одного человека. Думаю, что это Мартин Крэнстон, который позирует рядом со старым самолетом.

Кухня выглядит не совсем так, как я ожидала.

Полки и шкафы пусты, зато имеется большой дубовый стол. С потолка медленно спускается металлическое устройство, похожее на гибрид головного убора дантиста и реактивного ранца Бака Роджерса. Барбара надевает его на голову.

— Чего бы ты хотела, милая?

— Что это? — спрашиваю я.

— Ах, это? Это Дики однажды придумал, чтобы не тратить время на стряпню. Я просто думаю, чего хочу, и оно создает пищу из молекул или какой-то такой ерунды. У него в рубке такое тоже есть, только огромное, для всего корабля или его Мозга, как он говорит. С ним нужно быть очень осторожным. Он говорит, что одна случайная мысль может взорвать весь корабль. Хорошо, что эта штука делает только вещи.

Она закрывает глаза. Дымящаяся тарелка с толстенным стейком, погребенным под лужей соуса и грудой карамелизованного лука, появляется на столе. Я ожидаю какого-то мерцания, как в «Звездном пути», но ничего такого: тарелка просто беззвучно возникает.

— Ну вот. Наваливайся.

В моем усталом мозгу звенит колокольчик. Мне просто надо задавать правильные вопросы, и тогда я узнаю кое-что. Мы едим, ведем праздные

беседы, и хотя меня все еще трясет, я чувствую себя удивительно хорошо. В желудке теплая еда, я рассказываю им о Жане-Поле Готье, и они охают и ахают.

— Откуда у тебя такой чудесный браслет? — спрашиваю я Барбару.

— Ой, а я и не помню! — говорит она, и глаза ее странно пустеют. — Мы везде были. Хорошо, что Дик построил этот корабль, новый. В первом нельзя было даже нормально принять ванну. Это было ужасно.

— А как он его построил?

— Ой, я этого всего не понимаю. И не очень беспокоюсь о таких вещах. Вокруг той звезды было такое зеленое пространство, вроде аквариума с рыбками. Дики там очень хорошо поладил с машинами, и они сделали большую часть работы. Хотя, конечно, все это придумали Дик и Марти. Они ужасно умные, ну ты знаешь. — Она улыбается: — Помнишь, Пег? Мы там умерли. Хорошо, что Дик вернул нас обратно.

Пег кивает.

— Да уж, — ежится она, — даже думать противно о том, каково быть мертвой. Но теперь мы в порядке. — Она широко улыбается.

Я смотрю на них, и в моем сознании зарождает-

ся подозрение. Я помню слова Дюпре. Он никогда ничего не выбрасывает. Я думаю, как Соан выдрал воспоминания из моего разума, думаю об их идеальном цвете лица. Будто бы отфотошопленные журнальные фотографии ожили.

— Можно я спрошу? — говорю я. — Как, по-вашему, какой сейчас год?

На их идеальных лицах мелькает замешательство.

— Что за вопрос, — говорит Барбара, — тысяча девятьсот тридцать второй, конечно!

После ужина я откидываюсь на спинку стула.

— Это было чудесно, Барбара. Просто невероятно. Дики счастливчик.

Пег хихикает.

— Знаешь, что еще бы не помешало. — Я понижаю голос. — Хотя не надо. Нужно бы и о фигуре подумать.

— Говори, — подмигивает Барбара, — мы никому не скажем.

— Малиновый пудинг моей мамы, — задумчиво говорю я. — Вот бы сейчас порцию. И кофе.

— Я приготовлю кофе! — нетерпеливо говорит Пег и надевает гарнитуру. Три красивые фарфоровые чашки материализуются перед нами. — А вот с пудингом я вряд ли смогу помочь.

— Может, я сама попробую? — невинно спрашиваю я.

— Не знаю, — говорит Пег. — Марти сказал, что только нам можно этим пользоваться.

— Не говори глупостей, Пегги! — возражает Барбара. — Что еще Марти мог сказать, если здесь больше никого нет! Пусть Кэйти попробует.

Она встает и протягивает мне гарнитуру:

— Держи. Просто надевай и хорошенько подумай о пудинге. Только осторожнее, чтобы мы в нем не утонули.

Она пронзительно хихикает, будто расстроенная скрипка.

Я вызываю в памяти образ бывшего бойфренда-морпеха, который водил меня на стрельбище и научил разбирать автомат M16A2. Нет. Это уже не сработало. Мне нужно что-то потоньше.

И тогда приходит идея. Это жестоко, но такое уж у меня настроение.

Я надеваю гарнитуру.

Пудинг начинает пожирать лицо Барбары. И стол. И дом. Серая бурлящая масса пухнет, излучает тепло, растет, как пятно на ускоренной перемотке, течет и отращивает голодные щупальца.

— Боже, Кэйти, это чудесно, — говорит Барбара,

и уродливая серая опухоль расцветает на ее щеке. — Ты должна дать мне рецепт.

Слизь капает на стол у нее изо рта. Классический трюк для теста Тьюринга: если ввести что-то, что находится за пределами системы координат чат-бота, он продолжит действовать, как будто этого не существует. Пег уже поглотила бурлящая масса.

У меня эйдетическая память. *ETINT* однажды проводил оценку экзистенциальных угроз. Мы рассмотрели гипотетические конструкции самовоспроизводящихся нанороботов, пытались оценить их разрушительный потенциал. Мы пришли к выводу, что, начав с нуля, они уничтожили бы всю биосферу Земли меньше чем за час.

Если схема, которую я подумала в гарнитуру — это что-то вроде молекулярного ассемблера, кажется, — работает как надо, у меня есть что-то около пяти минут.

Бросаю на них последний взгляд. Что случилось с настоящими женщинами? Они действительно умерли или сошли с ума? Есть ли на этом корабле кладбище? Может, Соан — тоже уже не оригинал?

Я решаю, что мне все равно, разворачиваюсь и бегу.

Я успеваю как раз вовремя. Дом стонет и рушится, опорные структуры исчезают, и мне в спину дует горячий ветер — серая слизь по мере роста излучает тепло.

Затем я делаю то, чего никогда раньше не делала: ору. Я выпускаю гнев, страх и разочарование в одном пронзительном крике, который исходит из низа живота. Мой инструктор по тай-бо всегда говорил, что именно так получается настоящий «киай». Я почти уверена, что это больше похоже на боевой клич, чем на призыв о помощи. Но он срабатывает. Соан и Крэнстон подхватывают меня, когда я падаю.

— Доктор Соан, это было ужасно. — Я закатываю глаза. — Я не знаю, что произошло. Я просто подумала в этой машине, и она сошла с ума…

Крэнстон замирает. По ужасному замешательству на его лице я понимаю, что он тоже всего лишь марионетка, еще одно продолжение маленького мира, построенного Соаном.

Позади нас серая слизь вскипает грибовидным облаком.

— Мне нужно в рубку, чтобы ее убрать, — говорит Соан и ослепительно улыбается. — Не волнуйся, детка. Я очень быстро все исправлю.

И он беззвучно исчезает.

Дюпре стоит в тридцати футах от меня и с любопытством смотрит на растущий хаос. Жара уже обжигает, облако движется к нам, набирая скорость.

— У нас мало времени! — кричу я.

Дюпре с интересом смотрит на меня и иронично улыбается:

— Это вы сделали? Готов поспорить, такого он не ожидал.

— Вы можете нас отсюда вытащить? Ваша машина все еще работает?

Дюпре кивает. Мы бежим к его покосившемуся дому, и доктор не отстает, хотя и пыхтит, как паровой двигатель.

Мы оказываемся внизу. Я захлопываю дверь и слышу болезненный хриплый звук.

Дюпре смеется.

Глава четвертая. Большой Д

Дюпре уводит дом от маленького планетоида, пальцы танцуют на клавиатуре М-теоретической машины. Свечение поля смещения окутывает нас, и гравитация пропадает. На этот раз я почти рада тошноте и головокружению.

— Вы придумали весьма впечатляющий трюк, но упустили важную деталь, — говорит Дюпре. — Нам не выбраться из «Звездного странника». Я даже не знаю, является ли его внешняя оболочка материей. Возможно, это какой-то изъян в пространстве или пикотехнологическая псевдоматерия.

— Что-то я не видела, чтобы вы там хоть что-то сделали, — язвительно говорю я.

— Нет, не видели, — улыбается Дюпре.

— И что это значит?

Внезапно машина Дюпре снова звенит. Он уже гонится за нами? Страх выкручивает мне кишки.

— Ха, — выдыхает Дюпре, — поверить не могу. Он все еще здесь. Соан как он есть: не выбрасывает ничего, что может пригодиться.

— Вы о чем?

— Мой корабль. «Большой Д». — Он одаривает

меня дьявольской ухмылкой, которая заставляет его выглядеть намного, намного моложе.

— Нам понадобятся скафандры. Мне придется отключить двигатель, как только мы доберемся до стабильного региона, который Соан создал для своих игрушек. Орбиты икосаэдрической симметрии: он сто процентов выделывается именно таким N-частичным решением. Это значит, что мы так или иначе развалимся: ничто не будет скреплять дом, когда исчезнет поле смещения. Загляните вон в тот шкафчик.

Когда я открываю дверь, на которую указывает Дюпре, оттуда вываливается всякий хлам. Шлемы и толстые стеганые комбинезоны, серебристо-блестящие и украшенные советским флагом.

— Из российских запасов, — поясняет Дюпре, — люблю *eBay*.

Мы вместе выплываем в дверь Дюпре и попадаем на гигантскую свалку. Дыхание свистит в ушах, и я с болезненной ясностью ощущаю вакуум сразу за тонкой тканью скафандра.

Прямо рядом с домом Дюпре, почти полностью утратившим форму — отвалившиеся кирпичи плывут во все стороны, — висит клепаная сфера медного цвета, футов тридцати в диаметре, усеянная орудийными портами и круглыми

иллюминаторами. Под нами сфера побольше, сделанная из чего-то прозрачного и зеленоватого. За ней виднеется силуэт, которому я не могу дать названия, он, кажется, пульсирует и движется, пока я смотрю на него. Это напоминает мне 3D-проекцию гиперкуба, которую я когда-то видела. Над нами и вокруг нас плавают странные вещи, вращающиеся серебряные ракушки и какие-то средневековые доспехи размером примерно с Эмпайр Стейт Билдинг.

Есть тут и живые существа — в анабиозе. Многоглазое чудище с шестью парами крыльев и щупальцами, словно вышедшее из ночного кошмара Лавкрафта. Черное дерево, ветви которого образуют множество Мандельброта, а ствол весь усеян глазами. Гуманоид со смехотворно огромной головой и худым иссохшим телом: его череп прозрачен, а контуры мозга пульсируют, пока я смотрю.

А вокруг нас безоблачное голубое небо, которое загибается наверх и уходит влево, и вправо, и вниз, и исчезает в непрозрачной дымке, куда ни посмотри — внешняя оболочка «Звездного странника».

— Посмотрим, помнит ли меня старушка, — говорит Дюпре по дребезжащей радиосвязи и

шепчет: — Дюпре альфа-гамма три четыре один.

Он поднимается из машинного моря под нами, матово-черный цилиндр длиной в целую милю. У меня снова кружится голова, когда невероятно гладкая поверхность заполняет все поле зрения — прозрачно-черный мыльный пузырь больше неба.

— Это сделали для меня в зеленых мирах, — говорит Дюпре откуда-то издалека. — Такие доверчивые. Такие старые. Древние машины, созданные для исполнения желаний. Я думал, что хочу этого. Игрушку.

— Д на связи, — говорит скрипучий женский голос у меня в наушниках. — Добро пожаловать назад, доктор Дюпре.

— Пойдемте, — говорит Дюпре, — надо выбираться отсюда.

В обшивке корабля открывается гигантская пасть и проглатывает нас.

Внутри корабля есть гравитация. Движущаяся дорожка — металлическая полоса, которая течет, как вода, под нашими ногами, — ведет нас через почти бесконечные, освещенные голубоватым светом туннели, через залы с гигантскими гудящими машинами, огромными катушками и электрическими дугами. Когда мы проезжаем

мимо, они просыпаются, как будто приветствуя Дюпре.

Дюпре качает головой.

— Почти все это просто для красоты. Они пытались дать мне то, что я мог вообразить в то время, что мог понять. Все настоящее находится в искусственной сингулярности, и оно не больше булавочной головки. Но тогда нам нужны были внешние атрибуты.

А потом мы стоим на плавучей платформе в гигантской, как пещера, рубке. Дюпре сидит на обитом бархатом стуле за панелью управления, которая выглядит как внебрачный отпрыск трех органов и пишущей машинки, у нее даже есть педали. Какое-то время он яростно возится с кабельным соединением, затем начинает стучать по клавишам ноутбука. Группы клавиш и рычагов двигаются сами по себе, как будто на них играет невидимый пианист. Мягкий золотой свет заполняет кокпит, и весь корабль вокруг нас оживает. Везде виднеются машины Бака Роджерса, они светятся, гудят и поют.

На круглом экране метров двадцати в диаметре видны свалка Соана и небо «Звездного странника».

— Вы здесь побывали, — тихо говорю я, — вы

все это видели. И никому не сказали.

Дюпре закрывает глаза.

— Разумеется, нет. Я действительно собирался стать властелином Земли. И я мог бы им стать, если бы не Соан, который воображал, что все сделает намного лучше. Но все меняется. Мы не были готовы к этому, никто из нас не был.

Соан. Я снова начинаю бояться.

— Так ты собираешься вытащить нас отсюда, старик?

— Нет, вы собираетесь.

Я молча смотрю на Дюпре.

— Я больше не могу, — тихо говорит он, — я старик. Я слишком медленно соображаю. Вы намного быстрее, и ваш мозг еще не переполнен.

— Я не смогу. Как, черт возьми, управлять этой штукой?

Он тихо протягивает мне устройство, гарнитуру из латуни и вакуумных ламп, которая выглядит ужасно знакомой.

— Я вам помогу, если вы позволите.

— Что это за хрень?

— Соан называет ее эдюкатором.

Начинается все медленно. Дюпре сидит на металлическом полу, закрыв глаза. Это не похоже на яростную, безжалостную атаку Соана. В моем

сознании расцветают новые знания, похожие на целое поле красивых экзотических цветов, на сад науки, такой огромный, что в нем можно заблудиться. *Как это работает?* — думаю я, и ответ тут же возникает перед глазами, как будто я всегда его знала. Микроскопические червоточины, созданные из квантового вакуума удивительно простой схемой, проникают в мой мозг и мягко создают новые нейронные связи.

Это очень волнующее чувство. Я думаю о корабле, который однажды юнец назвал «Большой Д», вижу сердитый голодный узел сингулярности в его сердце и оболочку из экзотической материи, готовую свернуть пространство вокруг нас в пузырь Алькубьерре, и невообразимое оружие, стреляющее осколками искривленного и бурлящего пространства-времени. Я смотрю на сложнейшую клавиатуру Дюпре, и она вдруг превращается в набор ярлыков для сложных ментальных команд, своеобразный костыль для разума, который привык к рычагам, поршням и клавишам пишущей машинки. Я хочу большего и спрашиваю у гарнитуры, как это сделать, и она отвечает. Чувствую краткую вспышку изумления Дюпре, когда его разум смешивается с моим. Веди меня от лжи к истине…

Образы обрушиваются на меня неумолимым потоком. *Пылающие миры, города под изумрудными морями. Зеленая сфера Дайсона, заполненная машинами размерами больше планеты. Страшная война, странные мозги из эктоплазмы, оседлавшие огромные машины разрушения, черные насекомые, поедающие камни и испражняющиеся копиями самих себя. Планета расщепляется, вспыхивает невыносимо яркий свет. Вина, бесконечная вина, годы и годы одиночества, ненависти к себе и другим…*

И вот, в самой глубине души, мгновение: Дюпре смотрит на двух спящих, удивительно красивую женщину и маленькую девочку с пшеничными волосами. Они в обнимку лежат под одним одеялом. Он касается волос женщины, гладит маленькую детскую щечку.

А потом уходит, зная, что никогда не вернется.

Я сдергиваю гарнитуру и отбрасывают ее, по моему лицу текут слезы.

Дюпре держится за грудь, его лицо стало багровым.

— Слишком много, — выдыхает он, — вы взяли слишком много. Но я бы тоже это сделал. Это я делал много раз. — Он морщится, на шее натягиваются сухожилия. — Они умерли, крича от боли,

чтобы я мог достать все, что было в их несчастных мозгах. Но и в этом Соан зашел дальше, как и всегда. — Его лицо искажается от боли.

— Господи, вам больно. — Я все еще пошатываюсь от нового огромного знания, кипящего в моем разуме. Я протягиваю руку, чтобы коснуться его руки. Он отталкивает мою руку и вытирает пену с губ.

— Со мной все хорошо.

— Это была моя бабушка. Мэриэнн Лерой, — шепчу я, — и моя мама.

— Мне пришлось их оставить, — говорит Дюпре, — их бы использовали. Соан или… кто-то другой. Вроде твоих боссов. Они узнали это, поэтому и прислали тебя. Я не мог остаться с ними. — Он кашляет. — Но это уже не имеет значения. Куколка за ними присматривал. И с вами всеми все было хорошо. Без меня — даже лучше.

Он закрывает глаза и откидывается назад:

— Выведи нас отсюда, Кейт. Найди дорогу домой.

Тысячелетия знаний бродят в моем мозгу. Я снова надеваю гарнитуру и чувствую корабль. Разум без сознания. Спокойную лужу послушания.

Двигатель «Большого Д» просыпается впервые за семь десятилетий, и мы срываемся с орбиты

икосаэдрической симметрии и грохочем в сторону иллюзорного неба. В мозгу корабля звенит тревога, и я вижу вокруг нас серебристые сферы — они похожи на те, что сопровождали Соана на его планетоиде, но значительно больше.

— Должно быть, он взял твою заразу под контроль, — бормочет Дюпре. — Он пока не может заниматься только нами, но легко не будет.

Вокруг нас оживают мертвые космические корабли — старые «Звездные странники». Нереальным зрением, усиленным кораблем, я вижу, как орудийные порты медной сферы открываются и стволы начинают плеваться. В вакууме расцветают ослепительные взрывы. Господи. Пули из антивещества. Но это только начало. Прозрачная сфера шныряет вокруг темной громады «Большого Д» разъяренным шершнем, жалит нас пылающим энергетическим лучом, из-за которого наша квантовая точка вскипает. Я тяну энергию из генератора Пенроуза и наращиваю связанные энергии, пока «Д» не начинает светиться на всех частотах, сжимаясь под вражескими пулями.

Одна мысль, и в дело вступают орудия «Большого Д». Маленький «Звездный странник» вспыхивает, когда я бью по нему крупицами

суперсимметричной материи.

— Мы должны выбраться отсюда, пока он не активировал «Звездного странника — 3», — шепчет Дюпре. — Скорее!

— Я стараюсь!

Я начинаю ускоряться. Время еле ползет. Мозг корабля зеркалит функции моего собственного серого вещества и ускоряет ход моих часов. Я вижу, как он идет за нами: не такой темный, как «Д», зато вдвое больше, сужающийся кверху огромный цилиндр, внутри которого светятся ажурные зеленые прожилки.

Наш корабль вздрагивает, когда «Звездный странник — 3» протягивает к нам руку, сделанную из гравитационных волн и когтей.

Я палю из всех орудий в искусственное небо впереди. Экран чернеет, но «Д» проецирует происходящее напрямую мне в мозг. Суперсимметричные снаряды поражают поверхность синего экрана впереди и рассыпаются в ореоле неописуемого света. Я ругаюсь, копаясь в огромном складе информации, который теперь расположился в моем мозгу. Излучатели квантовых точек, старые добрые боеголовки из антиматерии — в арсенале корабля нет ничего, что пробило бы неприступную оболочку, пико-

технологическую конструкцию в самой пене пространства-времени.

«Звездный странник — 3» идет прямо за нами, не отставая, готовясь уничтожить нас.

Пространство-время. Кейт, ну ты и дура.

Я врубаю привод Алькубьерре. Кипящее пространство на экране чернеет, поскольку варп-пузырь просто отключает нас от остальной Вселенной, срезая, растягивая и формируя вакуум. Корабль демонстрирует мне разрыв, идущий прямо через «Звездного странника — 3», как будто я выпотрошила его, словно рыбу. Мгновение я торжествую.

Потом мы летим по небу, и я кричу вместе с «Большим Д».

Глава пятая. Хозяева Земли

Я ожидаю сильного удара, столкновения. Но мы просто летим вперед в безопасности своего варп-пузыря, двигаясь быстрее скорости света.

«Большой Д» жалуется. Его двигатель вышел за пределы возможностей, черная дыра в его сердце жадно пожирает экзотическую материю, угрожая освободиться от своих оков. Если тщательно созданный сверхплотный кокон, в котором она живет, лопнет, нас раздавит за одну микросекунду — или растянет в спагетти тысячами g. Я представляю себе наши раздавленные тела, запертые в варп-пузыре, все быстрее летящие навстречу бесконечности. Я углубляюсь в знания, полученные от Дюпре, пытаясь стабилизировать изжогу двигателя, пока он нас не сожрал.

— Помогите, — бурчу я Дюпре, — как мне выключить эту штуку?

— Можно извлечь привод. Червоточина привязана к галактическому центру, видишь? — Он напряженно улыбается, и я чувствую, как его разум присоединяется к моему. — Вот так.

Мы делаем это вместе, силой мысли, как будто во всем мире нет ничего проще, чем шунтировать

оболочку из экзотической материи через тысячи световых лет в галактическое ядро.

Пузырь схлопывается. Чернота дрожит и становится полем звезд.

На экране видна бледно-голубая точка.

Мы летим домой.

Я смотрю на Землю, позволяя своему разуму блуждать по коридорам корабля. Энергия по-прежнему циркулирует в сверхпроводящих катушках, которые расположены по всей длине корабля, и привод смещения продолжает работать. В общении с кораблем есть абстрактная красота, спокойствие, которое удерживает мой разум подальше от всего, что произошло.

Интересно, сделал ли что-то Дюпре с моим мозгом? Что-то, что позволяет мне относиться ко всему этому спокойно. Мне кажется, что, останься я той Кейт, которой была всего пару часов назад, я бы представляла собой невнятную руину. А может, моя собственная система спасает меня от шока, и, стоит мне только вернуться на Землю, я сразу сойду с ума и меня увезут туда, где АНБ прячет агентов, получивших психические травмы при исполнении служебных обязанностей.

Вместо этого я чувствую себя удивительно довольной и безмятежной. Если бы не болезненное

осознание того, что Соан скоро сделает с Землей что-то ужасное, если мы ничего не предпримем, я бы провела в этом состоянии остаток своих дней.

Я даже не замечаю, как Дюпре уходит и возвращается. Удивленно смотрю на него, когда он протягивает мне металлический баллон с пластиковым носиком. Пахнет кофе. У Дюпре трясутся руки, и он с трудом достает пузырек с таблетками из нагрудного кармана. Открывает его и глотает две ярко-зеленые капсулы.

Затем он откидывается назад и глубоко вздыхает.

— Когда мы вернемся, нужно будет отвезти вас в больницу, — говорю я ему.

— Ерунда, — усмехается он, — подумаем об этом завтра, если выживем. Я еще вас всех переживу.

— Поверить не могу, что у вас здесь есть кофе.

— А я говорил, что джентльмен всегда путешествует с комфортом.

Кофе пахнет так, как и должен пахнуть кофе, он крепкий и горьковатый, и я позволяю кофе, звездам, Земле и гулу гигантского космического корабля погрузить себя в поток чувственного дзена. Потом я вдруг понимаю, что умираю от голода.

— Полагаю, в этой огромной ванне нет еды?

Дюпре улыбается мне, не открывая глаз:

— Какую прожарку предпочитаешь?

— Доктор Дюпре, — заявляю я, — если вы полагаете, что я позволю собственному деду готовить мне ужин, вас ждет еще одна новость. Где кухня?

Мы оставляем «Большого Д» парить над горой Шайенн.

Командование воздушно-космической обороны Северной Америки ждет нас. Стальные двери открываются и закрываются за нами, и мы оказываемся в самом защищенном месте на Земле. *ETINT* теперь работает отсюда: возможно, это както связано с тем, что один из их агентов обзавелся космическим кораблем длиной в милю. Здесь везде камень, сталь и морские пехотинцы, комплекс держится на сотнях гигантских стальных пружин весом в семь тонн каждая. Он может выдержать прямое попадание многомегатонной боеголовки. Но, даже спрятавшись под огромной скалой, я ощущаю пугающее щекотание в затылке.

Гомес и Кейси ждут нас в центре управления. Здесь все так восхитительно утилитарно и прозаично — молодые люди с бритыми головами, одетые в зеленую форму, сидят в опен-спейсе и смотрят на экраны компьютеров. На настенных экранах транслируют новости. Я чуть не плачу.

Гомес крепко обнимает меня, и мне плевать, что у него изо рта пахнет луком.

— Знаешь, — говорит он, — я обделался, когда увидел, как дом взлетает. Хорошо, что ты вернулась.

Я сердито смотрю на крошечную фигурку Кейси. Глава *ETINT*, как всегда, невозмутима и в высшей степени пристойна, смотрит на меня поверх очков без оправы и не выказывает никаких признаков усталости.

— Знаешь что, — говорю я, — у меня есть к тебе ряд претензий. Но это подождет. Сейчас нам надо…

Я не успеваю закончить предложение — слишком знакомый титан в слаксах и гавайской рубашке возникает в центре комнаты.

— Привет, Черныш, — говорит Соан, — давно не виделись.

— И ты здравствуй, детка, — продолжает проекция, глядя на меня. — Надо было понять, что такая дикая кошечка неспроста таскается за этой мерзкой гнидой. Я в самом деле не ожидал последнего удара, ну и сам дурак. — Он хмурится. — Нам с Марти пришлось переделать все ядро старика «Странника», чтобы избавиться от твоих следов, — а это, как заметил поэт, кое-чего стоит!

Барбара тоже не особо оценила твою стряпню, так что, боюсь, мы нескоро сможем снова пригласить тебя на ужин. Моя рыженькая выцарапает тебе глаза.

— Чувство взаимно, — холодно говорю я.

— Что тебе нужно? — спрашивает Дюпре.

— Я уже говорил. Здесь нужно как следует прибраться. Я пытался анализировать материал, поступающий по телевидению и межмозговой сети, и, божечки, я не понимаю, что ты хочешь сделать, передать их по наследству, что ли? Ты же рассказывал мне о своих имперских планах, помнишь? Рабочий класс под успокоительными и сверхбогатые. Ну а я предпочитаю путь зеленого мира: избавиться от непригодных и заставить людей бороться, чтобы стать лучше. А здесь есть с чем побороться, ей-богу. Вот эти машины в М4 — надо с ними разобраться, пока они не разобрались с нами. И разные там расы, которые сами себя загнали в задницу и лишились тел. Они построили кучу всего, и никто им не пользуется. Надо просто все это захватить.

— Как угодно. — Дюпре морщится. — А от меня-то ты что хочешь?

— Я не хочу, чтобы мой сын родился в твоем мире, Черныш, — говорит Соан.

— Твой сын?

— Да, сын. Представляешь, у людей бывает семья, о которой нужно заботиться. И ты довольно давно занимался этим местом. Пора его отдать. Очистить Землю. Выключить этот интер-яд, восстановить какой-то социальный порядок. Думаю, тебе хватит дури, чтобы разобраться с этим в двадцать четыре часа. Если наше гнездышко не будет в полном порядке к тому времени, мы займемся приборкой со «Звездного странника». И я сильно сомневаюсь, что тебе это понравится.

Дюпре не отвечает. Кейси прикрывает рот рукой. Взгляд Соана становится каменным.

— Ну и, чтобы показать вам, что я не болтун, я собираюсь вывести ваши военно-морские силы из разных уголков Земли прямо сейчас. Мне неинтересно, чтобы ты дал им привода смещения и погнал на меня. Физкультпривет! Увидимся через двадцать четыре часа.

Проекция исчезает. Часы бьют пять. Новостные экраны сходят с ума.

В Нью-Йорке идет дождь из кораблей.

Они падают одновременно, образуя идеальную равномерную сетку, будто металлические градины падают из стратосферы. Я вижу, как авианосец обрушивается на Статую Свободы. Истребители,

ссыпавшиеся с его палубы, летят вслед за ним. Атомные подводные лодки проходят сквозь бетон, как гигантские дельфины, и летят дальше. Я представляю себе, как реакторы, пораженные китайским синдромом, остановятся, только дойдя до ядра Земли. Линкоры похожи на гигантские кувалды, которые крушат небоскребы, как песочные замки.

Дождь длится меньше минуты. Двадцать семь линкоров, десять авианосцев, двести эсминцев. Пятьдесят шесть крейсеров. Бесчисленное количество кораблей поддержки, замороженные тела четырех тысяч моряков. Это как выстрел из дробовика прямо в лицо. Бог пережевывает наши сталь, взрывчатку и атомные реакторы и плюется ими обратно в нас.

Наконец дым и пыль над островом ослепляют нас, и остается только слушать. Через некоторое время я уже не слышу бессвязных репортажей, криков и сирен. Я хочу плакать, но слез нет. Рядом со мной громко ругается Гомес.

Дюпре сидит в кресле с кружкой кофе в руке, покрытой бурыми старческими пятнами. Другой рукой он поглаживает свою седую щетину. Я хочу закричать на него, ударить его в лицо. «*Ты знал. Ты знал, что он сделает это*».

Кто-то отключает спутниковые каналы и новости, и в зале темнеет. Несколько секунд мы дышим в гробовой тишине. Затем Дюпре начинает спокойно говорить:

— Это еще не конец. Уверен, что дальше последует локальная гравитационная линза. Просто чтобы продемонстрировать, на что он способен.

Через три минуты Солнце гаснет.

— Да, я знал, — говорит Дюпре всем нам и сжимает переносицу пальцами. — Не в точности это, но ожидал чего-то вроде. Мне очень жаль всех этих людей, очень. Семьдесят лет назад я мог пустить пулю в мозг, который это устроил, но не пустил. Теперь я об этом жалею. Опять же, если бы я это сделал — сейчас я был бы там, наверху. И все прошло бы гораздо эффективнее, но вряд ли приятнее.

— Позвольте прояснить ситуацию, — говорит президент с экрана. — Этот безумный террорист полагает, что вы — самый могущественный человек на Земле?

Дюпре откидывается на спинку стула, улыбается мрачной улыбкой, и я могу прочесть в его глазах вопрос: «А насколько велик ваш космический корабль, господин президент?»

— Все эти гражданские, сэр, — шепчет Гомес. —

И Солнце погасло…

Дюпре морщится:

— Соан всегда был социал-дарвинистом. Это что-то вроде прополки. Сильные переживут эту ночь и останутся в лучшем мире. — Он трясет головой. — Хотел бы сказать, что это не совсем он, что это какой-то сплав поглощенных им разумов, просто одетых в его кожу, но нет. Под всем этим я все еще вижу того надменного упрямца, которого знавал в лаборатории. Все его тревоги, заботы и фанатизм попали в инопланетный разум и увеличились в тысячу раз. Поверьте, я знаю, как это работает.

— Меня не интересует его психологическое состояние, — говорит президент. — Как нам с ним справиться? Национальная гвардия уже на улицах. Мы пытаемся давать в СМИ информацию о метеоритном дожде и затмении, но это не сработает. Каждый астроном-любитель на планете может увидеть эту чертову хреновину в небе. Дайте мне несколько вариантов действий.

— У нас есть сценарий ядерного варианта на случай вторжения… — начинает Кейси.

— Это не вариант, — перебивает Дюпре и хмурится. — Вы, люди, никак не можете осознать масштаб. Этим кораблем Соан может уничто-

жить Солнечную систему, если захочет. Он хочет драки. Он до сих пор играет в старую игру. Наш единственный шанс — поиграть с ним. Некоторое время. А потом изменить правила игры. Я долго думал об этом, я знаю Соана. Я могу кое-что сделать и заставить его действовать. Но мне нужно время.

— Мы были бы признательны, если бы вы поделились своим планом с нами, доктор Дюпре, — раздраженно говорит президент.

— Не глупите, — рычит Дюпре. — Какую часть отчета Кейт Лерой о том, что он может читать мысли, вы не поняли?

— Доктор, вы понимаете, с кем разговариваете?

— Он дал нам двадцать четыре часа, господин президент, — тихо говорю я. — Два из них уже прошли.

Президент опускает взгляд.

— Хорошо, — наконец говорит он, — продолжайте. Но все оперативные решения остаются за мной.

Экран гаснет.

Дюпре оседает на стуле и выглядит древним стариком. Когда я собираюсь подойти и накрыть его пледом, он открывает глаза и смотрит на

меня. Взгляд у него каменный.

— Ладно, детки. Пришло вам время узнать, что такое думать по-настоящему.

Мозговой штурм бушует два часа. Набить «Большого Д» ядерными зарядами и выстрелить им в «Звездного странника». Отдать ему Дюпре, зараженного боевой формой лихорадки Эбола. Достаточно сумасшедших идей, чтобы убить Соана сто раз. Вот только ни одна из них не сработает за оставшееся время — или не сработает вообще. Гомес не включает новости, и мы пребываем в блаженном неведении относительно разрушений и хаоса, которые, несомненно, терзают Землю. Легче от этого не становится.

В конце концов усталость начинает одолевать меня, несмотря на выпитый кофе. Я начинаю засыпать в своем кресле, и спорящие голоса вокруг шумят, как океанские волны.

«Я уже однажды победила его, — вдруг понимаю я в этом сумеречном тумане, который приходит перед тем, как я засну. — На кухне. Я взломала Кухню. Он ничего не знает о шифровании. А о чем еще он не знает? Новые вещи. Новые способы мышления. Надо объединить их со старыми, которые дал мне Дюпре…»

— Даже с «Большим Д» у нас нет особых шансов:

нам нужно уничтожить ядро черный дыры, а его резервная мощность почти исчерпана, — говорит Дюпре, и голос у него тонкий, как тростинка. — Нам нужен корабль.

— У нас есть Земля, — тихо говорю я, открывая глаза.

Дюпре с любопытством смотрит на меня, глаза у него красные от усталости, но лицо снова кажется живым.

— Земля?

— Эдюкаторы, — поясняю я. — Их ведь не так сложно сделать на самом деле. По крайней мере, старые модели, работающие за счет магнитной индукции.

Самый умный человек на Земле недоуменно моргает, глядя на меня, и я улыбаюсь.

— Дедушка, ты хочешь сказать, что никогда не слышал об открытом исходном коде?

Глава шестая. «Звездный странник» Земли

Мы размещаем проекты эдюкаторов на всех сайтах открытого аппаратного обеспечения. У нас уходит шесть часов, чтобы перестроить проект для работы на стандартных ПЛИС и написать протокол, позволяющий им работать через интернет. Три часа спустя гарнитурами щеголяют сотни гиков и ученых со всего мира. Через четыре часа их уже тысячи.

Мы начинаем говорить с ними через мастер-гарнитуру с «Большого Д».

Поначалу это неудобно и даже болезненно. Гул мыслей и звуков наполняет мою голову, и я ежусь, позволяя им вломиться в кладовую инопланетной физики, полученную от Дюпре. Воспоминания о Соане, полосующем мой разум, как сырую рыбу, еще слишком свежи.

Но через некоторое время, по мере того как они впитывают новую информацию, как губки, происходит что-то странное. Наши мысли начинают самоорганизовываться, синхронизироваться. Шринивати — четырнадцатилетний вундеркинд

из Мумбаи — придумывает алгоритм маршрутизации решений. Я немедленно передаю его Дюпре, который отдает его дальше. После этого работать становится легко: любую идею, которую я выдаю, тут же подхватывают и доводят до логического завершения. Одновременно я получаю вспышки идей и озарений, которые, казалось бы, являются из ниоткуда, передаются из других разумов. Поток информации таков, что он затягивает похуже кокаиновой версии интернет-серфинга в сочетании с самой увлекательной на свете компьютерной игрой. «Игра в бисер» Гессе, только на скорость.

Я бы захотела навсегда раствориться в мыслях Земли, если бы не ужасные вспышки насилия и ужаса, которые тоже попадают в сеть эдюкаторов. Девочку-подростка, подключенную к сети, насилуют толпой и убивают, и от того факта, что глобальный мозг мгновенно взламывает три ударных дрона ВВС и отправляет преступников на тот свет, лучше не становится. В Париже на улицах грабят и льют кровь, Пекин охвачен пожарами и ужасом. Минуту-другую обсуждается идея установки в сети фильтров боли, но она отменяется возникшей организацией, где мы с Дюпре остаемся всего лишь ключевыми координатора-

ми: боль и ужас делают нас более решительными. Миллионы уже мертвы. Еще миллиарды могут погибнуть, если мы не добьемся успеха.

Я не совсем понимаю, что мы делаем с Большим адронным коллайдером. На это уходят часы безумной работы программистов, Дюпре ходит по командному центру, диктует, одновременно яростно печатая, а мастер-гарнитура транслирует его мысли в мир.

Мы работаем вечером и ночью и создаем Апокалипсис из собственных мыслей. Когда этого становится слишком много, я снимаю гарнитуру, сижу спокойно с закрытыми глазами и дышу. Я больше не боюсь.

Снова наступает шесть утра, и прибывает «Звездный странник».

Он зависает на высокой геостационарной орбите и виден из любой точки мира. Он похож на гигантский глаз в небе. Дюпре мрачно смотрит на экран, у него трясутся руки.

— Ну, сука, покажись, — бормочет он.

Точно в назначенное время появляется аватар Соана, огромный и на этот раз полностью материальный. Он возвышается над Дюпре.

— Ведешь себя как Пу-Ба из оперетки, Черныш. — Голос Соана сотрясает скалы. — На этот

раз ты преступил черту, и я собираюсь…

— Сейчас, — шепчет Дюпре, и все вместе мы посылаем мысль в пещеру в Швейцарии.

Пучки протонов и антипротонов — каждая микроскопическая частица обладает кинетической энергией летящего комара — сталкиваются глубоко под землей. Через сеть эдюкаторов и разумы, рассматривающие инструменты, я вижу характерное излучение микроскопических черных дыр, рождающихся и умирающих в крошечных вспышках излучения Хокинга. Мысленным взором я вижу, как поле Хиггса идет рябью, как оно начинает расти, будто вакуумное пламя.

Второй этап. Сотня мыслителей в ЦЕРНе собирают черные дыры, которые ускоритель штампует в магнитной бутылке, не давая им времени умереть, и швыряет их в Солнце. Там происходит самое сложное: для этого потребовались суперкомпьютеры, тысячи мозгов и вычисления, которые мне даже сейчас недоступны.

Проекция Соана мерцает и исчезает. Бледное утреннее небо меняет цвет. Оно теперь мерцает и переливается, превратившись в невыносимо яркий фосфоресцирующий лист, цвета которого не поддаются описанию.

— Боже милостивый, — бормочет Гомес.

— Это стабильная доменная граница вокруг Земли, — поясняет Дюпре. — Изъян во льду. Вот только вещество, которое мы заморозили, — это вакуум. — В его голосе слышится намек на благоговение. — Он не сможет пройти сквозь эту стену. Ничто не сможет, кроме пары слабовзаимодействующих видов, которые мы нашли.

— Это значит, что мы в безопасности, доктор? — спрашивает бледная, осунувшаяся Кейси.

— Примерно на восемь минут, — соглашается Дюпре и выводит зернистое изображение на главный экран. Трансляция идет с «Большого Д», нашего наблюдательного пункта на орбите, посредством модулированного канала слабовзаимодействующих элементарных частиц, который принимает расположенный в Антарктиде детектор нейтрино объемом в миллионы литров. «Звездный странник» там, совсем близко, он похож на жуткую новую луну. Несмотря на низкое разрешение, мы видим его поверхность, подвижную, живую, как кожа с пульсирующими венами.

— Что произойдет через восемь минут?

— Солнце пройдет квантовый фазовый переход и кристаллизуется в темную звезду, а потом взо-

рвется всплеском гамма-излучения, — говорит Дюпре. — Вспышка сверхновой.

— Что? — переспрашивает президент.

— Это единственное пришедшее мне в голову оружие, которое могло хотя бы немного напугать его, — объясняет Дюпре.

— Мы взорвали Солнце? — недоверчиво спрашиваю я. План, который я помогала формулировать, вдруг обретает смысл.

— Здесь мы в полной безопасности, — говорит Дюпре. — Через четыре минуты вы заметите мерцание в зрительном нерве. Это слабовзаимодействующие частицы, которые начнут поражать клетки в глазах.

Президент начинает молиться, и на мгновение мне хочется к нему присоединиться.

— Ой, не ведите себя как кучка старых клуш, — говорит Дюпре. — Я знаю, куда деть Землю, если мы победим. В галактике Андромеды есть прекрасная желтая звезда. Солнце — это всего лишь шар горячего газа. А так он нас не достанет.

После этого мы замолкаем и просто смотрим на экраны. Фоновый рокот беспокойства в сети эдюкаторов нарастает, пока мне не приходится просто снять гарнитуру.

Все происходит так быстро, что не успеваю

заметить. Солнце мигает. Бледный диск Луны вспыхивает белым и исчезает. Экраны заливает волна света, и на них остаются только помехи. В моем зрительном нерве начинается звездный дождь, фиолетовый, синий и зеленый, эхо одного из самых энергоемких явлений во Вселенной, происходящего совсем близко. Я моргаю.

— У нас получилось? — спрашиваю я у Дюпре. — Мы победили?

Его лицо становится пепельно-серым в свете мониторов. Он медленно качает головой, хватается за грудь и оседает на пол.

— Как я не догадался… чертовы нейтрино испортили… кардиостимулятор. Я всего лишь физик. Это Мэриэнн была врачом.

Его лицо искажается. Каждый мускул дергается от боли.

— Врача, немедленно! — кричу я вся в слезах.

— Тихо, девочка, — говорит Дюпре. — Когда он придет… — Он качает головой, и глаза его на мгновение снова становятся стальными. — Когда он придет, вспомни Братца Кролика и терновый куст. Эдюкатор. Обещай.

Я молча киваю. Когда наконец прибывают медики, он уже мертв.

Я понимаю, что Соан грядет, когда гарнитура и

интернет замолкают.

На этот раз он не так осторожен. Гора сотрясается до основания. Я слышу дикий разрывающий стон, когда невидимые силы рвут скалу слой за слоем, когда гигантская громовая рука пробивает камень и сталь. Не успеваю я понять, что происходит, как мы все видим светящееся небо сквозь огромную щель в горе. Ветер рвет волосы, на глаза наворачиваются слезы.

Он спускается с неба медленно, голый и хрупкий. Настоящий Соан — это древний сморщенный человечек, плавающий рядом с гофрированной металлической сферой размером с человеческую голову — место для Мозга, который был ядром «Звездного странника». Щупальца света, свисающие из его рта, с головы, с рук и ног, связывают его с Мозгом яркими пуповинами.

Морские пехотинцы начинают палить в него, прежде чем я успеваю их остановить. Пули превращаются в капли расплавленного металла в воздухе, солдаты падают на землю без сознания.

— Это и правда неприятно, — говорит Соан, глядя на неподвижное тело Дюпре. Его настоящий голос слабый и дрожит, но тон остался прежним. — Мне пришлось бросить бедного старого «Странника», снять нас с браны, чтобы просто

выжить. Вынужден отдать тебе должное, малыш. Ты не потерял хватки. Но игра закончена. А мне еще предстоит сделать новое Солнце. Вот это задачка, а! — Он усмехается. — Но ты же прекрасно знаешь, что я умею делать все больше и лучше!

— Он мертв, — тихо говорю я.

Соан моргает.

— Что? А, нет. Нет. Это манекен. Робот. Или останавливающее сердце средство. Он один раз так делал. Он сбежал от М4-дрона, упавшего в темную звезду. Он не умер, детка. Он где-то сидит и смеется надо мной и плетет интриги. Он не может умереть.

— Он мертв. Как и твоя жена. И твой друг. И эта бедняжка Пег. Все они мертвы. Оставь их в покое. И нас оставь.

— Я тебе не верю, — тихо говорит он. Земля начинает трястись под ногами, воздух становится горячим. — Это хитрый трюк. У него всегда был припасен козырь в рукаве.

— Я думала, ты умеешь читать мертвые мозги. Почему бы тебе не узнать, что он на самом деле думал о тебе?

Невидимая рука яростно отталкивает меня в сторону. Призраки эдюкатора оживают, хватают неподвижное тело Дюпре и поднимают в воз-

дух. Соан закрывает глаза. Открыв их, он словно видит меня впервые. На мгновение его взгляд становится юным, почти детским.

— У него была ты. Всегда была. Он наблюдал за тобой. Ты его дочь?

— Внучка. Но я не собираюсь играть с тобой в эту игру. С тобой больше некому драться.

По щекам Соана текут слезы.

— Я не думал… Не предполагал…

Его кожа вдруг вскипает. Мозг вспыхивает, как плененная звезда. «Одна случайная мысль», о которой обмолвился призрак Барбары Соан.

— Я так и не понял, что он всегда выигрывал, — говорит Соан.

Они вместе поднимаются в небо, мертвый Дюпре, умирающий Соан и инопланетный мозг. Они улетают быстрее, чем можно увидеть глазами. Потом вдруг я чувствую взрыв жара и вижу вспышку света, которая ярче взрывающегося Солнца.

После них остаются горный ветер и невозможное сияющее небо.

Эпилог

Мы не сразу поняли, как разрушить доменную стену, но успели вовремя. Построить планетарный привод Алькубьерре было еще проще, и теперь у нас есть новое Солнце — точнее, три, таких же ярких и желтых.

На Земле все становится очень странным, слишком странным для меня.

Гомес чувствует то же самое. Мы устроили второе первое свидание на одном из спутников газового гиганта нашей новой системы, и получилось даже лучше, чем я могла представить. Но мне неспокойно: я все думаю о мечтающих зеленых разумах, которые когда-то нашли Дюпре и Соана. Интересно, что бы они сказали нам. И не слишком ли мы молоды, чтобы говорить с ними. Но есть только один способ узнать.

Вот почему мы построили корабль. Он не такой большой и мощный, как некоторые из «Звездных странников», которые мастерят дети, воспитанные эдюкаторами, просто чтобы показать, на что они способны. Но он достаточно велик для нас двоих и для долгого-долгого путешествия.

Гомес позволил мне дать ему имя. Корабль стал

«Большим Д — 2».

Белоснежка мертва

Нейрофикшен: предисловие к рассказу «Белоснежка мертва»

На самом деле, этот рассказ надо читать с экрана компьютера, прикрепив к голове электроды энцефалографа.

«Белоснежка мертва» — самый амбициозный литературный/технологический эксперимент, за который я брался в жизни (пока что). Началось все с того, что у меня и моего друга Сэма Халлидея, математика и дата-сайнтиста, образовалось немного свободного времени, и мы решили заняться нейрокомпьютерными интерфейсами. Нам посчастливилось выиграть небольшой грант от *New Media Scotland* на исследование связей между этой технологией и художественной литературой.

Сначала мы просто хотели посмотреть, что происходит в мозгу читателя, особенно при чтении научной фантастики. К примеру, мы выяснили, что озарение вызывает очень типичную реакцию мозга, и мне стало интересно, можно ли намеренно вызвать ее у читателя. Но мы с Сэмом быстро поняли, что гораздо интереснее заняться возмож-

ностью текста менять себя в ответ на активность вашего мозга. Мы решили написать историю, которая будет читать вас, книгу-игру, где вы выбираете вариант действий неосознанно.

Найти историю, которая захотела бы существовать в таком формате, оказалось так же сложно, как заставить технологию работать. В конце концов я решил вернуться к архетипам, сказкам, бинарным выборам. Жизнь или смерть, красное или зеленое, черное или белое. В мире очень мало историй, которые воплощают эту идею точнее «Белоснежки».

Интерактивный проект мы продемонстрировали на Эдинбургском научном фестивале в 2013 году. Представьте, что вы садитесь перед экраном и надеваете *EmotivEPOC* (тот еще артефакт из киберпанковой вселенной, система с 14 электродами для измерения мозговых волн, которая подключается к компьютеру через *Bluetooth*). История начинается с того, что бросает в читателя вербальные образы жизни и смерти. Алгоритм машинного обучения пытается определить, к какому из двух полюсов ближе реакция читателя на каждую последующую сцену, и проводит его по сюжету одним из нескольких десятков путей. Финал, как и яблоко, может быть красным либо

зеленым.

Проект привлек внимание, и о нем много писали в британских СМИ, включая *New Scientist*. Также я выступал с рассказом в *Google*. К нашему с Сэмом восторгу, люди даже брали наш код (открытый, естественно) и писали собственные нейрофикшен-произведения.

Я расположил сцены, появляющиеся здесь, в самом распространенном порядке. Но если вы хотите сделать все по-своему, скачайте код с https://github.com/fommil/neurofiction и посмотрите, куда вас заведут мысли.

Принцесса спит на больничной койке, и молодой врач смотрит ее сны.

Она — выцветшее подобие красивой юной девушки: бледные, впалые щеки, спутанные черные волосы, губы, едва тронутые красным. Электроэнцефалограф делает ее голову похожей на лес проводов и электродов. Она выглядит изможденной и старой. Кожа тонка как бумага, вся в ранах и пролежнях. Зубы поражены кариесом.

Ничего красивее ее он в жизни не видел.

Она выдыхает, и на экране ноутбука начинается метель.

Начинали они с кошек: расшифровали сигналы зрительного центра мозга, сшили фрагменты

кошачьих снов электричеством и алгоритмами. Сначала образы туманны. В главном окне возникает танцующее янтарное пламя. Программное обеспечение пытается сопоставить его с сеткой видеоклипов с *YouTube*, мозаикой, собранной из осколков коллективного подсознательного.

Ряд черепов, ухмыляющихся ликов смерти. Медицинские снимки: мозги в хрупких вместилищах, один мозг испорчен темными каракулями гематомы.

Ядерный взрыв. Горящее золотое солнце, слишком яркое, чтобы смотреть на него, идеально круглое. Вокруг него появляются белые кольца, гладкие, как яичная скорлупа. Диск сворачивается внутрь, становится неровным и разделяется надвое, как горящий мозг. Лавина грязи взлетает с земли и окутывает его, скрывает яркие цвета серым и коричневым, пока не останется только блеклый темный столб. И тут звук сотрясает динамики ноутбука.

И, наконец, яблоко. Из зеленого оно медленно становится красным.

На экране растет в ускоренном темпе цветок: зеленые усики тянутся вверх, сначала медленно, покачиваясь в темпе мерцающего неба, а мимо

мелькают тени облаков. Потом они разрастаются в лабиринт изумрудных стеблей и листьев, похожих на языки, и наконец происходит огненный взрыв лепестков и желтых тычинок.

Обнаженное сердце бьется во время операции, красное, мясистое и мягкое, цвета грязной жизни, на фоне клинической синевы больничного халата пациента. Оно дергается, прыгает и вздрагивает, как животное, пытающееся вырваться из ловушки ребер с открытой груди, из дыры, которую раздвинули квадратными металлическими рамками.

Плод медленно движется по синеватой сонограмме: огромная куполообразная голова прижата к груди, крохотные ручки сжаты в кулачки, он видит сны, которые еще не родились, и весь пульсирует в ритме сердцебиения матери.

Сегодня она собирается убить своего мужа.

Когда она просыпается, эта мысль приносит теплую радость, которая растекается по всему телу, как ощущения от массажа. Она потягивается в роскошной пустой постели: он на встрече с утра пораньше. Девчонки тоже нет. Она ощущает ее отсутствие в тишине дома и улыбается.

Она ходит по дому обнаженной, наслаждаясь лучами утреннего солнца на своей безупреч-

ной коже. Через несколько часов все это будет принадлежать ей: чистые линии дизайнерской мебели, тишина замерзшего пирса и пляжная сауна, все эти маленькие символы власти.

Она делает себе кофе, садится на диван, прижимает горячую чашку к голому животу и включает телевизор.

Она даже не смотрит на экран. Она уже видит, что будут показывать завтра. Разбитое стекло, черный лед, кровь. Темный седан, который появился из ниоткуда и врезался в машину министра со стороны водителя.

Чего точно не покажут, так это ее руки, расстегивающие ремень безопасности на муже, или ее последнюю улыбку в зеркале заднего вида. Это предназначено только для него.

После этого по телевизору покажут ее саму. Она будет поражена горем, но останется сильной, готовой подхватить ношу мужа и занять его место в партии. На бледном лбу будет единственный белый бинт, может быть, даже запачканный кровью.

Это заставит ее казаться хрупкой и красивой.

Вот только что-то не так. Призраки завтрашнего дня уже шепчутся.

И не о ней говорят, они говорят о *ней*. Ма-

ленькой погибшей принцессе с черными, как вороново крыло, волосами и розовыми щеками. Ее всегда слишком мало. После того, что случится сегодня, мелкая сучка будет жить вечно.

Она не может этого допустить.

Она выключает телевизор. Голая старуха, сгорбленная и бледная, смотрит на нее с черного экрана.

Она должна заставить их забыть о ней. Заставить ненавидеть ее.

Она вспоминает платье, которое шила девушка, платье из мультфильма, желто-синее, с красным галстучком.

Лучше всего было бы заставить их посмеяться над маленькой сучкой.

Улыбка возвращается на ее лицо, и она снова чувствует себя красивой. Она берет телефон и звонит.

Фотограф охотится за принцессой в лесу гиков.

Поздний вечер. Золотой свет падает на красные кирпичные стены старой фабрики. Хороший был бы кадр, если бы не раскрашенные детишки с огромными мягкими пластиковыми мечами.

Он мог бы сейчас сидеть в вертолете, преследуя гонщика «Формулы-1», или делать откровенные снимки своей любовницы, которая любила пова-

ляться в снегу после похода в сауну. Но нет, ему приходилось торчать на научно-фантастическом конвенте, чтобы делать плохие снимки какой-то девочки, и все из-за телефонного звонка.

Принеси мне ее фотографию. Такую, какие у тебя получаются лучше всего. Ты знаешь, о чем я.

И у него нет выбора, кроме как подчиниться Голосу. Голос знает слишком много и держит его ледяными пальцами за яйца.

Металл камеры холодит руки. Он делает несколько кадров, просто чтобы размяться. Мальчишки с бумажными мешками на головах, в забрызганных кровью комбинезонах. Малолетки-анимешницы в розовых леггинсах и школьной форме, пухлые губки посинели от холода. Штурмовики и бэтмены. Никаких признаков принцессы пока что. Что такое она сделала, чтобы это заслужить?

Мелькают желтый и синий. Вон там. Он жмет на кнопку и чуть не роняет камеру, когда зомби-принцесса воет на него и сует покрытые кровью сиськи чуть ли не ему в лицо. Зубы отливают желтым на фоне очень белого грима.

Здесь много принцесс, все в одинаковых цветах. Супергероини, вампирши, даже один переодетый парень. Фотограф ругается. Уже темнеет, и

если он не найдет ее в ближайшее время, свет уйдет. У него сжимается желудок. Но зато кадры становятся лучше. Накачанные молодые парни с неправдоподобно огромными мечами, волосы поставлены шипами. Сидят в кругу с картонным роботом и играют в «Подземелья и драконов». Шестилетки, одетые хатифнатами из книг о муми-троллях. Он понимает, что на самом деле получает от происходящего удовольствие. Когда-то он пытался что-то увидеть через объектив, не думал о заголовках, напечатанных черным, красным и желтым. Теперь он просто позволяет цветам и образам протекать через камеру, не задумываясь.

Затем он видит ее. Она сидит на тротуаре, не обращая внимания на холод. На щеке у нее синяк, то ли настоящий, то ли очень хорошо нарисованный. Она курит косяк, закрыв глаза. Вот его шедевр: дочка министра в костюме Белоснежки, обдолбалась и вырубилась. Он поднимает камеру. Но через объектив он видит вещи такими, какие они есть, и с этим ничего не поделать.

Синяк настоящий. Вокруг глаз темные круги. Она смотрит на толпу голодными глазами, будто что-то ищет. Внезапно он понимает, что она просто не хочет идти домой.

Его палец замирает на кнопке. Какое-то время он только наблюдает за ней. Ждет, пока истает последний свет и все создания вокруг него станут серыми.

Она теряется среди них.

Он возится с картой памяти и *iPad*, зажав в зубах сигарету. Листает фотографии. Выбирает сисястую зомби-принцессу и отправляет ее Голосу.

Фотография улетает со свистом, как будто заводится вертолет.

Мало-помалу мы собираем все ее фрагменты вместе в стеклянном гробу. Ее электронные письма, посты в *Facebook*, медицинские карточки. Селфи с дакфейсом, косплейные фотосессии. Видео с конвента, то самое, где она улыбается.

Кодирование всего этого занимает несколько часов в темноте. Наши лица в свете мониторов похожи на изрытые кратерами чужие планеты, блестящие от недосыпа. В квартире жарко от дыхания наших машин.

Она подошла к нам в последний день конвента. Мы чувствовали себя героями вечера. Мы флиртовали с девушками-косплеерами, победили в викторине по «Стар треку» и «Властелину колец», охотились за автографами звезд «Вавилона-5». В кои-то веки мы были своими. Мы чувствовали,

что теперь-то все изменилось.

Первым ее увидел Симо и описал всем нам. Это он умел. Когда мы играли в «Подземелья и драконов», он всегда был мастером. Словами он мог изобразить пещеры, орков и мерцающие волшебные мечи и даже сделать их реальными. Мы слушали его и все видели.

Она спала в постели Симо, свернувшись калачиком под одеялом, в его футболке Корпуса Красных Фонарей. Мы уже видели ее раньше, издалека, всю в голубом, желтом и красном, с другими Снежками. У нее не было такого декольте, как у Белоснежки-супергероя, или сумасбродной энергии зомби. Зато она была красивее всех.

Мы смотрели на нее и не знали, что делать. Затем она открыла глаза.

— Ребята, вы не возражаете, если я останусь ненадолго?

Так Люми стала жить с нами.

Она всегда приходила вечером. Она никогда не рассказывала, чем занимается днем, да мы и не спрашивали. Но она всегда находила доброе (и ехидное) слово для каждого из нас. И, как и любая маниакальная девушка-мечта, заставляла нас делать всякие безумные вещи. Лезть на крышу и смотреть на звезды. Отпускать комплименты

случайным людям на улице. Красить волосы и бороды в разные цвета.

Мы все хотели ее, но существовала негласная договоренность.

Никто не пытался прикоснуться к ней или заявить на нее права. Любое действие разрушило бы иллюзии того, что она одна из нас.

Разумеется, Юри облажался.

Он потом рассказывал, что это была мелочь. Как-то ночью она сидела в кухне за столом. Она помыла посуду, зажгла ароматические свечи. Синяк на щеке прошел, но тень от него еще осталась. Она плакала и, не отрываясь, смотрела в свой *iPhone*. Логотип вспыхнул серебром, когда она повертела его в руках.

— Все хорошо? — спросил Юри.

— Ничего страшного, — сказала она. — Мама.

Юри видел, что ее мучает какая-то мысль, что она больше не с нами. Его захлестнуло отчаяние. Накрыл ее руку своей, волосатой, толстопалой.

— Расскажи мне, — попросил он. — Я умею слушать, не то что другие, они просто хотят сделать из тебя то, что им самим нужно. А я за тебя.

Она убрала руку и выключила экран телефона.

— Но на самом деле меня здесь нет, — сказала она. — Я в зеркале.

Она поцеловала Юри в щеку.

— Попрощайся с остальными, ладно?

Ее дыхание сладко пахло. Юри закрыл глаза. Когда он открыл их, она лежала на полу, широко открыв зеленые глаза. Только тогда он увидел у нее в руке баночку с таблетками.

Так Люми нас покинула.

Когда наступает утро, она оказывается здесь, целиком, под стеклом наших экранов. Мы смотрим на нее, желая, скучая, боясь прикоснуться. Юри смаргивает слезы. Исмо ругается. Микко дергает себя за бороду. Она красивая и светлая, и на мгновение она снова принадлежит нам.

Затем Исмо публикует сайт, и мы отпускаем ее.

Врач нашел ее в интернете. Перешел по одной из тех ссылок, по которым щелкаешь, когда скучно. Своего рода цифровое святилище девушки в коме. Ее фотографии и дрожащее видео, снятое на мобильник, — она, в желтой юбке, сидит на лестнице.

Внезапно она посмотрела на него и улыбнулась. На щеке у нее темнел синяк, но губы были алыми, а улыбка радостной, доверчивой и невинной.

Он посмотрел видео три раза и понял, что любит ее.

Он потребовал перевода в ее больницу. Сила имен и денег с этим справилась.

Она лежала в палате с голыми желтыми стенами. От нее тяжело пахло мазью, которой обрабатывают тела пациентов с травмами мозга, и еще чем-то сладким.

Он хотел посмотреть ей в глаза. Он хотел победить дракона, расползшегося черной кровью в ее мозге.

Он достает стеклянную бутылочку с непонятной этикеткой и наполняет шприц.

Уверенными пальцами он находит голубую вену на ее руке. Прозрачная жидкость легко течет внутрь: еще одна невозможная вещь, которую мог купить только принц. Выходя из кожи, игла оставляет за собой крошечную каплю крови, идеальную рубиновую сферу. Он снимает капельку губами.

Он отключает ее от машин, аккуратно снимает капельницы, освобождает черные волосы от электродов. Зеленые линии на экранах становятся прямыми.

Он держит ее за руку и ждет, пока она проснется.

Снаружи слышно пение птиц.

Я не та, кто ты думаешь.

Я смерть, и ты должен держаться от меня подальше.

Ничего личного. Ты разбудил меня. Ты красивый, сидишь тут в белом халате, с зачесанными назад волосами, с дорогими часами на запястье, с загаром, привезенным из Биаррица, а в лосьоне после бритья чувствуется слабый запах сосны.

Нет, я не хочу воды. Я хочу, чтобы ты меня выслушал.

Я стала смертью своей матери. Она хотела идеальную дочь, сделанную из снега, крови и воронова крыла, а такие желания уводят только в одно место.

Моя мачеха знала это, видела отражение своего собственного конца, смерть юности и красоты. Она знала, кто я, даже когда я была ребенком: ее смерть в зеркале.

Я читала комиксы о Бамсе, самом сильном в мире медведе, и воображала себя его другом Черепашкиным. Когда я засунула голову в ворот рубашки, чтобы спрятаться от всего мира в этом панцире, она вытащила меня обратно за волосы и рассказала, что я могла задохнуться. Но говорила она тоскливо.

Когда я стала старше, я увидела медленную смерть, которую несла своему отцу. Я проделала

в нем дыру в форме собственной матери, и через эту дыру утекала его жизнь. И поэтому я попыталась убежать.

Я стану смертью человека с камерой, которого прислала за мной моя мачеха: он увидел в моем лице что-то другое, не сделал того, что ему было сказано, и со временем она заставит его заплатить за это.

Мои друзья думали, что спасли меня, но со временем я бы стала смертью их дружбы. Они привыкли делиться всем: но я была тем единственным, на что один из них претендовал бы целиком и полностью.

В каком-то смысле ее сообщение стало счастьем. Я поняла, что это она, в тот самый миг, когда телефон завибрировал в кармане. Я чувствовала это в его теплых округлых линиях, в гладкости его стекла.

Буквы были ядом, химической формулой, составленной из слов. «ОН УМЕР ПО ТВОЕЙ ВИНЕ». И ссылка на видео с автокатастрофой.

Я смотрела, пока у меня глаза не заболели.

Я нашла таблетки в комнате Юри. Проглотила, не запивая: они были сухими и не имели вкуса. Лучше быть никем, чем смертью, лучше быть тишиной, чем эхом.

Сначала было немножко больно, в животе и между висками. Затем ливнем обрушились сны.

Я была принцессой вампиров, холодной и суровой, которая заключила договор с великими силами, древними богами, принявшими облик малого народца, и сражалась с темной королевой, которая хотела крови бессмертных.

Я была девушкой-андроидом, машиной для удовольствий, лишенной сердца, проданной и отправленной на свалку ревнивой женой. Меня нашли боты-шахтеры на далеком Марсе и деактивировали, введя секретный код. В далеком будущем, где Солнце стало красным, меня разбудил постчеловеческий бог, пытающийся понять человечество.

Я была сотней других принцесс, которые существовали только для того, чтобы умереть, вернуться и отразить надежды и мечты других.

Я вижу это и в твоих глазах. Ты ищешь что-то, что отчаянно хочешь увидеть. Ты думаешь, что завоевал меня, спас.

Ты мне не веришь. Ты думаешь, мы полюбим друг друга и поженимся. Мачеха придет к нам на свадьбу и будет смотреть на наше счастье, лицо ее покраснеет от ярости, а острые шпильки будут бессильно стучать по танцполу. Но она не

позволит мне получить тебя. Она пригласит тебя на танец, а когда музыка станет совсем громкой, в ее руке сверкнет шприц.

Так всегда бывает во сне. А еще я видела, как выйти из зеркала.

Вернув меня, ты сказал, что я ненадолго умирала. Так и должно быть. Люми так и не очнулась, она умерла во сне. Если ты любишь меня, то сможешь что-нибудь придумать, подделать документы и найти какой-нибудь безымянный труп, который станет Люми вместо меня.

Я поцелую тебя сейчас, на прощание.

Мое тело исковеркано. Зубы болят, волосы висят лохмами, руки и ноги иссохли и покрыты язвами. Это не имеет значения.

Ты хочешь меня. Ты снимаешь электроды с моих волос, целуя мою шею. На экране твоего ноутбука краснеет яблоко. А потом ты становишься моей маленькой смертью, а я — твоей.

Ты еще спишь, когда я закутываюсь в больничную рубашку и посылаю сообщение друзьям с твоего телефона. Они приготовят для меня паспорт, билет и новое имя, выкованное из серебра битов.

Я шепчу тебе слова прощания и ухожу.

Ночью выпал снег. Снежное одеяло на земле

приглушает птичье пение. Весь мир стал белым и пустым, как первая страница книги.

Я — все, что ты когда-либо хотел. Я — все, что ты не можешь купить. Ты, который сидишь здесь в своем белом халате, с зачесанными назад волосами, с дорогими часами на запястье, загаром из Биаррица и слабым запахом сосны в лосьоне после бритья.

Я жизнь. Я невинность. Я хрупкая. Я милая. Я твое создание из химикатов и электрических снов.

Специально для тебя я кажусь слабее, чем я есть, позволяю тебе броситься ко мне, поправить подушки и предложить мне воды. Я позволяю твоей руке коснуться моей, беру стакан и медленно пью. Пальцы у тебя теплые, дыхание быстрое и беспорядочное. Губы у меня сухие, потрескавшиеся, волосы все спутались. Это не имеет значения. Волшебство никуда не делось.

Это игра зеркала. Я заставляю тебя видеть то, что ты хочешь.

Это мой отец-король научил меня играть. Он говорил мне, что я особенная, что я не похожа на других маленьких девочек. Моя мать перенесла меня из сказочного королевства силой желания, сделала меня из снега, крови и воронова крыла.

Если я показывала ему лицо матери, он делал все, что я захочу. Если я улыбалась, как она, он улыбался и покупал мне барби-принцессу. Если я правильно прикусывала прядь волос, его лицо темнело, и он уходил в кабинет и сидел там неподвижно, закрыв лицо руками.

Все, что принадлежало ему, стало моим. Пока она не пришла, чтобы заполнить дыру, оставшуюся после матери, не давать жизни отца утекать дальше. И она знала, кто я такая — такая же, как она. Игра между нами превращалась в бесконечный коридор отражений, лабиринт стекла и улыбок.

Она была старше и сильнее, чертова сука. И поэтому мне пришлось бежать.

Она погналась за мной, конечно. С фотографом было легко: такие, как он, существуют, чтобы видеть мир квадратными кадрами, через объектив.

Чтобы отогнать его, понадобилось только поставить самой себе синяк и сделать скорбный вид, чтобы он понял, что потерял.

Мальчики в черном построили бы мне замок, пока я показывала бы им секси маленькую маму. Он стал бы безопасным убежищем, позволил бы собрать себя заново и набраться сил. Но она прислала мне сообщение, призыв домой, замас-

кировав его горем, любовью и прочим враньем.

Я знала, что это ловушка. Я не могла убежать от нее. Если бы только она не решила, что выиграла.

Так что я приняла таблетки. Я спала, пока не наступило время проснуться.

Я спала и видела во сне месть.

Я была принцессой вампиров, холодной и суровой, которая заключила договор с великими силами, древними богами, принявшими облик малого народца, и сражалась с темной королевой, которая хотела крови бессмертных. В конце концов темная королева насосалась крови нежити и сгорела на солнце.

Я была девушкой-андроидом, машиной для удовольствий, лишенной сердца, проданной и отправленной на свалку ревнивым ИИ. Меня нашли боты-шахтеры на далеком Марсе и деактивировали, введя секретный код. В далеком будущем, где Солнце стало красным, меня разбудил инопланетный бог, изучавший давно погибшее человечество. В наказание ИИ оказался в ловушке сингулярности и пожирал свой собственный код, пока энтропия сжигала его.

Ты разбудил меня. Я вовсе не неблагодарная. Прежде чем я возьму все, что у тебя есть, я во-

площу твои мечты, как и положено настоящей любви.

Ты постепенно выходишь меня. Мы окажемся на страницах всех газет, чудесная пара, принцесса и ее спаситель. Сначала я буду стесняться своей изломанности, но ты поцелуй за поцелуем соберешь меня по частям.

Мы поженимся в загородном доме твоей семьи, в середине лета, под белыми цветами черемухи. Моя мачеха приедет на свадьбу.

Мы улыбнемся друг другу зеркальными улыбками, а потом ты пригласишь ее на танец.

И когда музыка станет громче, и ты закружишь ее, в твоей руке сверкнет шприц. Она почувствует легкое касание, будто ее клюнула птица. А потом она будет танцевать и танцевать на своих шпильках, пока у нее не сгорят ноги, будет танцевать до смерти.

А теперь помоги мне подняться. Я хочу увидеть рассвет. Я хочу снова увидеть лицо мира.

Да. Голубое небо, золотой свет, алый горизонт. Черные ветки деревьев на белом снегу, как буквы. Тихо поют птицы. Дальнейшее — молчание.

Неиспользованные «завтра» и другие истории

Предисловие к рассказу «Неиспользованные “завтра” и другие истории»

Один из моих самых любимых рассказов — «Динозавр» Аугусто Монтерросо: «Когда он проснулся, динозавр все еще был там». Мне нравится, что большая часть истории происходит за пределами этих восьми слов, в голове читателя.

Микрорассказы — самый сложный вызов писательскому мастерству. Нужно выбросить все лишнее, оставив один-единственный уникальный образ, из которого читатель сам сделает сюжет. Некоторые мои товарищи по писательской группе в Эдинбурге (Эндрю Фергюсон, Гэвин Инглис, Эндрю Уилсон и многие другие) — мастера микроформ, от научно-фантастических хайку до рассказов на открытки, так что мне тоже очень хотелось попробовать себя в подобном жанре.

Twitter со своим удивительным и нелепым ограничением в 140 символов с самого начала показался мне идеальной платформой для микрорассказов. Я зарегистрировался там в январе 2007 года, достаточно рано, чтобы выбрать в качестве имени пользователя собственное имя, но ничего

с этим толком не делал, пока в августе 2008 года *New Media Scotland*, шотландская организация искусств и технологий, не попросила меня месяц вести их аккаунт.

В течение месяца я публиковал по рассказу в день в *Twitter*-аккаунте *New Media Scotland*. Выжимать из себя 140 символов ежедневно оказалось на удивление сложно. Мне приходилось перебирать очень много материала, чтобы выбрать что-то для публикации. Некоторые персонажи и идеи, которые родились под давлением, остались со мной. Среди них был Имхотеп Остин, получеловек-полумумия, крутой детектив, который позже стал героем другого *Twitter*-сериала, который я публиковал в собственном аккаунте. Он назывался «Имхотеп Остин в ловушке времени» и стал одним из моих самых популярных произведений для декламации.

Довольно много авторов пишут тексты специально для *Twitter*. Один из моих любимцев — Джефф Нун (*@jeffnoon*), но сейчас экспериментируют даже такие известные писатели, как Дэвид Митчелл. Лучшие твиттерские тексты сочетают в себе эфемерность и актуальность социальных сетей с хайкуподобной точностью микрофикшена. Технологии будут развиваться, и, возможно,

твиттерфикшен пойдет по пути динозавров. А может, однажды утром мы проснемся и увидим в соцсетях новую форму нарратива. Она будет смотреть на нас, недоуменно моргая в ярком дневном свете.

Открытие

Ночью я смотрю на молнию у нее на спине. Между металлическими зубьями видна змеиная кожа. Что, если приоткрыть молнию, совсем чуть-чуть...

Снеговики

В ходе военного эксперимента появляется разумный снег. Ледяные кулаки разбивают все армии мира. Белый Император надевает морковную корону.

Не слишком замечательная жизнь

Параллельный мир: «Эту замечательную жизнь» так и сняли. Рождество становится сезоном самоубийств. С неба падают бескрылые ангелы.

Человек – воздушный шар

Его девушка была права. Над плато Фарси-данано кожа туго натянулась, человек-шар заполнился горячим воздухом.

Блиц-город

Мы катимся вперед на гигантских гусеницах, плюясь бетоном и кирпичом. Небоскребы Токио вырастают заново. Сегодня монстры вернутся.

Город клыков

Багси выбил ему клыки кастетом, и мы отправили его под воду с тазиком цемента. Я улыбался. Воротник плаща скрывал зудящие дыры на шее.

Имхотеп Остин в атомной ловушке!

Далее: Имхотеп Остин в атомной ловушке! Она — его Немезида из далекого будущего. Сожжет ли она его ядерным пламенем или страстью?

Прикованный к атомной ракете, он усмехнулся.

— Имхотеп Остин, — сказала Блондинка из будущего, мимолетно улыбнувшись, — не сдается до последнего.

Частный сыщик из Бруклина кое-что выиграл, поменявшись телами с трехтысячелетней мумией. В цепи есть слабое звено, оно расплавилось от жары.

— Ты знала про обезьяну. — Он тянул время.

— Конечно, — ответила она, стройная, в серебристом комбинезоне. — Я наняла тебя. Цепь лопнула.

Цепь слетела. Вскипел древний гнев. Луч из глаз робота прошел мимо. Он схватил ее, прижал к себе. Она смеялась. Лазер уперся ему в живот.

— Я могу тебя взорвать, — сказала она.

— А я могу выпить твою душу.
— Робот может запустить ракету.
— Сука.
— Сволочь.
Лучшее свидание в мире.

Имхотеп Остин в ловушке времени

1. Джетпак гудит. Мир плывет. Светится хронокупол. Через минуту они принесут в жертву его подругу и сбегут из затерянного во времени города.

2. Рой сторожевых роботов. Лучи из глаз. Погоня среди небоскребов. Двойная вспышка «Смит-и-Вессона». Главный дрон загорается и падает.

3. Похищения, немыслимо древние тела, зеленый хронокупол в Бруклине. Обычное дело для детектива-полумумии. Но теперь оно стало личным.

4. Он врезается в хронокупол. Изумрудные искры. Джетпак взрывается. Взрыв сносит с головы шляпу. Ручной скарабей Рози выбирается наружу.

5. Тюрьма доктора Дистопия. Машина времени, доставляющая преступников к Большому Взрыву. Им нужна ее жизненная сила, чтобы сбежать.

6. Он пробивает путь в лабораторию. Под латунным проектором распята Блондинка из будущего, злодейка XIII века, которую преобразила любовь.

7. Доктор смеется: знак равенства в формуле смерти.

— Имхотеп Остин. Добро пожаловать.

— Нет! — кричит она. — Это ловушка.

8. — Эта жизненная сила перенесет нас в Древний Египет. В империю преступлений!

Киборги-неандертальцы хватают его.

— Давай, Рози! — орет он.

9. Скарабей жертвует собой и перекусывает провод. Катушка проекта перегружена. Хронолуч гудит. Лучевой кулак убивает неандертальца.

10. Он закрывает ее собой. Луч попадает в обоих. Хроноэнергии сталкиваются. Прошлое и будущее уничтожают тюрьму. Дистопия орет. Вспышка.

11. Они в джунглях.

— Остин.

— Это может подождать.

Они целуются.

— Я беременна.

Слышится лихорадочное шипение. Тираннозавр атакует.